

Александра Авророва
Умом мужчине не понять
М.: Эксмо-Пресс, 2005

Александра Авророва

Умом мужчину не понять

(Чужой бизнес)

Света сидела на диване, поджав ноги, и перебирала рекламные проспекты, которыми бомбардируют участковых врачей фармакологические фирмы. Если доверять печатному слову, получается, несчастные пациенты должны с утра до вечера уминать лекарства, время от времени чередуя их с пищевыми добавками. Она же подозревала, подобного издевательства не выдержит даже здоровый организм, чего уж говорить о больном! В то же время трудно представить, что среди такой массы новых препаратов нет действительно полезных, вот Света и рылась в навозной куче со слабой надеждой обнаружить жемчужину.

Машка и Ванька мирно играли на ковре, время от времени задавая маме интригующие вопросы.

— Мама, а индейцы только на лицо красные или на тело тоже? Мама, а когда они ходят в перьях на голове, почему перья не сваливаются? Они их клеют приклеивают, да? Мама, а кто их завоевал — американцы? А Организация Объединенных Наций, она протестовала или нет?

Исходя из этого, Свете легко было догадаться, во что играют развитые отпрыски. Инициатор, разумеется, Машка. Немудрено — ей одиннадцать, а Ваньке всего шесть. Пока что он у нее под каблучком.

Мишка открыл дверь своим ключом, что само по себе уже было дурным знаком. Обычно он звонит, требуя к себе положенного внимания, а тут тихо вошел в квартиру и, даже не разуваясь, предстал передо женой немым укором.

Света поспешно поднялась, отложив проспекты. В душе теплилась надежда, что ссоры удастся избежать.

— Да уж сиди, — раздраженно заметил Мишка. — Если эта чушь для тебя важнее, чем возвращение с работы усталого мужа, то демонстраций мне не нужно. Что есть, то есть.

От него немного пахло спиртным. Не сильно, но ощутимо. Почему-то в Мишкиной фирме вечно находили повод для застолий.

— Есть хочешь? — спросила Света, прекрасно зная ответ. Раз выпил, то и поел. Просто хотелось продемонстрировать заботу, дабы умиловить недовольного повелителя. Что угодно, только не ссориться! Она слишком для этого устала.

— Нет, не хочу — уже поел. Я ведь не мог рассчитывать, что ты меня накормишь. У тебя есть более важные дела. Только вот объясни, — разгорячась, продолжил он, — объясни, зачем тебе это надо? Ладно, остальные, они зарабатывают себе на хлеб, но ты ведь просто маешься дурью!

Света указала глазами на детей. Поскольку конфликта не избежать, не хотелось продолжать разговор при них. Мишка не обратил на ее пассы ни малейшего внимания, зато Машка деловито скомандовала:

— Ванька, идем в детскую. Мама с папой будут ругаться, а мама думает, при нас это непедагогично.

Красивое длинное слово «непедагогично» она произнесла четко и с удовольствием, почти по слогам. Света, не выдержав, рассмеялась, однако муж ее не поддержал. Он и впрямь настроился ругаться, а неуместный смех лишь подлил масла в огонь.

— Светлана, ты никогда не воспринимаешь мои слова всерьез, а зря!

Слава богу, деликатная Машка плотно прикрыла за собой дверь.

— Мишка, чем ты недоволен?

— А то ты не понимаешь? Я вкальваю день и ночь вовсе не для того, чтобы моя жена трубила рядовым участковым врачом в заштатной поликлинике, да еще таскала работу домой. У других жены как жены: ходит в фитнес-клуб или еще в какое место оттянуться и ждет мужа, отдохнувшая и красивая. А ты... посмотри на себя в зеркало и вспомни, как выглядят Сережкина Анечка или Лешкина Полина! Я уж не говорю про Лану...

— Мишка, — улыбнулась Света, — ты забываешь, что твои сослуживцы женаты по второму разу, а ты все никак не удосужишься развестись. Для своих тридцати пяти я выгляжу нормально, а с юными девицами меня не сравнивает никакой фитнес-клуб.

Вообще-то ее до сих пор иногда окликали «девочка» — разумеется, со спины. Дело в комплекции. Света от природы была худенькая и невысокая, и вопрос диеты для нее не стоял —

ела, сколько влезет, и не толстела. Конечно, по лицу легко было догадаться, что ей давно не четырнадцать, однако трагедии в том она не видела. Что касается упомянутых супружеских пар... Сергею Ивановичу Лагунову под пятьдесят, он обладатель старательно прикрываемой плечи и не менее старательно драпируемого брюшка. И еще, разумеется — двадцатилетней Анечки, у которой в жизни одна-единственная, зато постоянная забота — не прибавить в весе. Анечка обожает мучное и сладкое, к тому же удивительно флегматична, поэтому ее вес и впрямь имеет тенденцию к увеличению. У Полины проблем поболее. Свету всегда удивляло, откуда у благополучной молоденькой девочки подобная раздражительность. Полина вечно всем недовольна, и спокойно общаться с нею в силах лишь феноменально покладистая Анечка. Даже Алеша Дмитриев, по страстной любви женившийся на этом чуде природы, предпочитает проводить вечера на работе, а не дома. Алеше лет тридцать пять, он высокий, тощий и крайне задерганный. Задерганность, впрочем, усилилась последний год и, по тщательно скрываемому мнению Светы, является результатом нового брака.

Последней в пример была поставлена Лана, и тут Светино сердце дрогнуло. Что за фантастическое имя — Лана Горностаева? Будь девушка фотомоделью — а при подобной внешности запросто, — Света была б убеждена, что у нее красивый звучный псевдоним. Но Лана менеджер, псевдонима ей не положено, так что приходится смириться, что ей так повезло от рождения. К тому же Мишка собственными глазами видел паспорт. Вот Света, например, была Николаева, а стала Кузнецова. Услышишь и забудешь. Но Лана Горностаева — это сочетание врезается в память надолго. К сожалению, вместе с личностью, которой оно принадлежит.

Света подумала «к сожалению» не потому, что Лана казалась ей чем-то плоха. Наоборот. Красотке двадцать семь, она закончила экономический факультет, умна, воспитана и, по Мишкиным словам, превосходный работник. Короче, и рада бы придраться, да не к чему. Просто... какой-нибудь женщине, возможно, было бы в радость, что у ее супруга менеджер с фигурой Моника Белуччи, но Света к таким мазохисткам не относилась. Она бы несомненно предпочла косоглазую кривобокую пенсионерку. Однако, разумеется, никому своих претензий не высказывала. Лана ведь не виновата, что на нее каждый оглянется. Хотелось надеяться, Мишка не считает, что с помощью фитнес-клуба его жена тоже превратится в фотомодель? Во-первых, где взять лишние пятнадцать сантиметров роста (у Ланы метр семьдесят пять), а во-вторых, Света никогда не тянула на красавицу, Мишка понимал это даже в самый разгар их романа. «Просто у нас с ним сейчас очередная попытка передела территории, — в очередной раз объяснила себе Света. — Мишка пытается сдвинуть вперед свои оградительные барьеры, попутно сметя мои, а я отчаянно защищаюсь».

В нормальной ситуации эти битвы должны были происходить в первые месяцы после брака, во время естественной притирки супругов друг ко другу, а не спустя пятнадцать лет. Только ситуация была ненормальна — как, впрочем, и многое в стране, где довелось родиться и жить. Света с Мишкой поженились рано — ей было двадцать, и она училась в медицинском, а ему двадцать три, он только что закончил Политехнический институт. Работал программистом, получал прилично, но, когда Света отсидела положенное с Машкой и пошла работать, ее зарплата отнюдь не казалась лишней. Вот и сложилась в семье определенная расстановка сил. Главный, разумеется, муж, однако и жена — полноценный человек.

Иногда Света размышляла, рада ли, что Мишка раскрутился. Четыре года назад он на паях с приятелем и бывшим одноклассником Витькой Козыревым завел собственную фирму, занимающуюся торговлей через интернет. Сперва дела шли не очень, зато теперь фирма процветает. Мишка, что называется, переместился в иную социальную категорию, естественным образом утянув туда и жену. «Проблема в том, что он с легкостью приспособился к перемене среды, а я не сумела», — в минуты самоуничтожения констатировала новоявленная представительница среднего класса. Недавно Мишка ходил на встречу однокурсников и вернулся в большом раздражении. Он стал им чужим, а они ему. Разный круг интересов, разные привычки. Света сама иногда с трудом узнавала мужчину, с которым прожила много лет, зато встречалась с девчонками, словно рассталась вчера. Они обсуждали общие медицинские заморочки и хохотали, словно сумасшедшие. А вот с Анечкой и особенно с Полиной Света чувствовала себя неловко. Нет, они вовсе не демонстрировали открыто свое презрение, все-таки ее муж — шеф их мужей, однако это презрение сквозило в каждом косом взгляде на ее костюм и в каждом ответе на ее реплику.

Имея благодаря Мишке кучу денег, психологически она осталась среди бюджетников и ничего не могла с собой поделаться.

Света не успела довести мысль до конца, как ее умудрился высказать Мишка. Подобные чудеса телепатии были у них нередки.

— Я ведь не мешаю тебе дружить с твоими нищими подругами. Я понимаю, Полина и Анечка — пустоголовые дуры, с ними взвоешь от тоски через пару дней. Но работать-то зачем? Я что, не могу тебя обеспечить? Перед мужиками стыдно, понимаешь?

— А мне стыдно перед коллегами, — неожиданно вырвалось у Светы.

— Как это? — удивился Мишка.

— Понимаешь, они на эти деньги живут, а я... я бы с удовольствием отдавала кому-нибудь эту дурацкую зарплату, но не знаю, как это сделать, чтобы никого не обидеть. Кстати, я не признаюсь на работе, кто ты у меня и какую сумму выдаешь нам на месяц. Вру, что ты программист в иностранной фирме.

— Ты что, меня стыдишься?

— Нет, разумеется. Просто не хочу лишних проблем. Мне и без того завидуют.

— Нищие неудачники всегда завидуют тем, кто чего-то достиг.

— Нет, они по-хорошему завидуют. Муж высокооплачиваемый программист — это еще тот уровень, когда можно завидовать по-хорошему. По-твоему, Мишка, в неудачах человек всегда виноват сам?

— Несомненно. Особенно мужик. Сейчас такое время, что каждый может всего достичь.

— Мишка, — засмеялась Света, — если бы каждый мог стать начальником, вам, начальникам, было бы некем руководить. Тебе это не приходило в голову? При любом режиме на начальника должно приходиться несколько рядовых граждан — по твоим меркам, неудачников.

— Мои подчиненные куда богаче твоего начальства, — ехидно сообщил Мишка. — А ты — плохая мать. У тебя дети брошены. Если я оплачиваю домработницу и гувернантку, это еще не значит, что дети должны забыть, как выглядит родная мамочка.

— А папочка? — парировала она, постепенно распаляясь. — Тебя они видят куда реже.

— Потому что я зарабатываю им на хлеб с маслом и икрой, а ты работаешь только для того, чтобы выставить меня идиотом.

Света попыталась взять себя в руки. Она хорошо знала собственные слабости. Сто раз после ссор с мужем давала себе слово впредь смотреть на происходящее с юмором и не кипятиться, но не получалось. Раньше они с Мишкой никогда не ругались, она даже не представляла подобного, а теперь... страшно было вспоминать некоторые в горячке произнесенные фразы. Потом Света расстраивалась и каялась, но сдержаться не могла. Вспылив, она начисто теряла способность к самоконтролю.

— Мишка, — примирительно спросила она, — зачем начинать все по новой? Говорено переговорено. Я врач. Я должна лечить людей. Это... это мое... ну...

— Призвание, — услужливо подсказал Мишка. — Только ты забываешь, что строй давно переменялся. Теперь в моде не призвание, а бизнес, а бесплатная работа на фиг никому не нужна.

— Ты бы действительно хотел, чтобы я получала за работу большие деньги? — искренне и пока еще весело изумилась Света. — Ты уверен? Мне брать с каждого пациента магарыч?

Мишка на секунду замолк, затем честно констатировал:

— Нет уж! Если б ты получала большие деньги, мне бы это еще меньше понравилось. Мне просто жалко тебя, Светка. Вкалываешь, как лошадь. Непонятно, откуда силы берутся... ветром ведь унесет, а? Просто пушинка...

Он поднял Свету на руки и стал целовать. Честно говоря, этим и завершались обычно их споры. Мишке, который был на сорок сантиметров выше жены и почти вдвое тяжелее, было несложно носить ее на руках. Света подозревала, именно подобный контраст и привлек их когда-то друг ко другу, да что там, привлекает до сих пор. Правда, за последние годы ее процветающий супруг слишком раздобрел, приобретя вальяжность и даже мордатость, неуловимо отличающие наших нуворишей любого толка от обычных смертных, но все равно оставался мужчиной в полном смысле этого слова, и, когда он обнимал ее, она чувствовала себя маленькой, слабой и защищенной от всех невзгод. Да так оно и было! Она прекрасно понимала, что живет за ним, как за каменной стеной. Домработница и гувернантка — Света до сих пор не могла избавиться от

неловкости в их присутствии. Они обе старше нее, и поначалу она вечно пыталась им помогать, за что и была Мишкой распекаема. Жена такого человека, как он, не должна пачкать руки домашней работой. Равно как и не домашней. Вот к Полине и Ане, мужа которых не взлетели столь высоко, домработницы приходят лишь раз в неделю, а гувернантки и вовсе отсутствуют. Впрочем, там нет и детей. Точнее, у Алеши и у Сергея Ивановича есть дети в предыдущих семьях.

— А если б вошли Машка или Ванька? — спросила Света, когда Мишка немного успокоился. — Им бы в голову не пришло постучать.

— Правильно мыслишь, — бодро согласился Мишка, — перейдем-ка лучше в спальню.

— Да уже незачем, — напомнила она.

— Найдем, зачем, — засмеялся он и неожиданно добавил тоном, какого жена давно от него не слышала: — Ты такая же хрупкая, будто и не рожала. Королева фей... Когда я тебя обнимаю, я чувствую себя всемогущим.

У нее потеплело на душе, все было, как раньше, пока Мишка не добавил:

— Я говорю не только в смысле секса... тут уж точно никакая виагра не нужна... но и вообще.

Это разъяснение — да разве оно требовалось? — вернуло Свету с небес на землю. Они с мужем любят друг друга, тут сомнений нет, но что-то у них разладилось. Еще несколько лет назад он так гордился ее популярностью среди больных! Света сидела дома с новорожденным Ванькой, а особо настырные пациенты заявлялись прямо на квартиру, и Мишка если ворчал, то не без удовлетворения. В конце концов, именно он в свое время открыл ее способности... или это иначе называется? Пусть будет призвание, так им теперь презираемое. Разве призвание зависит от социального строя? Оно в природе людей. Когда оно в тебе есть, хочешь не хочешь, а вынужден с ним считаться.

Дело в том, что Света имела дар диагноста. О профессии врача она мечтала с раннего детства, еще до смерти отца. А когда тот умер в сорок лет из-за неправильно поставленного диагноза, она укрепилась в своем намерении. Поступила в медицинский, однако была там самой средней ученицей. Добросовестной, но не более того. Ей вообще для научного склада ума не хватало рассудительности и настойчивости. К тому же она познакомилась с Мишкой, завязался бурный роман. Потом у Мишки серьезно заболела мама, врачи предполагали рак, а Света вдруг поняла, что у нее просто-напросто инфекционный лимфаденит, только нестандартно протекающий. Нину Сергеевну вылечили, она здравствует до сих пор. Мишка долго выпытывал, как юной студентке удалось то, чего не сумели медицинские светила, а она знай твердила: «Это было видно». Она до сих пор не могла бы сказать большего. Ей было видно, и все тут! Не всегда сразу, иногда приходилось долго мучиться, но рано или поздно она ощущала, где в человеке таится источник болезни. Не проявления, а именно источник. К веселым Мишкиным уверениям, будто она экстрасенс, Света относилась скептически. Скорее тут сочетание интуиции, опыта и непреодолимого желания помочь. При этом она понимала, что врачом была отнюдь не идеальным. По большому счету надо, например, регулярно следить за новыми публикациями, тем более, сейчас есть интернет. Надо обмениваться сведениями с коллегами, посещать конференции. Да много чего надо, а она ленилась. То, что благодаря доходам мужа она могла бы вообще ничего не делать, страшно ее расхолаживало. Но совсем бросить работу Света была не в силах. К ней приходили разные люди, причем не только с ее участка, а нередко совсем посторонние. Приходили, совсем отчаявшись, и довольно часто ей удавалось поставить им диагноз... ну, а лечились они потом у других. Разумеется, Света направляла на анализы, а не делала выводы на глазок, ведь не всегда угадываешь с первого раза. Однако интуиция быстро подсказывала, что нужно: проверить мочу на сахар или исследовать свертываемость крови. В результате разумно выписанное направление оказывалось немалой частью лечения.

А теперь представьте, что Света возьмет да уволится. Куда деваться тем, кто на нее рассчитывает? Помирать? Мишка как-то сказал: «А почему ты не переживаешь за тех, кто на тебя не рассчитывает? На свете масса больных людей, не подозревающих о твоём существовании. О них ты почему-то не беспокоишься, так зачем беспокоиться о тех, кто о тебе знает? Нелогично». Она понимала его правоту, но с логикой у нее были нелады. Например, не возникало ни малейшего желания отправиться в африканские дебри лечить бедных страдающих негров. Что называется, не видит око — и зуб неймет. А вот тоненький ручеек пациентов, который тянулся день за днем в ее кабинет, нагляден. Свету страшно терзала бы мысль, что некто поверил, что его

спасут, а она отвернулась и ушла. Она бы ночей не спала, честное слово! И еще. Она получала удовольствие от своей работы. Да что там — Света любила ее. Конечно, устаешь, да и бывают ужасные случаи, когда ясно, что человек обречен, но все же хорошего больше, чем плохого. Когда она сидела дома с детьми и ее находили настырные пациенты, Света обследовала их почти с жадностью. Она скучала по работе. Раньше Мишка прекрасно все это понимал, а последнее время пилит и пилит. В конце концов, самого с утра до ночи нет дома, так какая ему разница, где жена проводит время? Все равно она возвращается раньше мужа.

Однако аргументы, связанные с Машкой и Ванькой, задели Свету всерьез. Похоже, она и впрямь не лучшая мать. Сколько женщин были бы счастливы, имея возможность целый день сидеть дома с детьми, и искренне ее бы осудили. Да что там! Она сама на днях ощутила жгучий укор совести, услышав, как вслух молится Ванька. Он говорил: «Добрый бог, сделай так, чтобы у папы было больше всех денег». Просить в шесть лет новую машинку, или роликовую доску, или десять порций мороженого — это естественно, но деньги... Не просто деньги, а чтобы еще и больше всех! Свете стало страшно. Но о чем прикажете мечтать ребенку, которому по первому требованию покупают и машинку, и роликовую доску, и мороженое, и даже мобильный телефон? Так велит гувернантке хозяин, а его слово — закон. Лишь мать может ставить хоть какие-то препоны подобному безудержному баловству, однако Ванька проводит с нею меньше времени, чем с Татьяной Павловной. Да, тут Светина вина. С Машкой легче, она уже личность, а Ванька только формируется, и было бы ужасно воспитать сына, для которого единственно важное в жизни — превзойти окружающих в богатстве.

Короче, на следующий день после ссоры Света, отсидев утреннюю смену, помчалась домой, полная самых благих намерений и совершенно забыв, что именно ими вымощена дорога в ад.

Открыв дверь своим ключом, вместо ожидаемых голосов любимых детей она вдруг услышала голос не менее любимого мужа. Автоматически глянула на часы. Полчетвертого. Не случилось ли чего?

Мишка имел привычку говорить громко, он вообще шумный и размашистый, так что слова Света различала хорошо.

— Успокойся, Ланочка. Ну, не ревнуй! Да кто на нее посмотрит после тебя? Вся проблема в детях. Найми я самого лучшего адвоката, все равно при разводе дети достанутся ей, вот я и вынужден терпеть. Считаю, она мне типа не жена, а так... соседка. У нас с ней давно ничего нет. Она меня совершенно не возбуждает.

Почему-то последняя ложь поразила больше всего. Давно ничего нет... не далее, как нынешней ночью... и вечером тоже... Ошеломленная, Света машинально побрела на голос.

Дверь в спальню была открыта, а на супружеской кровати... там происходило действие настолько недвусмысленное, что при всем желании невозможно было ошибиться. Лана гостью не заметила, слишком была увлечена, а Мишка... его лицо выразило почти детские растерянность и обиду, и он, бросив искоса взгляд на стенные часы, укоризненно произнес:

— Ты чего так рано, а? Смена ведь до трех.

— Часы отстают на час, — все еще пребывая в сомнамбулическом состоянии, ответила Света. — Сейчас полчетвертого, а не полтретьего.

Ее слова заставили Лану обернуться. Голая она была еще краше, чем в одежде. Подобной шикарной груди у Светы не было даже в период кормления. Девушка обернулась, но продолжала прижиматься к чужому мужу, которому отсутствие одежды шло существенно меньше. Он попытался прикрыться простыней — от жены, что ли?

— Простите, — горячо воскликнула Лана, с нескрываемой жалостью глядя на соперницу. — Не бойтесь, я не собираюсь разбивать вашу семью, у вас ведь дети. Просто мы с Мишей любим друг друга. Это вам не повредит, поверьте мне! Мне совершенно не нужны Мишины деньги, только он сам.

Свету захлестнула дикая ярость. Зная собственную вспыльчивость, обычно она старалась себя контролировать, но сейчас это было выше человеческих сил.

— Убирайтесь! — заорала она, швырнув сумку на пол так, что содержимое разлетелось по спальне. — Чтобы я больше вас не видела! Обоих! Я сама давно мечтаю развестись! Ты мне даром не нужен вместе со своими деньгами! Женись на ней, буду счастлива!

Это то небольшое, что Света потом вспомнила, а наверняка было многое похлеще. Очнувшись, ни Мишки, ни Ланы она уже не обнаружила. Кругом царил разгром. Похоже, в приступе гнева она крушила все подряд. Стало стыдно и горько, и Света заплакала. Потом накатил ужас — сейчас появятся дети и застанут отвратительную картину... Она выпила воды, откашлялась и позвонила Татьяне Павловне на мобильник.

— Михаил Петрович отправил нас погулять, — известила та, — но мы уже возвращаемся.

— Нет! — испугалась Света. — Отвезите, пожалуйста, Машку с Ванькой к моей маме и можете быть свободны. Им лучше переночевать там.

Вымуштрованная Мишкой Татьяна Павловна не задавала вопросов. Света позвонила маме, наврала, что у соседей гепатит, и та охотно согласилась от греха подальше временно поселить внуков у себя, тем более, в школе как раз каникулы. Едва успев положить трубку, Света снова зарыдала. Мир рухнул. Она жила за каменной стеной, а теперь стена исчезла, и приходилось с ужасом вглядываться в пустоту. Не лучше ли закрыть глаза, чтобы ничего не видеть? Впрочем, разве не это она делала последнее время? Она ведь догадывалась, что Мишка ей изменяет, но старательно убеждала себя в обратном.

Света понимала, подобное признание ей не на пользу. Раз догадывалась, почему терпела? А поскольку терпела, незачем устраивать истерики, правильно? С точки зрения логики правильно, но реально... Да, иногда ей по неуловимым, смутным признакам мнилось, что Мишка недавно был с кем-то близок. Чаще всего эта мысль возникала после его возвращения с очередного пикника. В их «Интермаге» (это фирма Мишкина так называется) прямо-таки помешательство на подобного рода развлечениях. Выходные не в выходные, если не завалиться гурьбой за город, где положено собственноручно нажарить шашлыков, объесться, напиться, да еще как можно дольше проторчать в сауне — страшное на взгляд любого врача сочетание. У Светы сердце разрывалось от ужаса, когда она поначалу с ними ездила. А потом она вдруг подумала: «А зачем я туда еду? Остальные понятно — развлекаться, а я зачем? Портить настроение себе и им?» Действительно, если б она хотя бы могла заставить Мишку поменьше пить, тогда другое дело, но он совершенно в этом вопросе ее не слушал. Уверял, что после тяжелой рабочей недели ему просто необходимо расслабиться. Что другие у них пьют не меньше (кстати, чистая правда). Короче, эти пикники Свету только расстраивали. Вот она и поступила по своему дурацкому правилу — с глаз долой, из сердца вон. Оставалась дома, предоставляя Мишке развлекаться на приятный ему лад. В конце концов, она же ходит без него в театр, так почему ему не выбираться без нее за город?

Когда Свете впервые почудилось, что Мишка ей изменил, она, разумеется, ближайšie же выходные отправилась на шашлыки с «Интермагом». Не обнаружив там ничего подозрительного, решила, что с ней сыграло шутку слишком живое воображение. Нет ничего отвратительнее жен, которые пилят мужей без малейшего повода и контролируют их, словно кроликов на пришкольном участке. Устыдясь, Света выбросила сомнения из головы. Правда, после недавней беседы с Витькой они возникли вновь, но, опять-таки, не вполне обоснованные. Витьке она никогда не доверяла до конца.

Витька Козырев — совладелец «Интермага» и Мишкин бывший одноклассник. Света не рискнула бы произнести слово «друг» (по большому счету, у Мишки сейчас нет друзей), но приятель. По образованию он юрист. Судя по всему, более, чем толковый. Он вообще очень умен. А вот недолголюбивала она его, и все тут! Света вообще настороженно относилась к слишком красивым мужчинам. Ее собственный муж в этом отношении не блещет, зато на него хочется опереться. Высокий, сильный, широкоплечий. А Витька немного женственный. Машка как-то с восторгом произнесла: «Ой, дядя Витя, как вы похожи на одного парня из рекламы... ну, того, у которого перхоть!» Бедный Витька аж поперхнулся, хотя девочка явно намеревалась сделать ему комплимент. Певец, рекламирующий средство от перхоти, Машке очень нравится, а Витька и впрямь на него похож. Моложавый стройный брюнет с длинными волнистыми волосами и чарующим взглядом темных глаз. Женщины падают от восторга и складываются в штабеля. Только не Света — у нее другой вкус. За пятнадцать лет знакомства Витьке пора было в этом убедиться. Хотя, возможно, в прошлую пятницу он полез к ней просто спяну. Привык, что каждая рада, и распустил руки чисто автоматически. А Света так же автоматически дала ему по морде. Это случилось, кстати, не на пикнике, а в офисе. Отмечалось четырехлетие «Интермага», и Мишка обиделся бы, если б жена не пришла. Она и пришла, но он все равно обиделся. Как будто Света

виновата, что не может пить, сколько они! Не может и не хочет. Печень у нее одна, и Света ею дорожит. Мишка при всех громко спросил: «Демонстрируешь, что ты типа культурная, а мы жлобы?» Она, чтобы не вспылить и не испортить людям праздник, убежала в соседнюю комнату, вот там Витька к ней и полез. Пятнадцать лет не обращал внимания, и вдруг — на тебе! А, когда она ему вмазала, заявил: «Только не изображай семейную идиллию. Какой тебе смысл хранить верность, если этого не делает Мишаня. Надеюсь, Светка, ты не слепая?» Света, разозлившись, ответила: «К сожалению, нет. А то сослепу приняла бы тебя за мужчину». Она часто выпалит, не думая, а потом жалеет. Впрочем, в данном случае не жалела ни капли — нечего было наговаривать на Мишку. Света решила, что про неверность Витька выдумал специально, чтобы ее задеть. Однако червь сомнения снова стал точить душу. Это случилось в пятницу, а сегодня среда, и сомнений уже нет, но Света этому не рада.

Вот какие мысли проносились у нее голове, пока она отчаянно рыдала, лежа прямо на полу. Господи, какая же она дура! Правду говорят девчонки — нельзя никуда отпускать мужа одного. Сама во всем виновата. Думала, можно любить друг друга и оставаться свободными. Так не бывает. Вот наступила бы себе на горло, бросила работу и ходила всюду за Мишкой, так все было бы в порядке. Или не было бы? Может, она осточертела бы ему еще раньше? «Кто на нее посмотрит после тебя? — вслух произнесла Света слова мужа. — Считаю, она мне не жена, а так... соседка. У нас с ней давно ничего нет. Она меня совершенно не возбуждает». Как он притворялся, боже мой, как же он притворялся! И как она была слепа! Она верила ему безгранично. Столько лет прожить с человеком и не уметь отличить искренность от фальши — вот что самое ужасное. Стоило вспомнить их с Мишкой ночи и представить, что он хотел видеть вместо жены другую, что она была лишь неудачной подменой, надоевшей глупой куклой, как Света начинала выть с новой силой. Ей было тошно и стыдно. Есть чувства, которые можно испытывать только вдвоем. Когда испытываешь их вдвоем, они прекрасны, а иначе отвратительны... даже позорны. Нет, ее ничто бы не спасло. Пускай видимость брака продержалась бы немного дольше, чем теперь, суть от этого не изменилась бы.

Как ни странно, от сознания неотвратимости случившегося стало легче. Нет ничего хуже, чем задним числом грызть себя, с маниакальным упорством пытаюсь вычислить, что ты сделала не так и где именно следовало подстелить соломки. Мишка ее разлюбил, а полюбил Лану. Любые Светины усилия были бы бесплодны — ведь любовью распоряжается Господь Бог, а не мы, грешные.

Немного успокоившись, она налила себе в чашку коньяка и залпом выпила. Опьянения не почувствовала, но по жилам побежало тепло. «Почему Мишка не сказал мне правды? — горько подумала она. — Да, из-за детей. Неужели он считал, что я не позволю им встречаться с отцом? Конечно, сгоряча я способна наговорить ужасных вещей, но я ведь отходчивая. Машка с Ванькой ни в чем не виноваты, и я бы никогда не превратила их в орудие мести. Неужели Мишка так же слеп в отношении меня, как я в отношении него?» Света вдруг поняла, что, если б муж признался в измене сам и сразу, ей было бы вполтину не так больно. Что боль от вчерашнего обмана куда сильнее боли от завтрашней разлуки. Возможно, она тоже давно не любит по-настоящему, только не замечала этого? Хорошо бы, если так, это был бы наилучший выход. И она принялась повторять, словно заклинание: «Я не люблю его по-настоящему, я не люблю его по-настоящему». Если очень долго что-то повторять, вдруг оно возьмет да сбудется?

От телефонного звонка Света вздрогнула, словно по меньшей мере обвалился потолок. Высветился номер Мишкиного мобильного... сердце бешено заколотилось о ребра... она не хочет поднимать трубку, она боится! Хотя чего бояться? Хуже уже не будет. И Света дрожащим голосом произнесла:

— Да?

— Светка, не дури, — без предисловий начал Мишка. — У нас дети. Кстати, они вот-вот вернутся.

— Я отправила их к маме, — ответила она. — Незачем вываливать на них наши проблемы. Не волнуйся, я не собираюсь лишать тебя возможности видиться с детьми. Они тебя любят.

— Безмерно благодарен за доброту, — съязвил Мишка, — но мне недостаточно видиться с детьми. Я хочу с ними жить.

— Обалдел? — ужаснулась она. — Я тебе их не отдам. Кстати, не думаю, что они нужны твоей Лане. Спроси ее сам, и увидишь.

— Значит, нам остается продолжать все по-прежнему. Дети прежде всего.

— Детям не на пользу жить в атмосфере притворства, — холодно заявила Света, разозлившись так, что даже горе отступило. Он полагает, она станет исполнять роль удобной ширмы, а он при этом будет любить другую и проводить с этой другой свободное время! Тоже мне, султан нашелся!

— Нищета детям тоже не пойдет на пользу, — сообщил Мишка. — Да и тебе, дорогая. Ты уже просто забыла, что значит жить на бюджетную зарплату, тем более, втроем.

Светина злость усиливалась.

— Ничего, проживем. Пойду работать на две ставки, у нас все так делают. А с детьми мама поможет.

— Дура! — заорал Мишка так, что у нее заложило ухо. — Ты нарочно меня оскорбляешь, да? Я что, недоделанный, чтобы оставить без денег собственных детей?

— Ты же сам только что сказал...

— Сказал, чтобы проверить, кем ты меня считаешь! Значит, я, по-твоему, последнее фуфло, а ты благородная? Легко быть благородной, когда все мерзости умеешь свалить на другого, а попробовала бы покрутиться сама... Вот Лана, она меня понимает, она нормальный человек.

Достоинства Ланы обсуждать не было сил, и Света положила трубку. Потом совершила довольно нелепый поступок — разделась и принялась внимательно изучать собственное отражение. Мишка часто уверял, что у нее удивительно гармоничные пропорции, а эфемерность и хрупкость очень ему нравятся. Но Света с горечью убедилась, что по сравнению с Ланой выглядит беспольным подростком. К тому же соперница моложе почти на десятилетие.

Света оделась и снова немного поплакала, однако куда менее горько, чем раньше. Мишка прав, у них дети, ради которых необходимо взять себя в руки. Она была рада, что его обещание оставить Машку с Ванькой с нищете оказалось шуткой. Было бы совсем уж отвратительно обмануться еще и в его родительских чувствах.

Захотелось есть. Действительно, на улице темнеет, а она не обедала. Света вытащила из гриля курицу и, даже не разогрев, вцепилась в нее зубами, но поужинать не успела. Легкий скрежет ключа в замочной скважине, привычный звук шагов...

— Она еще может есть, как ни в чем не бывало... — с нескрываемым отвращением прокомментировал Мишка.

Света собиралась огрызнуться, но, увидев лицо мужа, одними губами прошептала:

— Кто? Машка? Ванька?

Они ведь прожили вместе пятнадцать лет. Может, Света и слепая, но знак несчастья не перепутает ни с чем.

— Я. Похоже, меня обвинят в убийстве. Что мне делать, Светка?

Первым чувством было облегчение. Дети живы и здоровы, а остальное чепуха. Лишь потом включился разум.

— Обвинят в убийстве? Почему?

— Убили Витьку Козырева. Застрелили.

— Кто?

— Если б я знал!

— А откуда ты вообще знаешь?

— Я сейчас от него. Его тело лежит в гостиной у стола с огромной дырой в груди. Рядом ружье.

— Он точно мертв? — по профессиональной привычке уточнила Света. — Ты пульс проверил?

— Мертвее некуда.

— В милицию звонил?

— Нет.

— Они будут страшно ругаться, что ты оттуда уехал. Но, в конце концов, ты имел полное право перепугаться! Надо срочно им звонить, Мишка.

— Ты чего, глухая? — заорал он. — Тогда меня посадят, понимаешь? Они решат, что убил я, понимаешь? Надо что-то делать!

В голове после сегодняшних событий до сих пор было смутно, и сосредоточиться никак не удавалось.

— Почему ты? Вы с ним приятели.

— Не приятели, а компаньоны. У нас были разногласия, а сегодня мы при всех разругались вдрызг. Это вспомнит каждый.

— Ну и что? Мало ли кто с кем по работе ругается, это еще не повод...

— А ружье? — мрачно осведомился Мишка.

— Да, откуда у Витьки ружье? Он ведь не охотник.

— Мое, разумеется. Вот...

И Мишка вытащил из сумки ружье, шмякнув его прямо на кухонный стол.

— Ты... ты что, унес его оттуда?

— А что мне оставалось? Не оставлять же там, чтобы его нашли и обвинили меня.

— О господи! Но... но как оно туда попало?

— Витька попросил дней десять назад. Он вкручивал мозги очередной дамочке и считал, что рассказ об охотничьих подвигах живо уложит ее в постель. А потом все забывал вернуть. Вот и доигрался! Таким, как он, близко нельзя подходить к оружию.

— Ты думаешь, он сам выстрелил? Случайно? — воспрянула Света, но Мишка живо избавил ее от иллюзий.

— Исключено. Я видел тело.

Она потерла руками виски, чтобы хоть немного успокоить биение крови.

— Мишка, зачем ты унес это чертово ружье? Ты ведь только себе навредил. Теперь поди объясни милиции, что ты не при чем... В конце концов, дать приятелю на время ружье — еще не преступление.

— Вообще-то преступление, но дело не в этом. Ружье указывает на меня, понимаешь? У нас охотник один я. А о том, что я дал ружье Витьке, никто не знает. Это ведь незаконно, и я просил не трепаться. Видишь, как все складывается...

— Мишка, опомнись! Что складывается? Вы с Витькой поругались по поводу работы, ты поехал к нему с ружьем, которое по непонятным причинам таскал с собой, и пристрелил, хотя понимал, что тебя первого заподозрят? Чушь! Не такие в милиции дураки. Конечно, теперь ситуация усугубилась тем, что ты не вызвал их сразу и унес ружье, но я надеюсь, ты сумеешь им объяснить.

— А на столе стояла бутылка шотландского виски и два стакана, — прервал жену Мишка. — Все знают, что Витька не любитель виски и пьет его только за компанию со мной. Я убрал бутылку в бар, а стаканы вымыл.

У Светы аж дыхание перехватило. Да что ж это такое! Ссора, ружье, виски...

— Но ты ведь застал его уже мертвым... — стараясь, чтобы в голосе не прозвучали вопросительные интонации, пролепетала она.

Похоже, интонации эти все-таки прозвучали.

— Вот видишь! — горько произнес Мишка. — А ты надеешься, что мне поверит милиция. Собственная жена, и то...

— Я верю, — поспешно сообщила Света. — Получается, кто-то специально хотел тебя подставить?

— Похоже.

— Кто? Кто мог убить Витьку?

— Любовница, конечно. Одна любовница застала у него другую и...

— Тогда где труп другой? Уж соперницу она вряд ли пожалела бы.

— Не знаю. В том-то и дело, что все указывает на меня! Ты еще главного не знаешь. У Витьки есть бумаги, которые... ну, он ведь юрист, а я нет. Я, что ли, разбираюсь в этом крючкотворстве? Короче, Витька держал меня в руках. Я не нашел у него эти бумаги, я боялся оставаться там слишком долго, но если их найдет милиция, я влип по черному.

— А зачем тебя вообще понесло к этому Витьке? — вырвалось у Светы. — Если вы как раз поругались. Да и вообще...

Она неожиданно вспомнила, что муж ее сегодня бросил и должен был ворковать с Ланой, а не разъезжать по приятелям. На фоне убийства разрыв стал казаться чем-то нереальным.

— Я получил от него сообщение на трубку. Мол, срочно подъезжай, решим все миром. Я и рванул.

— Сообщение? — повторила Света. — Не звонок?

— Именно сообщение.

— А тебя это не удивило?

— Не очень. Решил, он выпроваживает свою дамочку и не хочет при ней говорить.

— А ты знаешь, кто именно эта дамочка?

Мишка пожал плечами.

— Их у него, как собак нерезаных. Каждую помнить... не вникаю давно.

В нашей стране детективы читают в основном женщины, и Света не была не исключением. На чем всегда ловят преступников? Ну, конечно!

— Мишка, ты там оставил свои отпечатки пальцев или вытер?

— Стаканы и бутылку я брал носовым платком, ружье вытер, а остальное... В конце концов, я регулярно бывал у Витьки, там полно моих отпечатков. О, черт!

— Что? — вздрогнула она.

— Платка не найду. Надеюсь, я посеял его не там.

— А если там? Господи, Мишка, что ты наделал! Надо было сразу вызвать милицию, было бы куда лучше!

Света понимала, что непорядочно упрекать человека, которому и без того безмерно плохо, но она ведь не упрекала вовсе. Это был возглас отчаяния, однако Мишка понял его иначе.

— Это ты во всем виновата, — жестко произнес он. — Если бы не ты, ничего бы не случилось. А теперь ты еще и издеваешься надо мной?

— В чем я виновата? — не поняла она.

— Если бы ты не закатила скандала и не вышвырнула меня, я бы не поругался сегодня с Витькой, да и вообще не наделал бы глупостей. Именно из-за тебя я сегодня не в себе. Ежу ясно, мне нельзя было уносить ружье. Милиция все равно поймет, из какого оружия был сделан выстрел, и выйдет на меня, только уже заранее уверенная в моей вине — мол, не был бы виноват, не утащил бы ружье. Я бы сразу понял это, но ты выбила меня из колеи, и теперь я влип. Я влип, а ты, как всегда, не при чем. Хорошо устроилась!

В этот миг Света с удивлением поняла, что пятнадцать лет назад выходила замуж за совершенно другого человека. Тот человек в трудную минуту всегда брал на себя ответственность, снимая ее со слабой женщины. Света иногда даже возмущалась, однако не могла не восхищаться. Ребенок тоже иной раз возмущается произволом родителей, но в глубине души признает их превосходство и право решать. Когда же Мишка успел перемениться? Боже мой, да ведь она, похоже, действительно была слепа, а теперь прозрела!

Прозрение придало сил. Света привыкла считать, что со всеми проблемами Мишка справится сам, а это давно не так. Значит, она должна помочь ему. Он... любит его Света или нет, бросил он ее или не до конца, но он свой, родной, и она сделает для него все, что возможно.

— Вот что. Надо вернуть ружье и забрать платок. И, раз уж так сложилось, притворимся, что тебя у Витьки сегодня не было.

— Вернуть и забрать? — усмехнулся Мишка. — Я, по-твоему, псих — ехать туда снова? Чтобы попасться ментам?

— Я сама съезжу, — предложила Света. — И расскажи, какие документы мне искать. Как они выглядят?

— Ну, — неуверенно начал Мишка, — я не могу тебя туда отпустить. Это опасно.

— Тебе опасно, а мне нет. Даже если меня там застанут... у меня ведь нет мотива для убийства. Выкручусь!

— Это да, — легко согласился муж. — Тебя никто не заподозрит, ты не из тех. Но все-таки не рискуй, хорошо? Если не найдешь этих бумаг сразу, не ищи, а возвращайся домой. Лучше бы тебя там не застукали. Да, а дверь у Витьки отперта. Прикрыта, но отперта. Код подъезда 248. Ни пуха тебе!

— К черту, — нервно пожелала Света.

Она гнала машину, как сумасшедшая, даже не подумав, что будет, если наткнется на пост ГАИ, зато и примчалась за семь минут. Осторожно толкнула Витькину дверь. Она поддалась, и Света почему-то на цыпочках вошла в квартиру.

Витька вовсе не лежал на полу, как уверял Мишка, а сидел, навалившись на стол. Он был мертв, сомневаться не приходилось, но умер совсем недавно. Полчаса, от силы час. Сердце защемило от жалости. Жил себе человек, развлекался, любил женщин и ожидал впереди много хорошего. А впереди не оказалось ничего. Какое счастье, что мы не знаем собственного будущего!

Ноги подкосились, Света села. На столе стояли бутылка шотландского виски и два стакана. Света жадно схватила бутылку, собираясь глотнуть (прекрасное средство от обморока), и лишь тут до нее дошло. Мишка убрал бутылку и вымыл стаканы — по крайней мере, так он говорил. Неужели Витька был еще жив, встал, взял виски и лишь после этого умер? Неужели Мишка бросил приятеля умирать?

Света всегда тяжело давались занятия в анатомическом театре, но все-таки она была врачом. Сжав зубы и усилием воли преодолевая тошноту, она осмотрела труп. Слава богу, Витька не мучился. От подобных ран умирают мгновенно. На лице его застыло выражение легкого удивления — без тени страха. Света тряхнула головой, отгоняя наваждение. Получается, описывая обстановку, Мишка наврал? Не может быть! Хотя почему не может? Не далее, чем сегодня она убедилась, что врать он умеет превосходно. Только зачем ему это?

Света отнесла бутылку в бар, предварительно протерев полотенцем, и вымыла стаканы. Теперь ружье... она положила оружие на пропитанный кровью ковер. Что-то еще? Мишкин носовой платок. Света внимательно осмотрелась — платка не было, зато на полу валялись доллары, несколько сотенных бумажек. Мишка ничего про это не говорил. Впрочем, какое дело до денег, нужен платок, которого нет. И на кухне нет, и в спальне. Или он тоже выдумка?

Никак не удавалось сосредоточиться и хотя бы попытаться разобраться в ситуации. Слишком много сегодня навалилось, чтобы Света могла рассуждать здраво, а здравомыслия ей не хватало даже в лучшие минуты. Она твердо помнила, ради чего приехала, и, словно во сне, принялась выдвигать ящики письменного стола в поисках нужных документов. Однако чем дольше и пристальней изучала она содержимое ящиков, тем сильнее ее охватывала паника. Света прямо-таки физически чувствовала, как кто-то сверлит взглядом спину. Каждые десять секунд приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что это не так. То ли поэтому, то ли по другой причине, но ничего похожего на нужные Мишке бумаги она не обнаружила. Паника усиливалась, Света вдруг поняла, что ни может прочесть ни строчки, и, почти обрадовавшись этому как избавлению, бросилась вон, едва не забыв прикрыть дверь.

Лишь бешено мчась в машине, она немного пришла в себя. Господи, какая же она дура! Почему не осталась в Витькиной квартире, чтобы вызвать оттуда милицию? Мол, навестила старого знакомого и застала труп. Это было бы куда менее подозрительно, чем если милиция узнает, что Света приехала и уехала тайком. Вдруг ее кто-нибудь видел? Да и отпечатков своих она наляпала по всем комнатам. Пилила Мишку, что он испугался и сбежал, а сама поступила точно так же. Надо сперва думать, потом делать, а она вечно поступает наоборот!

Однако мысль о возвращении к несчастному мертвому Витьке повергла Свету в такой трепет, что она моментально эту мысль отвергла. Не в силах Света туда вернуться, там она окончательно сойдет с ума! К тому же ее ждет Мишка, ему не понравится, если она задержится. Конечно, Света мало ему помогла, не везет ни платка, ни документов, зато вернула на место орудие убийства и спрятала виски.

Стоп! Виски спрятал Мишка. И она тоже. Что за бред! Первое, что она потребует от Мишки — пускай объяснит все начистоту. Достаточно вранья на один день!

— Мишка! — заорала Света, врываясь домой. — Мишка!

Молчание. На кухонном столе, прямо на блюде с курицей, записка: «Позвони мне на мобильный. Записку сожги».

Мишка ответил по телефону мгновенно.

— Ну, нашла?

— Нет. Платка нет, документов тоже. А ружье я вернула.

— Ладно, будем надеяться, платок я посеял не там. Ружье протерла? Отпечатков твоих на нем нет?

— Я старалась, — вздохнула Света и горько добавила: — На нем — нет, зато на остальном... Мишка, давай я позвоню в милицию и признаюсь, что была у Витьки. Честное слово, это будет лучше! Я была, а не ты. Ну, не арестуют же меня за это?

— Не вздумай! Они сразу свяжут это со мной, и меня посадят. Короче, так. Ты видела меня последний раз сегодня днем, больше я не появлялся. Позвонил в шесть по поводу детей, и все. Поняла? Это вопрос жизни и смерти, чтобы мы с тобой не расходились в показаниях. Я сейчас еду к Лане. Надо вести себя как ни в чем не бывало, тогда никто нас не заподозрит. Ты меня слышишь? Ты сидела весь вечер дома, а обо мне ничего не знаешь. Повтори!

— Я сидела весь вечер дома, а о тебе ничего не знаю. Ты звонил в шесть по поводу детей. Но, Мишка, это же глупо! Или тебя, или меня мог кто-нибудь засечь. Мы же ни в чем не виноваты, так зачем скрывать правду?

— Были не виноваты, а теперь у обоих рыльце в пушку. Помни, ты обещала. Ни в коем случае не меняй показаний, это главное. Я отключаю мобильник, так будет спокойнее. Когда смогу, я с тобой свяжусь.

Гудки. Света слушала их довольно долго, прежде чем сообразила, что трубку следует положить на рычаг. Потом потрясла головой. Не помогло — наваждение не рассеивалась. Тогда она себя ущипнула. Было больно, но не очень. А еще хотелось есть. Получается, это не наваждение. Раз так, она покончила, наконец, с курицей, а Мишкину записку сожгла. Тут-то и следовало собраться с мыслями, Света прекрасно это понимала, но на нее навалилась непреодолимая сонливость. Мама часто ругается — мол, приличные люди, нервничая, впадают в бессонницу, а ты дрыхнешь, словно сурок. Света в шутку отвечала, что как раз и ведет свое происхождение от сурков, которые в сложных жизненных ситуациях укладываются соснуть месяца на два-три, а когда просыпаются, ситуация уже улучшилась и выглянуло солнышко. А если без шуток, так не зря говорят «утро вечера мудренее». Сон — защитная реакция нервной системы на перегрузку, а бессонница — болезненное нарушение данного механизма. Света с трудом дотащилась до дивана, скинула одежду прямо на пол и провалилась в небытие.

Звонок выводил свои мелодичные трели с отвратительным тупым упорством.

— Да? — спросила она трубку заплетающимся языком.

Трубка не реагировала. Немудрено, ведь мерзкие звуки раздаются от входной двери. Почти не открывая глаз, Света побрела в прихожую и принялась возиться с замками. Вы спросите: кто же в наше время отпирает, даже не уточнив личность пришедшего? Вот вам очередной Светин недостаток, за который Мишка вечно ее пилил. Нет, когда она успевала подумать, то понимала, что у них есть что красть, а живут они в старом фонде, где немногочисленные хоромы новоявленных богачей пока еще соседствуют с коммуналками, так что консьержку завести не удалось. Короче, в нормальном состоянии Света, чтобы не раздражать мужа, задавала нелепый вопрос: «Кто там?» Однако сейчас ее состояние было далеко от нормального. Удивительно, что она удосужилась накинуть на себя халат.

У порога стоял симпатичный молодой человек лет тридцати, и что-то в нем Свете сразу не понравилось. Нет, не так! Она была врачом со склонностями к диагностике и смотрела на людей с собственной колокольни. К парню как таковому у нее не было ни малейших претензий, просто что-то смущало в состоянии его здоровья. Вроде бы крепкий молодец, кровь с молоком, но это только видимость. В результате Света молчала и самым неприличным образом изучала незнакомца, а тот, несчастный, краснел под ее взглядом.

— Я... простите, я не знал, что вы еще спите... — пролепетал он, когда к нему вернулся, наконец, дар речи.

— Уже не сплю, — честно сообщила Света и не менее честно добавила: — Кажется.

— Ох, — спохватился молодой человек. — Я даже не представился. Капитан милиции Родионов Андрей Васильевич. Вот удостоверение.

— Вы хотите зайти? — сообразила, наконец, она.

— Ну... да, хочу. Если можно.

Она кивнула и провела Родионова в прихожую. Тот обвел помещение цепким профессиональным взглядом, и у Светы перехватило дыхание. Боже мой, откуда на свет берутся такие дыры? Не надо быть семи пядей, чтобы догадаться, что после вчерашних происшествий квартиру должна навестить милиция. Как поступило бы на Светином месте любое вменяемое

существо? Подготовилось бы к этому визиту и лишь потом улеглось спать. А она? Разбросала по комнате одежду (не исключено, испачканную кровью бедного Витьки, Света ведь ощупывала его, определяя причину смерти), оставила невымытую машину в гараже (в салоне тоже может оказаться кровь) и без единой мысли в голове отключилась на... на сколько? Учитывая, что уже одиннадцать — не меньше, чем на пол суток. Идиотка, последняя идиотка! Удивительно не то, что ее бросил муж, а что он не сделал этого раньше. Единственный умный поступок — отправка детей к маме, остальное можно смело заносить в книгу рекордов Гиннеса в качестве рекорда по дебилизму.

Впрочем, настроившись шевелить мозгами, Света соображала быстро, поэтому со смущением опустила глаза, пролепетав:

— Андрей Васильевич... Вы пока пройдите на кухню, хорошо? А то я, видите, не одета.

Судя по способности краснеть, парень скромный и не потребует от женщины, чтобы та переодевалась при нем.

— Конечно! — с откровенным облегчением позволил Родионов. — Я подожду.

В комнате Света первым делом подхватила с полу одежду и сунула ее подальше в платяной шкаф, успев с ужасом заметить, что рукав свитера действительно в крови. Слава богу, хоть руки она вчера помыла, видимо, автоматически, на них наверняка тоже была кровь. А что делать, если милиционер заинтересуется автомобилем? Его уже не успеешь спрятать или помыть. Ладно, будь что будет!

В единый миг натянув джинсы и джемпер, Света бросилась на кухню, где Родионов сосредоточенно изучал блюдо из-под курицы, полное обглоданных костей. На костях копошились мелкие квартирные муравьи.

— Простите, — извинилась Света, переставляя блюдо, — я не ждала гостей. Что случилось, Андрей Васильевич?

— Ну, — замялся он, — тут такое дело. Расскажите, пожалуйста, подробно, как вы провели вчерашний день.

«Надо вести себя так, будто я слыхом не слыхивала про убийство и ни в чем не виновата», — решила Света и вежливо, но твердо заявила:

— Вчерашний день у меня был не из лучших, и я бы не хотела вспоминать о нем без особой необходимости.

— Необходимость есть.

— Какая?

— Убит... гм... один из ваших знакомых. Мы опрашиваем всех, кто может что-либо знать.

— Кто убит? — спросила она, старательно демонстрируя волнение. Это ей, впрочем, ничего не стоило — она и впрямь люто волновалась.

— Давайте сперва вы ответите на мои вопросы, а потом уже я на ваши, — искушающе предложил капитан.

Не на ту напал!

— Да я ничего не смогу теперь толком вспомнить, пока вы меня хоть немного не успокоите! — горячо воскликнула Света. — Представьте, вам бы сказали, что один из знакомых убит, и не разъяснили, кто. Каково бы вам было?

— Ну... короче... Это Козырев Виктор Анатольевич, — с явной неохотой выдал Родионов.

— Витька? О боже! И кто это сделал?

— К сожалению, неизвестно.

— А как его убили?

— Послушайте, Светлана Николаевна, — опомнился, наконец, милиционер. — Задаю вопросы я, а вы на них отвечаете. Я и так пошел вам навстречу, объяснив, кто убит. Теперь ваша очередь.

— Да, вы правы, — кивнула Света. — Я просто растерялась. Витька убит... с этим надо свыкнуться. Вы хотите, чтобы я действительно рассказала вам все про вчерашний день? Я ведь Витьку вчера не видела.

У Светы не было ощущения, что она врет. То бездыханное тело, на которое она в ужасе недавно смотрела... разве это он, красивый, самоуверенный, ироничный Витька?

— А кого видели? — тут же осведомился Родионов.

— Пациентов, причем в большом количестве.

— Вы врач?

— Да. Участковый.

— До сих пор работаете? Участковым врачом?

Капитан уставился на собеседницу с явным недоумением, даже почесал голову. При этом рука его довольно сильно дрожала. Свете очень не понравилась эта дрожь. С чего бы парню волноваться? Волноваться положено Свете.

— Значит, вы работаете участковым врачом, — повторил Родионов. — Вчера, в среду, с работы ушли в... во сколько?

— В три. А полчетвертого была дома.

— Хорошо. Дома кто-нибудь был?

Света задумалась. Мишка с Ланой наверняка гордо поведали коллегам, что отныне собираются жить вместе. Нельзя попадаться на лжи, а то в дальнейшем все ее слова милиция станет проверять с пристрастием. Вздохнув, Света уточнила:

— Вещи, не имеющие отношения к Витьке, вас тоже интересуют?

— Нас интересует все про вчерашний день, — ехидно улыбнулся капитан. У него, похоже, были проблемы с зубами. Белоснежные и ровные — явно коронки — чередовались со сточенными и темными. А ведь парню нет еще тридцати?

Света с трудом заставила себя оторвать взгляд от зубов и вернуться к теме допроса.

— Дома был мой муж Миша со своей любовницей Ланой Горностаевой. Она работает в его фирме. О том, что она его любовница, я узнала только вчера. Я выгнала мужа из дома... и ее, разумеется. Мы собираемся развестись.

Не похоже, чтобы для собеседника это явилось новостью. Он удовлетворенно кивнул и уточнил:

— После этого вы с Михаилом Петровичем виделись?

Бешено заколотилось сердце.

— Нет, — холодно ответила Света, — но он звонил. Часов в шесть. Интересовался, не стану ли я препятствовать его встречам с детьми. Я обещала, что не стану.

Кстати, а он действительно звонил именно в шесть? Света не помнила. Удар, нанесенный изменой мужа, был столь силен, что начисто лишил представления о времени. Странная штука жизнь! При других обстоятельствах она бы еще долго испытывала невыносимые мучения при мысли о Мишке и Лане, а теперь ей на их отношения почти плевать. Мир перевернулся с ног на голову, система ценностей изменилась, и спасти мужа от обвинения в убийстве оказалось куда важнее, чем ненавидеть его или страдать.

Додумать до конца Света не успела.

— Простите, — смущенно развел руками Родионов, — я должен был спросить. Значит, звонил около шести, и все?

— Да, — не колеблясь, заявила она и честно взглянула собеседнику в глаза. Глаза у него красивые, большие, однако что-то с ними не так. Интересно, что?

— А какие у Михаила Петровича были отношения с Козыревым?

— Они дружат много лет, еще со школы. В смысле, они бывшие одноклассники. Вместе организовали фирму «Интермаг», они ее совладельцы. Судя по всему, им удачно работается вместе.

— У них были конфликты?

— Небольшие разногласия бывали, а конфликты... вряд ли, — пожала плечами Света. — А почему вы спрашиваете? Уж не думаете ли вы, что Витьку убил Мишка?

Именно так должен среагировать ничего не подозревающий человек. Сделать логический вывод и удивиться.

— А какие у вас самой взаимоотношения с Козыревым? — проигнорировал выпад Родионов.

«Чем больше правды, тем лучше, — напомнила себе Света. — Я не должна вызывать недоверия».

— Я не очень его любила. Он бабник, и мне это не нравилось.

— Бабник?

— У него очень привлекательная внешность, и он менял женщин, как перчатки.

Ну, если ты и теперь не решишь, что убийство, скорее всего, совершила Витькина любовница, тогда, дорогой следователь, грош тебе цена!

— Интересно... — пробормотал капитан. — А вы знаете его последнюю... гм... последнюю даму?

— Нет, — с искренним огорчением сообщила Света. — Думаю, он скорее похвастался бы мужчинам, а не мне. Но не исключаю, что он не ограничивался одной любовницей. Он часто заводил несколько романов одновременно.

— Еще вопрос, Светлана Николаевна. Ваш муж... он по характеру довольно вспыльчив?

Света, не выдержав, фыркнула.

— Мишка — вспыльчив? Да он типичный флегматик. Чтобы его довести, надо очень постараться. Это вам не я.

— Да? А я слышал, последнее время он проявлял повышенную нервозность.

— Ну... — она задумалась, — да, последнее время он часто ворчал. Я бы не назвала это вспыльчивостью. Нервы и впрямь были не в порядке, но это проявлялось не в виде всплесков агрессии, а скорее как постоянное недовольство жизнью... брюзжание.

«Чего это я разоткровенничалась? — испугалась вдруг она. — Зачем милиции знать про Мишкин характер?»

— Скажите, Светлана Николаевна, а у вашего мужа есть оружие? — сменил тему Родионов, не дождавшись продолжения.

Света вздрогнула. Хотя почему бы ей не вздрогнуть? Любая на ее месте сложила бы два и два, получив четыре.

— Он охотник, и у него есть какое-то ружье... оно официально зарегистрировано, и...

— Где оно хранится? Покажите мне его, пожалуйста.

Света открыла шкаф, где обычно лежало ружье. Естественно, там его не оказалось.

— Наверное, Мишка его куда-нибудь спрятал, — объяснила она. — За ним следит он, а не я, я к нему и не прикасаюсь никогда. Но я не понимаю... при чем здесь Мишка и его ружье?

— Именно из него был застрелен Козырев. Оно обнаружено на месте преступления.

Света вдруг разозлилась.

— А раз оно обнаружено на месте преступления, зачем было заставлять меня искать его здесь? В порядке издевательств? Думаете, мне без ваших издевательств недостаточно тошно?

— Следовало уточнить... — пролепетал несколько растерявшийся собеседник. — Значит, вы не знаете, как Михаил Петрович провел вчерашний вечер?

— Полагаю, это знает Лана. А где мой муж сейчас?

— Он... гм... задержан сегодня утром.

Светино возмущение усиливалось. Это что же получается, она зря вчера натерпелась страху, рванувшись к бедному Витьке подтасовывать улики? Она так старалась, а Мишку все равно задержали. На основании чего, хотелось бы знать? Ведь на самом деле он не виноват!

— На каком основании? — гневно спросила Света. — Из-за какого-то дурацкого ружья? Может, он его кому-нибудь одолжил?

— Вообще-то оружие не положено одалживать людям, не имеющим права на его ношение.

— А еще не положено ехать на красный свет. И что, по-вашему, все ездят на зеленый?

Зная собственную вспыльчивость, обычно она пыталась сдерживаться, но сейчас дала себе волю, надеюсь, что искренность ее возмущения пойдет Мишке на пользу.

— К сожалению, дело не только в ружье, Светлана Николаевна, — вздохнул Родионов. — Вам знакомо вот это?

Он продемонстрировал прозрачный пластиковый пакет, в котором лежал кусок клетчатой ткани. У Мишки было странное пристрастие к носовым платкам в крупную клетку, он никак не мог от них отказаться, хоть и уверял, что они вредят его имиджу. Ну почему Света такая дура? Никакой от нее пользы, только вред. Ведь искала вчера этот чертов платок, всю Витькину квартиру перерыла, а нашла его милиция.

— Вам знакомо вот это? — повторил капитан.

— Не знаю, — ответила Света. — Трудно судить.

— Разве это не носовой платок вашего мужа?

Она раздраженно фыркнула.

— Вы думаете, я, как Пенелопа, лично тку для любимого мужа? Покупаю платки на улице у старушек. У них этих платков целая куча.

— Но, по крайней мере, это очень похоже на его платок.
— А также на платки огромного количества других мужчин.
— Да, — кивнул Родионов, — но другие мужчины не имели мотива, а их ружья не использовались для убийства.

— У Мишки нет мотива, — возразила Света.

— Вы же не в курсе его рабочих дел, — примирительно заметил собеседник. — Мотив есть, к тому же свидетели утверждают, что вчера между Козыревым и вашим мужем произошла ссора. Я могу только уважать ваше желание защитить его, особенно учитывая... гм... его измену. Но факты остаются фактами. Кстати, Михаил Петрович любит виски?

— Да, — не решилась скрыть она. — Ну и что?

— Незадолго до смерти Козырев употреблял алкоголь, а бутылка с виски стоит в баре с краю. Похоже, именно ее брали последней. Но при этом на ней начисто отсутствуют отпечатки пальцев.

Самым сильным Светиным желанием было надавать самой себе по шее. Взясась подтасовывать улики, так делай это с умом, а она в очередной раз повела себя, как идиотка. Почему не сунула бутылку поглубже? Разве это сложно? И, конечно, надо было приложить к ней Витькины пальцы. Ему это уже не навредило бы, а Мишку бы спасло.

Собеседник внимательно, но, пожалуй, сочувственно смотрел на нее своими большими немного выпуклыми глазами, и снова у Светы возникло ощущение некоей неправильности в его облике. Выпуклые глаза... дрожат руки... проблемы с зубами... Да ведь все очевидно!

— У вас зубы резко испортились за последний год? — уточнила Света.

— Да, — изумился капитан. — А откуда вы знаете?

Она, не удержавшись, улыбнулась, поскольку настроение мигом повысилось.

— Вам, Андрей Васильевич, надо срочно проверить щитовидку. Сходите к эндокринологу, только обязательно к добросовестному.

— Добросовестному? — обалдело повторил последнее слово Родионов.

— Или просто настаивайте, чтобы он обязательно послал вас на обследование. Визуально у вас щитовидка не увеличена, и вам могут сказать, что все в порядке, но это, скорее всего, не так. Или сделайте УЗИ щитовидки, это недорого. Береженого бог бережет.

Собеседник наконец-то опомнился.

— По-вашему, я болен? — с явным недоверием осведомился он. — Вообще-то я здоров, а зубы... это сейчас у всех.

Светино настроение снова упало. Бедный парень решит, что она специально его пугает, намереваясь отвлечь от расследования или еще с какой-нибудь коварной целью. В результате он не поверит и не пойдет к врачу, а подобные болезни иногда прогрессируют очень быстро...

— Андрей Васильевич, — расстроено объяснила Света, — я ведь это говорю не потому, что вы милиционер и меня допрашиваете, а просто как человеку. Честное слово, я, как вас увидела, сразу почувствовала, что что-то не так, но не могла понять, что, и все время мучилась. А теперь вот поняла. Даже если я ошиблась... всякое бывает... все равно исследуйтесь, пожалуйста, ладно? Это ведь нетрудно. На ранней стадии, как у вас, вылечиться очень легко, а если запустить, то могут быть необратимые последствия. Поверьте мне, пожалуйста!

— Ну... ладно, постараюсь, — словно через силу пробормотал Родионов.

Света снова не сдержала улыбки, и он неожиданно уточнил:

— Так вы поэтому так на меня смотрели?

— Как смотрела? — не поняла она.

— Ну... понимаете, — совершенно иным, чем раньше, совсем не официальным тоном попытался донести свою мысль милиционер, и Света ощутила, какой же он еще мальчишка, — когда человека допрашиваешь, он обычно очень волнуется и думает только о том, как ему лучше ответить. Хоть правду говорит, хоть врет, но все равно для него допрос — на тот момент главное. А вы как будто думали о чем-то другом... ну, будто что-то во мне интересовало вас не меньше, чем убийство.

— И вы решили, это любовь с первого взгляда, — прокомментировала она, немного смущенная.

— Нет, — серьезно возразил Родионов, — вы смотрели по-другому. Говорят, вы врач милостью божьей... так у меня ничего страшного, как вы считаете?

— Мне кажется, самая начальная стадия, так что не волнуйтесь. Андрей Васильевич, а я могу повидаться с мужем?

— Нет, Светлана Николаевна, — покраснев, отказал собеседник. — Это не положено. Таковы правила. С ним пока может встречаться только его адвокат. Да, и не уезжайте, пожалуйста, из города. Вы можете еще понадобиться.

И капитан поспешил улизнуть, пока его не озадачили новой просьбой.

Первое, что сделала Света — с невероятным рвением накинулась на испачканный кровью свитер. В результате тот растянулся и облез, зато, как она надеялась, стал идеально чистым. В конце концов, не все ведь в рекламе стиральных порошков наглая ложь и они хоть иногда проникают между волокон?

С автомобилем дела обстояли хуже. Или лучше — это зависело от того, поверить ли тому, что в салоне и впрямь нет следов крови, или полагать, что Света их не замечает, а милиция с ее аппаратурой обнаружит запросто. Решив не полагаться на судьбу, Света отвезла машину в мойку, явно ошеломив подобной чистоплотностью Мишкиного механика. Освободилась около двух, а в три начиналась смена, так что обдумать ситуацию снова не удалось. Света привычно оставила это неприятное занятие на потом.

Работала она в тот день автоматически, выкладываться не было сил. Впрочем, сложных случаев, слава богу, не оказалось, хотя поток пациентов шел непрерывно. А последним появился мужчина с огромным букетом роз.

— Вы меня, наверное, не помните? — робко поинтересовался он. — Это вам.

Он положил цветы на стол. Света удивленно вглядывалась в посетителя. Чем-то похож на Мишку — тоже высокий и плечистый. Только, пожалуй, еще больший флегматик. Впечатление, что вывести его из равновесия совершенно невозможно. Надежный человек, из тех, кто долго запрягает, но быстро ездит. И на вид совершенно здоров... хотя...

— Позвоночник, — сообщила она. — Я прекрасно вас помню. Но сейчас у вас, по-моему, все в порядке.

— Силуянов я, Вадим Андреевич, — радостно сообщил собеседник. — Точно, позвоночник. Даже не знаю, что б я делал, если б не вы. Такие головные боли были — страшно вспомнить. И как меня только ни мучили... анализы, процедуры. А потом один парень с работы присоветовал к вам прийти... а вы вдруг говорите — это от позвоночника. Кто бы мог подумать? У меня спина не болела никогда.

— Так бывает, — кивнула Света. — Головная боль бывает самой разной природы. Прошла?

— Начисто. Спасибо вам, Светлана Николаевна. Давайте я вас до дому провожу, уже поздно.

— Мне близко, — объяснила она. — Спасибо, не надо.

Силуянов покорно удалился, вслед за ним покинула кабинет и Света — в немного лучшем настроении, чем десять минут назад. Приятно знать, что ты кому-то помог, и приятно держать в руках розы.

Дома она села в кресло и попыталась заставить себя собраться с мыслями. Вчерашний день казался горячечным бредом, сном, который невозможно толком вспомнить — или, скорее, хочется поскорее забыть. Только в жизни не всегда поступаешь так, как хочется. Она должна, должна понять, наконец, что же на самом деле произошло!

Итак, Мишка... ее Мишка... он любит Лану, двадцатисемилетнюю красавицу и умницу, живущую одними с ним интересами, а не Свету, тридцатипятилетнюю замотанную дуру, помешанную на непрестижной работе участкового врача. Она вздохнула, но настоящей боли, той, которая мучила сразу после ужасного открытия, не почувствовала. Что-то переменялось в душе за вчерашний вечер, быстро и неотвратимо. Света даже подумала, что Мишкино поведение совершенно разумно и Лана куда больше нее годится ему в жены. Ездил бы с ним на презентации и пикники, очаровывала всех обаянием. Правда, есть дети, которых Мишка обожает. Что ж, из-за них он и не желал развода. Не желал, но жена, вернувшись домой раньше, чем рассчитывали счастливые любовники, впала в ярость и выгнала обоих из дома. Тогда они отправились... куда? Почему-то не к Лане, дабы продолжить романтическое свидание, а на работу. Хотя... Света никогда не бывала у Ланы, возможно, девушка живет с родителями? Да и вообще, после Светиной истерики романтический настрой у парочки мог пропасть.

На работе Мишка ссорится с Витькой. Об этом факте упоминали двое — и сам Мишка, и сегодняшний милиционер. Интересно, кто ему наклеузначал и какова причина ссоры? Ладно, это выясним потом, пока двинемся дальше. В шесть Мишка позвонил домой и предложил продолжать жить, будто ничего не случилось. Почему Света решила, что в шесть? Она ведь совершенно утратила чувство времени, а на часы не смотрела. Да, сам Мишка потом упоминал, что звонил около шести. Зачем ему врать?

Что потом? По логике вещей, Мишка с Ланой должны были по окончании рабочего дня либо поехать к ней, либо, при невозможности этого, срочно начать подыскивать уютное гнездышко для ночлега. Короче, находиться вместе. Это обеспечило бы Мишке алиби. Но он получил от Витьки сообщение, где тот приглашал к себе, предлагая решить проблемы миром. Глупо посылать сообщение, если можно просто позвонить. А не мертв ли был уже Витька к данному моменту? Он поссорился с любовницей, и та в гневе выстрелила в него из Мишкиного ружья. Как там у Чехова? Если в первом акте на стене висит ружье, в третьем оно непременно выстрелит. Хотя до третьего акта пока далеко.

Любовница, убив Витьку, пугается совершенного. Она ведь не собиралась этого делать, а просто разозлилась из-за... из-за... ну, например, из-за его измены. Света не верила, что Витька способен хранить верность. Вернее даже, не верила, что он имеет к этому хоть малейшую охоту. Имел. Он ведь мертв, о господи! В голове не укладывается. И хорошо, что не укладывается, это здоровая защитная реакция нервной системы на перегрузку. Разве было бы лучше, если б Света сейчас рыдала? Ей надо помочь мужу, а не страдать. Мужу? Чьему? Неотразимой Ланы? Так она найдет себе другого, это для нее не проблема.

Собственные мысли Свете не понравились. Раз она не испытывает настоящей боли при воспоминании о Мишкиной измене, значит, не должна и злиться, а между тем определенно злится. Особенно глупо, что злится в основном не на мужа, действительно передо нею виноватого, а на Лану, которую по большому счету и обвинить-то не в чем. Полюбила Мишку и доставляла ему радость, не требуя ничего взамен и не собираясь разрушать чужой брак. За что тут осуждать? Света и не осуждает, просто ей вдруг страшно захотелось, чтобы красотка оказалась сейчас вот тут, на ковре, и чтобы можно было изо всех сил вцепиться ей в волосы.

Усилием воли смилив разбушевавшиеся чувства, Света вернулась к рассуждениям. Любовница убивает Витьку, пугается и решает отвести от себя подозрения, направив их на другого, а именно на Мишку. Она посылает ему сообщение с просьбой прийти, вытаскивает из бара любимое Мишкино виски и... Стоп! А откуда ей знать подобные тонкости, если это совершенно посторонняя дама? Витька развлекал ее рассказами о привычках сослуживцев? Сомнительно. Значит, дама вовсе не посторонняя, она связана с «Интермагом».

Вообще-то, Света видела на пикниках «Интермага» несколько милых девочек, имен которых не в состоянии была припомнить. Кто-то из них связался с Витькой? Похоже. Или... есть еще Анечка и Полина, жены Мишкиных — и одновременно Витькиных — заместителей. Их социальный статус выше, а Свету посещало смутное подозрение, что для Витьки социальный статус женщины не менее важен, чем ее внешность. Могла ли одна из них завести любовника?

«Анечка точно могла, — со вздохом констатировала Света. — И даже завела». Тут сомневаться не приходилось — отправившись как-то под Мишкиным воздействием в фитнес-центр, Света застала в массажном кабинете сцену... пожалуй, несколько уступавшую по недвусмысленности той, какую она наблюдала вчера в собственной спальне, однако приближавшуюся. Массажер был молодой и превосходно сложенный, этого не отнимешь. А Сергею Ивановичу, Анечкиному мужу, около пятидесяти, он милый смешной толстячок. В советские времена работал директором магазина, а теперь курирует в «Интермаге» то, что относится непосредственно к торговле. Анечке же недавно стукнуло двадцать. Она Свете скорее нравилась, и меньше всего хотелось подозревать в ней убийцу. Анечка удивительно незлобива и флегматична, при виде нее вспоминается персидская кошка.

Зато Полина — кошка сиамская. Хотя, говорят, это вранье и сиамки вовсе не злобные? Чего не скажешь о Полине. Красивая девчонка чуть старше двадцати, спокойная жизнь, любящий муж... с чего она бесится? Ее Лешка по нынешним временам очень ценный специалист, знает пять иностранных языков. За счет этого у «Интермага» нет проблем с поставками из европейских стран (и из США, разумеется, тоже). Хочет клиент, не вставая с дивана, получить... ну, чего там хотят эти

ненормальные богачи? Подушку, приобретенную на Елисейских полях, или такой унитаза, каким изволил пользоваться лично американский президент. Пожалуйста, плати денежки и получай. Лешка договорится о приобретении того, что нужно, и получит документы, удостоверяющие, что это именно оно — без документов клиент, как вы понимаете, вряд ли сумеет оценить покупку по достоинству. А Полине все кажется, что Лешке недоплачивают. Мол, ему надо быть хозяином, а не подчиненным. С последним Света была совершенно не согласна. Лешка по природе довольно впечатлительный, а в наши времена иметь в России собственный бизнес и не подорвать душевное здоровье могут либо флегматики, подобные Мишке, либо махровые эгоисты вроде Витьки. Лешки одной Полины хватило, чтобы приобрести нервное истощение, куда ему еще и бизнес?

Зато с точки зрения супружеской верности Полину не в чем упрекнуть. Света никогда не замечала, чтобы та делала попытки кого-нибудь обольстить. Разве что рассчитывала на мазохиста, которому нравится неприкрытая злобность. Получается, Полина тут не при чем, Витькина любовница скорее Анечка. Хотя, впрочем, и Анечка к Витьке особого пристрастия проявляла. Она отвечала на его заигрывания, но без излишнего энтузиазма. Так что выбор конкретной кандидатуры придется оставить на будущее, а пока двинемся дальше.

Неизвестная особа, застрелившая Витьку и неплохо знакомая с Мишкой, отправляет Мишке на мобильник сообщение, выставляет на стол виски и ждет результата. Где ждет? Вряд ли в квартире, она бы побоялась быть обнаруженной. Она выходит, оставив открытой дверь, и отправляется... куда? Либо на лестничную площадку верхнего этажа, либо в свою припаркованную неподалеку машину. И там, и там ее вполне могли увидеть Витькины соседи. Надеюсь, у милиции хватит ума их порасспрашивать или они окончательно поддались на уловки неизвестной стервы и считают дело закрытым? А что, разве не стерва? Убить в приступе ревности — это Света еще понимала, сама вспыльчивая, но сознательно и планомерно подставить вместо себя другого человека... да еще кого — Мишку! К подобной мегере не может быть ни малейшего сочувствия, даже если Витька допекал ее с изощренностью маркиза де Сад. Ведь как преступница быстро сообразила: вспомнила о недавней ссоре компаньонов (кстати, значит, о ней знала), вспомнила, кому принадлежит ружье (и это-то она знала!), и устроила спектакль, развязку которого преспокойно наблюдает сейчас со стороны. Стерва, настоящая стерва!

С большим трудом Свете удалось немного погасить вспыхнувшую ярость. В конце концов, ведь это для нее Мишка — близкий человек, а для убийцы он никто, и засадить его за решетку ей представляется ничуть не более аморальным, чем любого другого. Кстати, почему она выбрала именно Мишку? Просто попался под руку или эта особа имела на него зуб и обрадовалась возможности напасть? Хотя вряд ли. Света не припоминала женщин, имеющих зуб на Мишку. Разве что она сама, и то лишь со вчерашнего дня.

Итак, убийца дождалась Мишкиного появления и... Вообще-то, должна была бы моментально смыться. Убедилась, что все идет по плану, и сбежала, дабы не мозолить прохожим глаза. Но не тут-то было! Она остается неподалеку и, стоит Мишке удалиться, возвращается на место преступления. Почему Света так решила? Очень просто. Мишка уничтожил указывающие на него улики — унес ружье и убрал виски со стаканами. А Света, примчавшись к Витьке, нашла стаканы на столе. И еще! Мишка говорил, тело лежало на полу, а она увидела бедного Витьку сидящим на стуле. Получается, загадочная особа успела снова побывать в квартире. Зачем? Хотя ясно. Она заметила, как Мишка выносит ружье, и поняла, что он не вызвал милицию, а предпочел замести следы и скрыться. Побоявшись, что милиция не сообразит его заподозрить, эта гадина вторично делает свое черное дело — ставит стаканы на стол. Но какой смысл передвигать труп? И вообще, откуда ей знать заранее, что Мишка уничтожит улики и понадобится их восстанавливать? Зачем рисковать, ожидая неведомо чего? То ли тут редкие предусмотрительность и хладнокровие, то ли не менее редкие бесшабашность и глупость. Скорее второе. Ведь тот же Мишка основным аргументом против себя считал не виски, а ссору и ружье, причем полагал, что следствие легко на это ружье выйдет вне зависимости от того, обнаружит ли оружие на месте преступления. Охотник в Витькином окружении всего один. Но, видимо, продумать это убийца не сумела. Или... не исключено, она вспомнила, что нечто в квартире указывает на нее, и вернулась это забрать. Света знала одно — стоило появиться в квартире на пять минут раньше, не пришлось бы сейчас ломать голову. Она застала бы мерзавку и самолично сдала органам правопорядка. Мысль о том, что

отчаявшаяся женщина могла бы ее убить, Света моментально отвергла. У кого из них двоих было в руках ружье?

Немного посокрушавшись об упущенном шансе, она продолжила рассуждения. Примчавшись к Витьке, Света убрала виски — не сообразив сунуть в бар подальше, дубина этакая! — оставила в комнате ружье и в панике сбежала, не найдя ни Мишкиного носового платка, ни обличающих документов. А милиционеры все это нашли — по крайней мере, так утверждает Родионов. Ладно, на то они и профессионалы, к тому же им не приходилось спешить. Вопрос в другом — кто их вызвал? Кто обнаружил тело? Почему Света не спросила об этом капитана? Впрочем, он бы наверняка не ответил. Он даже не разрешает встретиться с Мишкой, якобы это не положено. Интересно, остальным тоже не положено? Кажется, подозреваемый имеет право потребовать своего адвоката. Но ни одного адвоката, кроме Витьки, Света не знала. Она не знала, а в «Интермаге» наверняка знают! Так что же она теряет время?

При выборе, кому звонить — Сергею Ивановичу Лагунову или Алеше Дмитриеву — Света предпочла первого. В принципе, оба наверняка имели дело с юристами и могли помочь, но ее инстинкт самосохранения не притупился даже в нынешней сложной ситуации, и нарываться без необходимости на Полину не хотелось.

— Сергей Иванович, — попросила Света, — можно, я сейчас к вам подъеду?

— Ну... то есть... — явно замялся тот.

Света глянула на часы. Начало одиннадцатого. Не так поздно, как она предположила по тону собеседника. Похоже, нарушаются планы человека на вечер. Но он ведь понимает, что на это есть причины! Или... неужели Сергею Ивановичу никто пока не рассказал о случившемся? Маловероятно. Весь «Интермаг» должен был сегодня обсуждать страшную новость.

Ехать было недалеко, автомобиль радовал свежeweымытым салоном. Хотя вряд ли там могла оказаться Витькина кровь, но береженого бог бережет.

Ужасное настроение Лагунова бросалось в глаза. Всегда жизнерадостный и говорливый, сейчас он выглядел поникшим и даже, пожалуй, похудевшим. Впрочем, немудрено. Один из владельцев фирмы убит, другой арестован по подозрению в убийстве. Любопытно, кто теперь будет вести дела? Не Света же, правда? Она ничего не смыслит в бизнесе. Ее волновала судьба мужа, а не «Интермага».

— Меня не пускают к Мишке, — выпалила она, едва переступив порог. — Они имеют такое право?

— К сожалению, да, — подтвердил Сергей Иванович, сразу сообразив, о чем речь. — Но вы не волнуйтесь, Светочка, мы делаем все, что можно.

— Что значит — «все, что можно?» — уточнила Света.

— Ну... — пролепетал, растерявшись, собеседник. — Вы ведь, наверное, тоже хотите... то есть не хотите... то есть... как бы ни поступил Михаил Петрович с вами, он ведь и так наказан... страшно наказан... Вы согласны?

— Наказан? — в некотором изумлении переспросила Света. — За что? И при чем тут я?

— Нет, вы не при чем, Светочка, просто... я надеюсь, мы с вами хотим одного и того же? Вы ведь не хотите, чтобы Михаил Петрович получил срок больше, чем заслуживает? Перед лицом случившегося нам надо забыть о ссорах и попытаться ему помочь. Вы согласны?

Сергей Иванович, смущенно улыбаясь, взглянул на собеседницу и быстро отвел глаза. Лишь тут до нее дошло.

— Вы что, Сергей Иванович, думаете, я Мишке враг? Вы с ума сошли? — возмутилась она.

— Я... я все знаю, Светочка, — вздохнул тот. — Они ведь... мм... всем все рассказали.

«Никогда не замечала, что он такой мямля», — удивилась Света, а вслух произнесла:

— Объясните мне, пожалуйста, с самого начала. Значит, Мишка с Ланой вчера днем уехали с работы... во сколько?

— Около половины второго... на обеденный перерыв, — добавил Лагунов после короткой паузы.

— Вместе?

— Михаил Петрович иногда возил ее обедать на своей машине. Это сэкономило Ланочке время.

— Не морочьте мне голову, — устало махнула рукой Света. — Они давно были любовниками?

Сергей Иванович поспешно и испуганно замотал головой.

— Вчера первый раз узнал, честное слово! Они вернулись после четырех, и Михаил Петрович объявил всем, что решил жениться на Лане.

Свете казалось, будто говорят о ком-то другом. Он объявил, что он решил... Король Мишка, что ли, объявлять подданным о новом браке?

— Вот так вот взял и объявил?

Лицо Лагунова постепенно возвращалось от уныло-нервной гримасы к привычному выражению добродушной заинтересованности.

— Представьте себе, да. Я был поражен. У вас такая крепкая семья, двое детей, и вообще... Михаил Петрович вроде бы не склонен к демонстрации своих чувств.

Света кивнула. Действительно, нехарактерная для Мишки демонстрация... зато, вероятно, она характерна для прекрасной Ланы?

— А в каких словах он объявил?

— Вы уверены, Светочка, что вам это нужно? — сочувственно осведомился Лагунов.

— Да, — твердо заявила Света.

— Ну... он сказал... только вы не обижайтесь, хорошо? Это он сказал, а не я... что у меня и у Лешки молодые красивые жены, и нас, наверное, удивляло, что он продолжает жить с...

— С устаревшей моделью, — неожиданно вырвалось у Светы.

— Что?

— В деловых кругах устаревшие модели престижно менять на новые, — желчно усмехнулась она. — Автомобиль, компьютер, пылесос, жену.

Лицо Лагунова снова перекопилось, и Света, расстроившись, поняла, что он принял фразу на свой счет. Он ведь развелся с предыдущей женой! Бестактно получилось, но она просто об этом забыла.

— Значит, вас удивляло, что Мишка продолжает жить со мной...

— Нас не удивляло, — прервал ее собеседник. — Это Михаил Петрович сказал, что якобы нас удивляло. И вот теперь у него будет жена, которой каждый позавидует. Красивая, шикарная, умная, любящая и молодая.

На миг Свете почудилось, что Сергей Иванович повторяет перечень не без злорадства, намерено отвечая бестактностью на бестактность, но, впрочем, тон его был вполне невинен.

— И указал вам на Лану? — уточнила она.

— Да.

— А что делала она?

— Смущалась, — расцвел нежной улыбкой Лагунов. — Говорила, пусть все будет так, как хочет он. Так, как ему лучше.

«Смущалась она! — раздраженно подумала Света. — Голая прижиматься к Мишке при законной жене она не смущалась, а здесь вдруг, видите ли, оказалась скромницей...»

Но тут же прервала сама себя. Забудь про Лану, выясняй про Мишку!

— Что было потом?

— Потом? — переспросил непонятливый собеседник.

— Мишка поругался с Витькой. Из-за чего?

— Ну... ну... я в это не вникал, — с неожиданной твердостью отрезал Лагунов. — Просто слышал, что ссорились. Все слышали.

Света поняла, что подробностей не дождется, но наверняка сможет узнать их у кого-нибудь другого.

— Хорошо, а когда они уехали?

— Кто?

— Мишка, Лана. Ну, и Витька тоже.

Сергей Иванович пожал плечами.

— В районе половины седьмого. Вообще-то мы закрываемся в шесть, но вчера немного задержались. Мы все уехали одновременно. Вот с того момента я Михаила Петровича и не видел.

Лагунов замолк и принялся сосредоточенно изучать безделушки на старинном серванте. Анечка обожала маленькие шкатулки, которыми и была заставлена благородная поверхность дерева, потерявшая от данного соседства половину благородства. Сергей Иванович настолько

очевидно не желал следующего вопроса, что Света поняла — обязательно нужно его задать. Но какой? Она сосредоточилась, словно собираясь поставить диагноз, и медленно произнесла:

— А кто вам сообщил об убийстве?

Кажется, она попала в десятку. Лагунов передернулся, словно от боли, но быстро взял себя в руки и горячо воскликнул:

— Бедная девочка! Она пережила страшный стресс. Она никогда еще не видела мертвых, и тут такое потрясение! Она до сих пор не может успокоиться.

— Кто? — прервала его Света.

— Анечка, — упавшим голосом признался он.

— Анечка? Как? Витьку... то есть тело... обнаружила она?

— Да.

— И где?

— В его квартире, — пояснил Сергей Иванович.

— А... что она делала у него на квартире? — опешив, выпалила Света. Тут же прикусила язык, да было поздно. Анечка! В жизни б не подумала! Она — любовница Витьки и ходит к нему домой? Значит, она его и убила? Хотя нет, убийца не стала бы обнаруживать труп.

— Она вывела прогулять собаку и заодно заглянула к Виктору Анатольевичу за книгой, — любезно сообщил Лагунов.

— Какой книгой? — машинально осведомилась Света.

— Мураками. Он обещал дать ей почитать Мураками.

Света села, подперев рукой потяжелевшую голову. Анечка и книга — две вещи несовместные. Она даже журнал «Караван историй», предназначенный для щадящей психотерапии клинических олигофренов, умудряется мусолить неделями. Мураками! Да он ей даром не нужен, и Сергей Иванович не может этого не понимать. Хотя... было нечто, связывающее для Светы Витьку с этим вошедшим в моду японцем. Мысль мелькнула, но не дала себя поймать.

— Анечка зашла к Витьке за Мураками, — со вздохом повторила Света.

— Да, — упрямо, почти вызывающе подтвердил Лагунов. — От нас это в двух шагах, почему бы не заглянуть, гуляя с Белкой? Я был дома, готовил ужин, а она вывела Белку и вспомнила про книгу, которую обещал Виктор Анатольевич. Зашла, а он мертв.

— Во сколько это было?

— Она вышла без пяти девять, а позвонила мне примерно через десять минут. Увидела тело и сразу позвонила. Дверь в квартиру была открыта. Мы сегодня целый день повторяли все это милиции, и у нас совершенно не осталось сил. Хочется лечь и закрыть глаза.

Вежливому человеку при этих словах полагалось попроситься, однако Света решила плюнуть на хорошие манеры. Если уж повезло натолкнуться на человека, обнаружившего тело, глупо с ним не побеседовать! То есть с ней.

— Анечка, ты где? — повысила голос она. — Иди сюда, пожалуйста!

— Она спит! — свирепо прошипел Лагунов.

Это Анечка-то, привыкшая ложиться после трех и вставать далеко за полдень?

— Сергей Иванович, — откровенно заявила Света, — все равно я с нею встречусь, так стоит ли оттягивать это удовольствие? Я хорошо отношусь к Ане и не желаю ей зла... но Миша мой муж, и я должна знать.

— Вы забыли, что он теперь не ваш муж, Светочка, — сочувственно (или ехидно?) возразил Сергей Иванович. — Но вы правы, чему быть, того не миновать. Анечка, можно к тебе?

Анечка сидела за компьютером и играла в стрелялку, сосредоточенно пуляя в какие-то разноцветные кружочки. Рядом стоял стакан сока и тарелка с двумя пирожными, одно из которых было надкусано.

— А я думала, ты не ешь на ночь, — неожиданно для себя прокомментировала картину Света.

Интуиция ее не подвела. Любимая тема тут же лишила собеседницу последних следов скованности — ежели таковые имелись.

— Сейчас двадцать два тридцать один, — указала на монитор Аня. — А лягу я... ну, в три... Значит, осталось... двадцать три — раз, двадцать четыре — два, двадцать пять... то есть час ночи — три, два ночи — четыре, и три ночи — пять. Пять часов. Разве это еда на ночь, ты как считаешь? Я думаю, можно немножко поужинать.

— Тебе все можно, — не выдержав, улыбнулась Света.

Анечка была толстовата, чего уж там, но удивительно мила. Короткий носик, маленький пухлый рот, круглое личико с почти полным отсутствием подбородка, а также пушистые длинные волосы завершали сходство с породистой персидской кошечкой, всю жизнь пролежавшей на подушке и совершенно не представляющей себе, как выглядит мышь. Света знала, что эти симпатичные зверюшки даже вылизываться толком не умеют и хозяева ежедневно их расчесывают. Интересно, Сергей Иванович тоже расчесывает свою Анечку или она справляется с этой задачей сама? Откуда берутся столь рафинированные создания? То есть с кошками все ясно, искусственно выведенная порода, а вот люди... Наверное, Анечка никогда не знала в жизни забот и была нежно передана из рук опекающих родителей прямо на руки не менее опекающего мужа. Света почувствовала легкий укол зависти и вздохнула.

— Ты правда считаешь, мне можно? — уточнила Анечка. — Как врач?

За те секунды, пока в голове у Светы пронеслась вереница мыслей, ее флегматичная собеседница как раз успела неторопливо ответить. Света пожала плечами.

— Я считаю, сейчас помешательство на худобе. Все мы разные, и у каждого от природы своя комплекция. Если ты хорошо себя чувствуешь в данном весе, значит, все в порядке.

— Вот! — обрадовался Сергей Иванович. — Слушай ее, Анюта, Света у нас врач божьей милостью, плохому не научит. Хорошего человека чем больше, тем лучше.

— Тебе-то что, Сережа, — обиженно протянула Анечка. — Мужчины, они на диете не сидят, у них не принято. Разве что Витя, и то редко. А тебе, Света, вообще повезло... Ну, почему ты такая худая? Ах, да, я же знаю...

— Что знаешь? — не поняла Света.

— Ну, почему ты худая.

— А... а почему?

— Сама знаешь, нечего притворяться.

Света немного подождала разъяснений, но их не последовало. И не надо, пора переходить к делу!

— Анечка, так это ты, бедная, обнаружила сегодня Витьку?

Аня обернулась к мужу, тот кивнул.

— Да, я, — подтвердила Анечка.

Она не обнаруживала ни малейшего волнения, лишь констатировала факт. Свете очень хотелось остаться с девочкой наедине, однако было ясно, что Лагунов этого не позволит. И так чудо, что не гонит незваную гостью вон.

— И как тебя к нему занесло?

— К кому?

— К Витьке.

— Ну, — довольно бойко оттарабанила Анечка, — он еще днем пообещал мне дать почитать этого... Мураками, вот кого. Я пошла выгуливать Белку и вспомнила, вот и зашла. Дверь была прикрыта, но отперта. Да, чуть не забыла! Было девять часов. Я увидела тело и позвонила Сереже, а он вызвал милицию. Правильно?

Аня глянула на Сергея Ивановича с гордостью школьницы, идеально выучившей урок, и Света в очередной раз почувствовала фальшь. Впечатление, что супруги отработывали показания вместе. Составили версию для милиции, а теперь подсовывают ее Свете.

— А скажи мне, Анечка, ты когда вошла, что увидела? Где был бедный Витька, где было ружье?

— Витя сидел на стуле, а голова лежала на столе. Я сразу поняла, что он мертвый. Кровь кругом, и вообще... А ружье лежало на полу совсем рядом. Я вытащила свою трубку и позвонила, и совсем скоро пришел Сережа и все устроил. Без Сережи мне было страшно. Я боюсь мертвых.

Света машинально перевела взгляд на Лагунова, и ее сердце дрогнуло. Слова «без Сережи мне было страшно», произнесенные без особых эмоций, имели разительный эффект. На простоватом некрасивом лице засияло выражение тщательно скрываемого, но несомненного и огромного счастья. Захотелось плакать — то ли от сочувствия, то ли от зависти. Почему Анечку так сильно любят, а ее, Свету, нет? Анечка, вернувшись в неурочный час домой, никогда не застала бы

там мужа с какой-нибудь Ланой. Скорее наоборот — он бы застал ее с кем-нибудь и наверняка не упрекнул ни словом. Только сейчас не время об этом думать, надо думать об убийстве.

— Аня, а носового платка там где-нибудь не лежало? Клетчатого?

— А, Мишиного, — кивнула Анечка. — Его потом менты нашли. Вытащили у Вити из кармана и говорят: «Почему у такого стильного парня такой смешной платок?» Сережа им объяснил, что платок не его, а Мишин.

— Они бы все равно это обнаружили, — поспешно вставил Лагунов.

Света разозлилась так сильно, что захотелось кого-нибудь побить. То ли равнодушную Анечку, то ли предателя Сергея Ивановича, а лучше всего себя, дуру, все обшарившую в поисках платка и не сообразившую заглянуть Витьке в карман. Но как платок мог там оказаться? Мишка выронил его, и... и труп подобрал? Впрочем, ясно. Ведь Света уже сделала вывод, что убийца возвращался на место преступления. Платок показался ему подарком судьбы, и он во избежание проблем сунул его Витьке. То есть она сунула... ведь это скорее женщина. Почему именно в карман? Потому что в детективах часто фигурирует опись содержимого карманов потерпевшего.

Похоже, Светин вид Лагунову не понравился.

— Светочка, — успокаивающе зажурчал он, — поймите нас правильно. Виктор Анатольевич был застрелен из ружья Михаила Петровича, это очевидно. А днем они поссорились. Ну, что изменилось бы, если б я сделал вид, что не узнал платок? Его опознали бы другие, вот и все, но я как свидетель дискредитировал бы себя в глазах милиции. А я ведь собираюсь сделать все, чтобы помочь Михаилу Петровичу получить срок поменьше, поэтому нужно, чтобы милиция мне верила! Вы согласны?

— И что же вы намерены предпринять, чтобы Мишка получил срок поменьше? — холодно осведомилась Света.

— Мы наняли лучшего адвоката, — совсем иным, деловым тоном ответил Лагунов. — За счет фирмы, так что о деньгах не беспокойтесь. И я ненавязчиво донес до милиции мысль, что Михаил Петрович последнее время очень нервничал и иной раз впадал в состояние неконтролируемой ярости. То есть аффекта. За убийство в состоянии аффекта дают меньше.

«Вот откуда идиотские вопросы капитана про Мишкину вспыльчивость, — сообразила Света. — А я-то стала уверять, что вспыльчивости в помине нет». Впрочем, она не решила пока, правильно ли поступила. Если бы Мишка и впрямь был убийцей, тогда одно дело, но он ведь не убивал! Сергей Иванович что, не понимает этого?

— Но Мишка же не убивал! — горячо воскликнула она вслух.

Лагунов сочувственно пожал плечами.

— Почему вы так решили, Светочка?

— Он сам мне сказал, — выпалила Света и тут же прикусила язык. Мишка ведь велел притворяться, что последний раз они беседовали вчера около шести, когда Витька был еще жив. Однако, похоже, собеседник не заметил просчета.

— По-вашему, Михаил Петрович не способен сказать неправду?

— Мне — конечно, — убежденно ответила Света.

Сергей Иванович снисходительно улыбнулся, и Света почувствовала, как краснеет. Да, после демонстративной измены мужа верх нелепости — полагать, что тот говорил тебе правду, только правду и ничего, кроме правды. Неужели Мишка — убийца? Но какой мотив? Непонятная ссора? Дурацкие бумаги?

— Мотив... — упавшим голосом пробормотала она.

— К сожалению, мотив слишком очевиден, чтобы можно было его скрыть, — горестно поведал Лагунов. — Я глубоко уважаю и Михаила Петровича, и Виктора Анатольевича... и как симпатичных людей, и как удачливых предпринимателей... но трудно было не заметить, насколько они отличаются друг от друга.

— Противоположности сходятся, — не слишком оригинально возразила Света.

— Да — до определенного предела. До возникновения конфликта интересов. А конфликт возник. Сперва компаньоны были на равных: Михаил Петрович занимался неформальной частью работы, а Виктор Анатольевич ее юридическим обоснованием. Но постепенно ситуация изменилась. Навыки Михаила Петровича в программировании перестали быть востребованы... зачем, если у нас появились рядовые программисты? Вести переговоры с заказчиком... для этого

есть я... с зарубежными партнерами... эту область полностью взял на себя Алексей Дмитриев. Вот и получился некий дисбаланс, неприятный каждому из компаньонов.

— Владелец фирмы вовсе не обязан что-нибудь делать сам, — неуверенно заметила Света. — Ему принадлежат акции, и он распоряжается прибылью... то есть...

Сергей Иванович деликатно усмехнулся.

— Вы так далеки от бизнеса, Светочка... ну, какие у нас акции? Да и не в этом дело. Михаил Петрович стал чувствовать себя ненужным, и это было ему неприятно. А вот юридическая подготовка Виктора Анатольевича была постоянно востребована. Виктору Анатольевичу было обидно, что его партнер ничего не делает, а получает столько же. Его ведь тоже можно понять? Вот на этой почве и происходили конфликты.

Света кивнула.

— Значит, вчерашняя ссора... она тоже...

— Нет, — неожиданно вмешалась Анечка, — Витя вчера за тебя типа вступился. Полинка страшно удивлялась... но они быстро вышли, и ей стало плохо слышно.

— Анята... — попытался остановить жену Лагунов, да было уже поздно.

— Полина? — уточнила Света. — Она что, была вчера в офисе?

— Ну... да, была.

— А что она там делала?

— Ну, откуда я знаю? Она позвонила мне на трубку и рассказала... ну, про Мишу и Лану, и про тебя, и про Витю... про все интересное. Я даже расстроилась, что столько пропустила. Знала бы, обязательно пришла вчера в офис.

— Я б на вашем месте обратился непосредственно к Полине, — вежливо посоветовал Сергей Иванович. — Зачем получать информацию через вторые руки? Мы с Анютой больше ничего не знаем.

— Уже одиннадцать, — произнесла Света, глянув на часы.

— Они так рано не ложатся, — настойчиво продолжил тот и, набрав номер, протянул Свете трубку, которую она машинально взяла. Услышав мужской голос, обрадовалась, что не нарвалась на Полину.

— Алеша? Это Света. У меня тут голова кругом... эта история с Мишкой... Я звоню от Сергея Ивановича... он советует...

Лагунов быстро отнесил ее от телефона.

— Алеша? Свете нужно помочь осмыслить ситуацию, чтобы она не наломала дров. Ты же знаешь ее взрывной характер. Я объяснил, что мог, а теперь она едет к вам.

И покладистый Сергей Иванович так решительно выпроводил Свету из квартиры, что она со своим взрывным характером не сумела противостоять. Ладно, с Дмитриевыми тоже не мешает пообщаться. Может, хоть Алешу удастся перетащить на свою сторону, убедив в невинности Мишки?

В автомобиле надрывался забытый Светой мобильник. Звонила мама. Немудрено — отправить к ней детей и потом даже не поинтересоваться, как они поживают... это выглядит странно.

— Что у тебя произошло, Света? — встревожено осведомилась мама.

— Работы много. Эпидемия. Как Машка с Ванькой?

— Спрашивают, когда мама приедет их навестить.

— Ох... скажи, что я... что я... ну, не знаю! Я боюсь их заразить, понимаешь? И тебя тоже. Прости, мамочка, я очень устала и хочу лечь спать.

Только не хватало грузить маму своими проблемами! И так чудо, что с ее больным сердцем и способностью раздуть из мухи слона она пока не допрыгалась до инфаркта.

— Почему спать? Ты ведь не дома, а где-то бегаешь. Я давно названиваю тебе на домашний телефон, никто не подходит. Где Миша? Я звонила ему на мобильный. И тебе тоже. Вы где?

— Мы были в гостях у Лагуновых, а сейчас едем домой, — наврала Света. В конце концов, почти наполовину это правда.

— Надеюсь, с Мишей?

— Да.

— Дай ему трубку.

— Он... — О господи, врать-то надо с умом! Что делать? — Он... он ведет машину и не может отвлекаться.

— Вы поссорились, — твердо заявила мама. — Когда ты отправила ко мне детей, я сразу почувствовала неладное. Машка говорит, вы ругались последние дни. Не смей обманывать родную мать! Вы поссорились, да?

— Да, — обреченно вздохнула Света. Вообще-то ссора маячила где-то в невероятно далеком прошлом, но почему бы не откупиться ею от мамы? Это безобиднее, чем убийство и арест.

— Женщина должна быть умней и первой идти на примирение. Надеюсь, ты понимаешь это?

— А если виноват он? — вскипела Света. Перед глазами встало видение красавицы Ланы, прижимающейся к Мишке, а в ушах зазвучали слова: «У нас с ней давно ничего нет. Считай, что она мне не жена, а так... соседка».

— У каждого мужчины есть свои маленькие грешки. Мужчины остались куда ближе к обезьянам, чем мы, женщины, с этим надо смириться. А у Миши еще и работа такая...

— Ну какая, какая такая у него работа? Он что, по-твоему, служит в публичном доме, где кругом голые девочки? Почему другие мужчины могут вести себя прилично, а он нет?

— Потому что он для любой женщины лакомый кусочек, — поучающе сообщила мама. — Богатый, симпатичный, спокойный. Вот на него и зарятся. Ты вспомни Витьку... и поймешь, что Миша ведет себя, как ангел.

— Витька не женат, — возмущенно отрезала Света. — Это совсем другое дело.

— Ну... главное, чтобы муж понимал: развлечения развлечениями, а жена — это навсегда. И, пока он это понимает, можно... и даже нужно... смотреть сквозь пальцы на некоторые его грешки. Все мы не святые. Твой отец тоже... и это не помешало нам в мире и согласии прожить вместе тридцать лет.

Света резким движением отключила мобильник. Мама обидится, но продолжать разговор нет сил. Желая помирить дочь с мужем, она достигла прямо противоположного. На какое-то время Света перестала принимать близко к сердцу Мишкину измену, та отступила на второй план по сравнению с арестом и обвинением в убийстве, теперь же отвратительная сцена всплыла в памяти во всей своей неприглядности, и снова, как накануне, захотелось дать выход ярости и злобе. Но ведь на Мишку грешно сейчас злиться, ему и так очень плохо, а Лана и вовсе мало в чем виновата. Мишка сейчас в тюремной камере... он нуждается в помощи... вот когда он выйдет на свободу, его можно будет ненавидеть в полной мере, а пока нельзя... ему не на кого рассчитывать, кроме Светы... и, между прочим, рванул он, попав в беду, не к Лане, а к ней, к Свете, потому что доверяет ей во всем... значит, нельзя растревать себе душу, а нужно действовать... то есть ехать к Дмитриевым.

Супружеская чета встретила гостью рука об руку, и Света, глядя на Полину, в очередной раз пыталась для себя решить, хороша ли та собой или уродлива. Есть такой тип внешности, что не разберешь. Полина была невероятно худа. Света и сама отнюдь не толстая, но во многом по причине узкой кости, Полинины же руки и ноги выглядели как палки, зато в локтях и коленях резко расширились за счет выпирающих суставов. Голова — ну, прямо-таки обтянутый кожей череп, удобное анатомическое пособие для студентов. Света бы в подобной ситуации взбила какие-нибудь кудряшки, чтобы завуалировать данный недостаток, однако Полина видела в себе одни достоинства и гордо подчеркивала их. Гладкий узел волос блестит, как лакированный. Короткая юбка и обтягивающая кофточка демонстрируют все особенности фигуры. Высоченные каблукы увеличивают и без того немалый рост. Броский макияж приковывает взор, а осанка королевы вызывает невольное уважение. Света знала, многие считают Полину редкой красавицей. Что-то этакое в ней действительно было. Вот попытайся она скрыть свои дефекты, и казалась бы жалкой... как жалок, например, Алеша. Ну, зачем он так ссутулился? А что за выражение лица? Это же нелепо — бояться собственной жены. Хотя чего греха таить — Света и сама Полину... пожалуй, «боялась» — сильно сказано, но старалась избегать. От той так и несло разрушительной энергией. Что-то вроде атомной бомбы, которой невозможно противостоять и которую, увы, никак не используешь в мирных целях.

— Проходи, Света, — ласково пригласил Алеша. — Чаю хочешь? Или чего покрепче? Такие тяжелые времена... их надо пережить.

— Не волнуйся, переживет, — заметила Полина. — Лучше знать, что муж спит на нарах, чем на диванчике у Ланы.

— Не суди о других по себе, — огрызнулась Света. Вот всегда так! Сколько раз обещала: «Все, больше никогда не стану поддаваться на Полинины провокации! Она того и добивается, ей ведь в радость поругаться, а я после этого совершенно измочалена». Но не выходит. Слова вырываются раньше, чем успеваешь подумать.

— По себе? — вздернула брови Полина. — Ты что, думаешь, Лешик может меня бросить? Лешик, слышишь, что она о тебе говорит? Ты чего молчишь? Тебя оскорбляют в присутствии жены, а тебе безразлично?

— Полиночка... — пролепетал Алеша. — Света не то имела в виду... ничего плохого...

— Я имела в виду, — примирительно объяснила Света, — что хотела бы видеть Мишку на свободе, а уж там пусть будет что будет.

— На свободе — это вряд ли, — сочувственно прокомментировал Дмитриев. — Но помочь мы ему должны. Объединить наш усилия и помочь. И тут Сергей Иванович прав — надо упираться на состояние аффекта. Совершенно очевидно, что предумышленным убийством здесь не пахнет, так что срок дадут минимальный.

— Мишка не убивал, Алеша. Честное слово, это сделал не он!

— Это сделал он, Света. Прости, но сомнений тут нет, и, отрицая очевидное, ты только ему вредишь. Мы все должны быть заодно, понимаешь?

— Так она и хочет ему навредить, — просветила мужа Полина. — Просто ей стыдно сказать об этом прямо, вот она и делает вид, будто его защищает. А от ее защиты Мише только хуже. Но Светочку тоже можно понять. Чем позже он достанется Лане, тем для нее лучше. Кому приятно, когда тебя бросают? Да еще в таком возрасте, как у Светы, да с такой внешностью, да с довесками в виде детей. Ее шансы охомутать кого-нибудь другого равны нулю. Понятно, что она бесится. А может, надеется, пока Миша в тюрьме, Лана его бросит, и он потом вернется к Свете. А что? Лана красотка, и детей нет, она найдет себе кого получше.

— Полиночка! — проблеял несчастный супруг. Он, который славился в «Интермаге» дипломатичностью, особенно остро воспринимал демарши жены. — Не надо так шутить. Света, не обижайся, пожалуйста, ты ведь знаешь Полиночкин характер. Никто не думает, что ты желаешь Михаилу Петровичу зла. Он отец твоих детей, и даже с этой точки зрения... И я прекрасно понимаю твоё желание верить в его невиновность, но с фактами нельзя не считаться. Надо исходить из реальности, а не из наших желаний. Последнее время... трудно сказать, сколько... предположим, с месяц... Михаил Петрович был сам на себя не похож. Всегда такой спокойный, он нервничал и ссорился с окружающими, правда?

Возразить Свете было нечего. Да, Мишка и с нею последнее время ссорился.

— Ну и что? — пожала плечами она.

— Особенно сильно это сказалась на его отношениях с Виктором Анатольевичем. У них постоянно возникали производственные конфликты, из которых победителем обычно выходил Виктор Анатольевич. Он — весьма квалифицированный юрист, а «Интермаг» как раз переживает некоторые чисто формальные трудности, с которыми справиться может только опытный юрист. При этом Виктор Анатольевич не пытался сгладить для Михаила Петровича ситуацию, а наоборот, подчеркивал свое превосходство. Разумеется, Михаилу Петровичу было обидно. Вчера отношения между ними накалились до предела, возникла ссора.

— Так ссора из-за работы или из-за меня? — встрепелась Света.

— Думаю, тут сочетание разных факторов, — уклончиво ответил Дмитриев.

Света повернулась к Полине.

— Ты ведь там была? Так?

— Зашла навестить любящего мужа, — улыбнулась Полина. — Я могу себе позволить навестить мужа неожиданно, не боясь застать его голым.

— В офисе — наверняка, — холодно прокомментировала Света. — Там плохо топят.

— Леша, на что она постоянно намекает? Она что-то знает о тебе? Может, у вас с ней что-то было... раньше, пока ты еще был женат на своей старухе? Ну?

— Как ты могла подумать, Полиночка... что ты... Света, ну, зачем ты так? Я пытаюсь помочь, а ты обвиняешь меня, причем без малейших оснований...

— Я — тебя? И в чем? В том, что ты не гуляешь голым по офису, опасаясь простуды?

Света с легким отвращением смотрела, как извивается этот червяк, пытаюсь умиловать жену. Разве таким должен быть мужчина? Да наподдал бы ей, в конце концов, чтоб навек запомнила! Это наверняка пошло бы ей на пользу. Но где ему, он и слово-то вымолвить боится...

— Давайте забудем это недоразумение, — жалобно предложил Алеша. — Света не в себе, Полиночка, к ней нельзя относиться строго!

— Да, — согласилась Полина. — Слава богу, ты, Света, не слышала, как Миша о тебе отзывался... и как — о Лане. Она — молодая красавица, а ты... Конечно, все это чистая правда, вас с Ланой и сравнивать-то смешно, но я все равно тебя пожалела. Ты угрохала на него столько лет... разрешала ему трахаться, с кем хочет... а он все-таки ушел. Обидно!

— Что значит — разрешала? — медленно произнесла Света. — Что ты несешь?

— Ну, Света... отправляя Мишу одного на наши пьянки, ты ведь понимала, что он... он же не евнух, в конце концов, а ты не наивная девочка, а медик.

— То есть... то есть они давно... он и Лана...

— Ну, почему обязательно Лана? — любезно ответила Полина. — Кто под руку подвернется. Это я женщина порядочная, а остальные у нас... как напьются, им все равно...

У Светы бешено колотилось сердце.

— Ты имеешь в виду... у него было много...

— Ну, я же не подсчитывала, Светочка, но кто откажет начальнику, посуди сама! А с Ланой, мне кажется, у них началось совсем недавно. Леша, ты как считаешь?

— Я... я вообще не обращаю внимания на подобные вещи... — нервно заявил Дмитриев. — Ты не думай, Света, это все... может, и не было ничего... просто потискает какую-нибудь девочку от скуки, ну, машинально, это нельзя воспринимать всерьез...

Света молчала, понимая, что, стоит открыть рот, брызнут слезы.

— А, так я говорила про ссору с Витей, — продолжила Полина, с удовольствием изучив выражение лица гостя. — Когда Миша сообщил, что бросает тебя и женится на Лане, все стали его поздравлять и восхищаться, а Витя громко сказал: «Ты еще глупее, чем я думал. Бросить такую жену, как Светка, ради красивой куклы — это надо быть совсем дураком. Но теперь уже все. Светка тебе никогда не простит. Может, и к лучшему. Найдет себе кого-нибудь попримечнее». Примерно так. Лана закричала: «Я не кукла!» Миша тоже закричал... мол, не смей оскорблять Лану... потом бросился на Витю и стал его трясти. Очень непорядочно с его стороны, Витя ведь в другой весовой категории. Миша чуть ни вдвое тяжелее!

— Мы все так опешили, — грустно кивнул Алеша, — что даже не сообразили их разнять. Но Виктор Анатольевич, он как-то сумел... сумел остановить Михаила Петровича... морально сумел, а не физически, понимаете? Сказал что-то вроде «не позорься перед подчиненными»... и Михаил Петрович отпустил его, и они вдвоем ушли в другую комнату. Я боялся, что там драка возобновится, но, слава богу, нет... они беседовали на повышенных тонах, это да, но больше не дрались.

— Во сколько это было? — неожиданно поинтересовалась Света.

— Наверное, часов в пять.

«А в шесть Мишка звонил мне и предложил жить, как раньше, — с некоторым злорадством вспомнила Света. — Значит, он вовсе не собирался жениться на Лане, а просто выпендривался. Или он издевался надо мной, а не над ними? Но зачем? Как я, оказывается, мало знаю собственного мужа!»

— Ну, вот все и прояснилось, — после недолгого молчания констатировал Дмитриев. — У Михаила Петровича был очень тяжелый день. Развод — серьезное испытание даже для самого спокойного мужчины. Виктор Анатольевич имел неосторожность задеть Лану, возникла ссора. Но они ведь дружили много лет, и, когда горячка прошла, Михаил Петрович наверняка пожалел о ссоре. Не сомневаюсь, он приехал к Виктору Анатольевичу с желанием помириться... не зря они пили вместе виски. Но Виктор Анатольевич... он бывает резким на язык, мы все это знаем... к тому же уважает тебя, Света... как выяснилось. Защищая тебя, он снова оскорбил Лану, Михаил Петрович вспылил и выстрелил. Может, он вовсе и не собирался стрелять. Схватил в гневе ружье, а оно возьми да выстрели. Случайно. Но он перепугался, что его обвинят в предумышленном

убийстве, поэтому решил все скрыть. Спрятал виски и уехал. В панике он не учел, что ружье так или иначе выведет на него милицию... да еще и забыл платок...

— По-вашему, Мишка идиот? — возмутилась Света.

— Нет, что вы! — всплеснул руками дипломатичный Дмитриев. — Просто он не из тех людей, которые быстро реагируют на изменение ситуации. Ему требуется все обдумать, а если он вынужден решать быстро, то вряд ли выберет лучший вариант.

Это была чистая правда, поэтому Света предпочла уйти от прямого ответа, заявив:

— И платок, и виски подсунуты нарочно. Кто-то решил свалить на Мишку свою вину.

— Боюсь, Света, здесь нет логики. Желая подставить Михаила Петровича, преступник не стал бы прятать стаканы с виски, а наоборот, оставил их на столе, чтобы милиция непременно обратила на них внимание. А на то, что менты заметят протертую бутылку в баре, рассчитывать было трудно.

— Однако заметили, — парировала Света. — Это им что, Лагунов подсказал? Вот уж, подозрительная откровенность! Все-то он им подсказывает!

— Если бы этого не сделал он, сделал бы кто-нибудь другой, — примирительно заметил Дмитриев. — Ведь дело касается общеизвестных фактов. Так ты будешь поддерживать нашу версию, Света?

— Не знаю, — мрачно буркнула она. — Не одному Мишке требуется все обдумать, мне тоже.

— Я понимаю... обдумай. Да, и еще! «Интермаг» сейчас, как ты понимаешь, оказался в незавидном положении. Оба владельца... мм... не имеют возможности в данный момент им руководить. Не знаю, кто наследует Козыреву... ну, а тебе-то, я думаю, совершенно ни к чему обременять себя проблемами бизнеса. У тебя и так забот полно. Вот, подпиши, пожалуйста.

Не исключено, что Света машинально подписала бы, не увидь она, каким радостным огнем блеснули глаза Полины.

— Что это?

— Чистая формальность... ты уполномочиваешь меня вести дела вместо Михаила Петровича... я, разумеется, и так буду это делать, но с официальной бумагой куда удобнее... вот здесь распишись, где галочка...

Похоже, Светин гнев на жестокую судьбу давно искал повода вырваться наружу, однако не находил достойного объекта, а изливаться в пространство полагал пустой тратой времени. Зато теперь все накопившееся за два дня выплеснулось в единый миг.

— Он еще и галочку заранее поставил! — закричала она, разрывая документ и бросая клочки на пол. Почему-то галочка оказалась последней каплей. — Бумагу заготовил, галочку поставил! Все успел! Мишку только сегодня задержали, а ты уже хочешь вместо него... да его, может, выпустят завтра утром, вот тебе! Ничего с вашим «Интермагом» за пару дней не станет, проживете без начальства! Или ты уже Мишку на десять лет посадил? Так тебе с этого не обломится, и не жди! Пускай эта ваша фирма провалится ко всем чертям, плакать не стану! Ничего я не подпишу! Надо думать о Мишке, а не о всякой ерунде!

Выпалив это на едином дыхании в лицо ошарашенному Дмитриеву, Света повернулась и выбежала из квартиры, от души хлопнув дверью.

Лишь в автомобиле она немного пришла в себя. Самочувствие, как ни странно, радикально улучшилось. «Вот вам всем, — удовлетворенно повторяла она, на неположенной скорости мча к дому. — Будете знать, что к чему!»

К сожалению, заряда бодрости хватило ненадолго. Света вообще отличалась быстрой и непредсказуемой сменой настроения, но за последние двое суток превзошла сама себя. Впрочем, какая женщина на ее месте осталась бы равнодушной, узрев у собственной двери соперницу в элегантнейшей шляпке с вуалеткой? Вот ведь, на ком угодно вуалетка в наши дни смотрелась бы нелепо, а на Лане выглядит совершенно естественно! Разве не обидно? А какие ноги... это вам не Полинины палки и не Анины бутылочки, тут ни прибавить ни убавить. Света тоже могла позволить себе короткие юбки, однако предпочитала удобные джинсы, зато Лана вечно демонстрировала дивные бесконечные ноги снизу доверху... а кое-кому и не только ноги. Света вспомнила, как эта девица прижималась вчера к Мишке, и с огромным трудом подавила желание выцарапать ей глаза. Броситься бы на нее сейчас и спихнуть с лестницы... и посмотреть, как она покатится кубарем до первого этажа, переломав каблук.

— Света, — тихо произнесла Лана, — мы ведь с тобой хотим одного и того же, правда? Давай будем заодно... пока — заодно. Ради Миши.

Ее голос дрожал, и Света вдруг обнаружила, что вуалетка надета не зря — она прикрывает опухшие веки и осунувшееся лицо. Трудно поверить, но Лана была сейчас вовсе не хороша.

Желание выцарапать глаза моментально испарилось.

— Заходи, — пригласила Света. — Кофе будешь? Или коньяку?

— Коньяку, если можно.

— Можно.

«А ведь она по-настоящему любит Мишку, — мелькнуло у Светы, — а то не переживала бы так сильно». Мысль была неприятной, но подурневшая Лана все равно не вызвала прежнего возмущения. Разве она виновата, что влюбилась? Конечно, влюбилась. Мишка хоть и богат, однако не настолько, чтобы стать для Ланы по-настоящему серьезной добычей. Она, если б захотела, могла бы заполучить и получше. Значит, влюбилась... а он в нее. Нет, об этом не нужно, это уже слишком.

Между тем Лана залпом выпила коньяк и без мгновения паузы, словно кидаясь в омут головой, сказала:

— Света... Миша не убивал Витю... поверь... ему или мне, все равно, кому... поверь — он не убивал!

И она уставилась на собеседницу блестящими полубезумными глазами.

— Я верю, — ответила Света.

— Ты... ты действительно веришь? — вскинулась Лана. — Правда? Ты ведь хорошо его знаешь, да? Он такой добрый... так любит детей... он бы ни за что не мог убить, он не такой!

На миг в Свете зыграло чувство противоречия — раз эта особа так горячо защищает Мишку, невольно захотелось его обвинить, — но лучшие побуждения возобладали.

— Конечно, он не убивал, Лана, только как это доказать? Я думала... жаль, что у него нет алиби. Мне странно, что вы не провели этот вечер вместе.

— Мы как раз и собирались провести вечер вместе, — горячо воскликнула Лана, — но надо было подготовиться к этому. Все случилось так внезапно... ведь мы с Мишей не хотели разрушать вашу семью... он так любит Машку с Ванькой и так уважает тебя... — Света вздрогнула от унижения, но соперница, не заметив, продолжала: — А когда это случилось... то есть... ну, ты понимаешь... когда ты все узнала... мы оказались не готовы. Я живу с родителями, а они у меня такие люди... Если б я приехала домой и сообщила, что забираю свои вещи, чтобы уйти к женатому мужчине... они ведь знают, что Миша женат... папа устроил бы страшный скандал... а у меня и так не было сил, очень много свалилось за один день. Я решила купить себе кое-что на первое время, а родителям позвонить. А потом, когда они свыкнутся, заехала бы за вещами. А Миша отправился искать квартиру... место, где нам переночевать, понимаешь? Мы должны были созвониться по сотовому.

— Созвонились? — стараясь смотреть на ситуацию со стороны, осведомилась Света.

— Да. Миша снял номер в частной гостинице... а потом собирался подыскать что-нибудь постоянное.

— Во сколько это было?

— Что?

— Он снял номер и позвонил.

— Почти в девять.

Света прикинула. Около восьми Мишка явился к ней с мольбой о помощи, минут через двадцать она рванула к Витьке, а муж, не теряя времени, отправился снимать любовное гнездышко на ночь. Какая же он все-таки сволочь!

— Он позвонил, и...

— И я поехала к нему, — с некоторым удивлением пояснила Лана. — Я всегда делаю, что он говорит. Такая милая гостиница, и от работы близко. Мише очень нравится этот район.

— И что было дальше? — поторопила Света, однако тут же осеклась. Довольно ясно, что дальше... остались, наконец, наедине, и... Щеки залил жаркий румянец.

— Нет, вовсе нет, — покачала головой сообразительная Лана. — Я только успела принять душ и сделать после этого макияж, как Мише позвонил Сергей Иванович.

«Макияж после душа, — с горечью подумала Света. — А ведь ей всего двадцать семь. Почему я такая дура? Вылезаю из душа в полотенце и даже в зеркало не смотрюсь. В мои тридцать пять я, наверное, без косметики казалась Мишке облезлой мымрой».

Усилием воли отогнав подступившие слезы, она деловито уточнила:

— И зачем Сергей Иванович ему позвонил?

— Сообщить об убийстве. Ты разве не знаешь, труп обнаружила Анечка?

— Знаю. Кстати, тебя это не удивляет?

— Ты имеешь в виду, не спала ли она с Витей? — на лету схватывала Лана. — А кто ее разберет! Вроде бы она не в его вкусе... слишком толстая.

Света кивнула. Да, Витька был, по ее мнению... ну, поскольку о мертвых ничего, кроме хорошего, мы назовем это «сноб». Если бы в нынешнем веке ценились пышные женщины, их ценил бы и он, а в наши нездоровые времена предпочитал высоких и худых.

— А он в ее вкусе? — невольно поинтересовалась Света, в глубине души любившая посплетничать.

— А ей, мне кажется, все равно, — с неодобрением поморщилась Лана. — Лишь бы не пришлось самой ничего делать... кто приложит усилия, за тем она и пойдет.

— А Витька прикладывал?

— Я не замечала... но я их видела только в присутствии Сергея Ивановича, а при нем было бы трудно... ну, сама понимаешь... Сергей Иванович от Анечки ни на шаг. Не знаю, Света. Факт есть факт — она зачем-то заявила к Вите и обнаружила его мертвым. Застреленным. О господи, будто страшный сон!

Лана снова хлебнула коньяку и продолжила:

— Сразу стало ясно, что подозревают Мишу. Ружье, платок, компрометирующие документы... Сергей Иванович про все это нам рассказал... и мы испугались. Понимаешь, ведь Миша... ну, он весь вечер колесил по городу в поисках квартиры... где-то ему район не понравился, где-то дом... посмотрел и уехал... какие тут могут быть свидетели, правда? Ну, зачем вообще нормальному человеку свидетели того, где он был и что делал? Он же не знал, что Витю в это время убьют. Поэтому Миша предложил во избежание неприятностей сказать, что мы провели вечер вместе... вдвоем. Вместе ездили на машине по магазинам и вместе искали квартиру. Попросил помочь ему, понимаешь? В трудную минуту он обратился ко мне за помощью... для меня это было очень важно, Света. И я, конечно, согласилась.

Света молча вытащила из аптечки таблетку валидола и сунула под язык. Старые добрые средства иногда неплохо помогают. От разбитого сердца, конечно, не спасут, однако спазмы снимут. Значит, Мишка в трудную минуту обратился за помощью не только к жене, но и к любовнице, одинаково используя обеих дур для того, чтобы отвести от себя подозрения. Мишка, ее Мишка упорно и жестоко взваливал свои проблемы на женские плечи! Это ужасало не меньше, чем измена, и почти так же, как убийство.

— Значит, ты согласилась. И когда вас допрашивала милиция?

— Они позвонили сразу после Сергея Ивановича, буквально через несколько минут. Черт, надо было просто-напросто отключить сотовый, и нас бы никто не нашел до утра, а мы не сообразили. Миша назвал адрес гостиницы, и они приехали. Это ведь рядом.

— Капитан Родионов?

— Кажется, один из них Родионов. Их было трое. Мы с Мишей сказали, как договорились. О господи, я только потом поняла, что не надо было врать, что от этого только хуже! Но Миша просил меня, и я... я не могла не послушаться.

Света, сама поступившая так же, не собиралась читать мораль, лишь уточнила:

— Откуда в Витькиной квартире оказалось Мишкино ружье?

Было интересно, отличаются ли версии, предложенные мужем ей и Лане.

— Миша дал его Вите на время... похвастаться перед любовницей... — голос Ланы дрогнул, и она добавила: — По крайней мере, так Миша сказал милиции.

— А платок?

— Да, мерзавец Лагунов выдал им, что платок Мишин. Ну и что? Когда они поссорились... Миша и Витя... они ведь поссорились сегодня в офисе... то Миша немного разбил Вите нос, а потом они помирились, и Миша дал Вите свой платок вытереть лицо. Разве это не естественно?

Это выглядело бы естественным, если б Света не знала, что тут нет ни слова правды. Платок Мишка потерял, стирая отпечатки пальцев с орудия убийства, а вовсе не кровь с Витькиного носа. Кстати...

— А на платке были следы крови?

— А почему они должны быть? — вскинулась Лана. — Миша разбил Вите нос не до крови. Вот и милиция про это говорила... но они ладно, что с них возьмешь, а ты не должна! Ты должна ему верить.

«Хватит с него одной тебя, такой доверчивой», — раздраженно подумала Света, однако быстро устыдилась. Обидно обнаружить, что ты не единственная не только в постели мужа, но и в его помыслах, только это еще не означает, что он убийца.

— Я верю, — упрямо повторила она, убеждая больше себя, чем собеседницу. — Что было дальше?

— Они ушли, а Миша велел мне возвращаться домой... мол, после такого известия всем нам нужно прийти в себя. Я вернулась... хорошо, я не успела ничего сказать родителям, и они решили, я так поздно из-за этого убийства... так что папа совсем не скандалил. А утром два милиционера приехали в «Интермаг» и сказали, что Мишину машину видели около Витино дома как раз во время убийства... и какой-то ненормальный даже запомнил номер, представляешь? А еще про бутылку шотландского виски, которое так любит Миша... она стояла в Витином баре с краю, будто из нее недавно пили, а потом стерли отпечатки пальцев и спрятали в бар... и про документы... у Вити в шкафу лежали документы, которые компрометируют Мишу... я правду скажу, мы действительно кое в чем мухлюем в этом чертовом «Интермаге», но Витя такой хитрый, а Миша простодушный... Витя все умудрялся свалить на него, все опасное! Но это еще не самое страшное. Накануне Мишины ботинки забрали на экспертизу, и на них была обнаружена кровь... Витина кровь...

Лана захлюпала опухшим носом и хрипло выдавила:

— Я не понимаю, откуда там кровь... ведь Миша не убивал, правда?

Света как раз понимала, однако объяснить не имела права. Она дала Мишке слово и должна его держать, какой бы сволочью тот ни оказался и какой приятной женщиной ни оказалась вдруг Лана.

— Может, у Витьки все-таки шла кровь из носа, когда они подрались? — неожиданно осенило Свету. — Вот Мишка туда и наступил... в офисе, а не на квартире.

— В офисе, а не на квартире, — зачарованно повторила Лана. — Конечно! Почему я не сообразила сказать это ментам?

— Вряд ли они бы поверили. Да, положение аховое. Так Мишка признал, что был у Витьки?

— Он не был у Вити. Просто в соседнем доме как раз оказался один из адресов... я имею в виду квартиру, которую можно снять. Миша подъехал туда, но понял, что это рядом с Витей, а рядом ему жить не захотелось. Вот и все. Но... понимаешь, так неудачно вышло... Этот Родионов сегодня в офисе допрашивал нас порознь... мы растерялись, и ему стало ясно, что мы вчера наврали... говорили, что ездили вместе, а на самом деле нет. Лучше бы мы сразу сказали правду! В результате менты перестали нам верить, и Мишу арестовали. Видеться с ним мне не разрешают. А тебе?

— Мне тоже. Так чего ты хочешь от меня, Лана?

— Не знаю, — вздохнула Лана. — Я схожу с ума, мне нужно понять, как быть. Наши замы... Лагунов и Дмитриев... они советуют упираться на состояние аффекта... то есть, что Миша убил в состоянии аффекта. Но я думаю, это неправильно, ведь он же не убивал! А они говорят, я делаю только хуже.

— Мне они говорят то же самое, — призналась Света.

— Да? И что ты решила?

— Пока ничего. Нужно найти настоящего убийцу, тогда все разрешится само собой. Если не Мишка, значит, убил кто-то другой, правильно?

Похоже, эта свежая мысль гостью поразила.

— Кто?

— В том-то и дело, что не знаю. Наверное, любовница. Слишком уж их было у Витьки много, я всегда говорила, что рано или поздно он допрыгается. Попалась ревнивая, обнаружила соперницу и...

— И убила его, а не ее? Сомнительно.

Света и сама вчера приводила тот же аргумент, но теперь упрямо заявила:

— Ведь ради кого-то он брал у Мишки ружье! Хотел поразить своей мужественностью новую любовницу, так?

— Да уж, — с ненавистью произнесла Лана, — чтобы показаться мужественным, ему точно требовалось ружье, да и то не помогло бы.

Света удивленно подняла глаза, и собеседница тут же спохватилась:

— Прости, он ведь мертв, и о нем надо отзываться хорошо. Но, Света! Если мы будем врать друг другу, то никогда ни в чем не разберемся. Да пропади они пропадом, хорошие манеры, если из-за них Мише придется сидеть в тюрьме! Я буду говорить, как есть. В «Интермаге» каждому ясно, что Миша олицетворяет мужское начало, а Витя женское. Нет, он, разумеется, не гомосексуалист, речь тут не о сексуальной ориентации, а скорее о душевном складе. Миша... это медведь. Сильный, мужественный, спокойный, простодушный. За ним, как за каменной стеной, а его слово нерушимо.

Вообще-то за последнюю пару дней иллюзии Светы по данному поводу полностью развеялись, однако она кивнула. Мнение Ланы полностью совпадало с тем, что сама она чувствовала всего неделю назад.

— А Витя... Витя — змея, — сузив глаза и глядя вдаль, без обиняков заявила Лана. — Красивая, гибкая, слабая, хитрая и ядовитая. Миша считал его своим другом... я всегда думала, что он ошибается, но не могла этого доказать. А теперь могу. На друзей не собирают компромат. Представь, Света... Миша организовал «Интермаг», придумал все, пробил, обустроил, нашел нас... и, в частности, Витю. Как юрист, впрочем, Витя идеален. Миша вообще умеет подбирать персонал, это его сильная сторона. Он сделал Витю своим компаньоном, а тот потихоньку стал тянуть одеяло на себя. Да, конечно, Миша... он требовался фирме в сложный начальный период, в период становления, а потом все потекло само собой, и роль Вити стала куда важнее... но поначалу-то было наоборот, да и вообще, кто знает, что ждет впереди! А Витя, как кукушонок, решил выбросить хозяина из гнезда. Нет ничего хуже неблагодарности. Неблагодарности и предательства. Вот Витя — он такой и есть. Делая вид, что он Мише лучший друг, втихаря собирал на него компромат и хихикал за спиной. А потом, почувствовав свою силу, неожиданно поднял голову и укусил. Это случилось десять дней назад. Ты не представляешь, как это гнусно! Вчера вечером перед тобою один человек, а сегодня утром — совсем другой. Мы все просто опешили, когда Витя вдруг начал обращаться с Мишей, словно с... с... с глупым, никому не нужным, никчемным неудачником. Еще накануне держался почтительно, и вдруг как с цепи сорвался. А он просто-напросто заполучил все документы, какие были ему нужны, и мог дальше позволить себе не притворяться.

«Она по-настоящему любит Мишку, — в который раз подумала Света. — Ох, как плохо!» Было бы куда приятнее, окажись Лана банальной охотницей за богатыми мужиками.

— Значит, дней десять назад у Мишки и Витьки начались конфликты, так?

— Да. Их провоцировал Витя, а Миша... у него и впрямь были проблемы... ну, — Лана явно заколебалась, — прости... в личной жизни... мы любили друг друга, но не могли быть вместе, ему это было тяжело... и на работе тоже не все ладилось. Короче, Витя провоцировал, а Миша срывался. Я понимаю, откуда у Лагунова и Дмитриева эта идея про состояние аффекта. Но сорваться — одно, а убить — совсем другое.

— А ты знаешь Витькиных любовниц? — упорно гнула свое Света. — Раньше он часто приводил их к нам в гости, но потом я ему запретила.

— Почему?

— Я ему честно сказала... тебе, мол, хоть бы что, а я привыкаю к девушке, и мне потом ее жалко. Поэтому я не знаю его последних любовниц... помню только эту блондиночку с пикников... кто она, вроде программист?

— Раньше это назвали бы делопроизводитель, — усмехнулась Лана. — Нина Усова. Твои сведения устарели, ты давно не выезжала с нами за город. Он Нину бросил. Сперва она бегала за ним и рыдала, а сейчас вроде успокоилась.

— Ага! — обрадовалась Света. — И давно успокоилась?

— Трудно точно сказать, я же специально за этим не следила. Ты думаешь, это она? Погоди... итак, какое-то время назад Витя завел себе новую любовницу на стороне... в смысле, не на работе.

— А почему не на работе?

— Неужели ты думаешь, — вздернула брови Лана, — что кого-нибудь из наших девушек Витя сумел бы обмануть, предъявив чужое ружье? Все мы знаем, что он, как девица, боится выстрелов. Вот Миша, тот охотник, настоящий мужик, а Витя... нет, он нашел дурочку на стороне, можешь не сомневаться.

«Если, конечно, Мишка не обвел вокруг пальца нас обеих с этим своим ружьем, — прокомментировала про себя Света. — То есть если Витька и впрямь это ружье у него попросил, а не...» Что «не», она предпочла не додумывать.

— Хорошо, он завел любовницу на стороне, а бедную Нину побоку. У нее какой характер?

— Ты имеешь в виду, способна ли она затаить злобу и убить? Мне кажется, нет, но не знаю. Такая... средняя. Ни красавица ни дурнушка, ни умная ни глупая...

— Ни голая ни одетая, — неожиданно вставила Света. — Помнишь сказку про умную дочь рыбака?

— Помню. Нина... дружбы у меня с ней нет, но мы и не ссорились. Она, по-моему, ни с кем не ссорилась. Довольно забитая девица. С трудом представляю, что она, узнав о новой Витиной любовнице, едет к нему, хватается ружье и стреляет. Я еще понимаю, выстрелить сгоряча, когда он тебя только что бросил, но какое-то время спустя... Маловероятно!

— А Полина? Ты не думаешь, что одной из Витиных любовниц могла быть Полина?

— Насчет любовницы не знаю, а убила бы она любого запросто, — съехидничала Лана, и Света поняла, что не одинока в своих пристрастиях. — Я, конечно, вижу ее в основном со стороны, она не снисходит до общения с наемной рабочей силой, но мне хватает. Такой заряд стервозности распознаешь на любом расстоянии.

— Но было ли у них что-то с Витей, ты не знаешь? — уточнила Света.

— Не знаю. И не понимаю, почему ты так зациклилась на любовницах. Честно говоря, я не верю в убийство в порыве чувств. Век романтизма давно позади, сейчас все борются за деньги и власть. Возьми того же Витю. Да, девицы не давали ему проходу, как же, романтический длинноволосый красавчик с южными глазами... но для него куда важнее было стать единоличным хозяином фирмы. Ради этого он пошел на многое, а ради любви палец о палец бы не ударил. Такова реальность, хотим мы этого или нет.

Лана явно не хотела, в ее голосе звучала глубокая грусть. Света тоже не хотела.

— Такова реальность мужской жизни, — заявила она. — А женщины как были дурами, так и остались, это я по себе могу сказать. Но я, похоже, действительно зациклилась. Ты знаешь, что Алеша Дмитриев хочет, чтобы я поручила ему вести дела вместо Мишки, и даже заранее подготовил соответствующую бумагу?

— И ты... ты подписала?

— Ха, разбежался! Я порвала эту гадость в клочья. Но ты подумай: я и приехала-то к нему случайно, глядь — а у него уже документ готов и даже галочка поставлена, где расписаться. Меня это так поразило... неимоверно.

— А меня нет, — жестко произнесла Лана. — Я понимаю, Леша... он такой милый, и ему досталась такая отвратительная жена. Все его жалеют и не принимают всерьез, а он не так-то прост. Может, он надеется, стоит стать начальником, и Полина перестанет им командовать? А начальником он, похоже, действительно станет. Витя мертв, Миша арестован... кто остается?

— Лагунов.

— Нет, он не захочет. Когда-то он был директором магазина, и у него была неприятная история... он выпутался, но серьезной материальной ответственности теперь боится. Его больше устраивает выполнять чужие приказы за хорошую зарплату и спокойно спать по ночам. Кстати, сколько сейчас времени?

Лана глянула на часы и ахнула.

- Полвторого! Меня дома убьют.
- Позвони им и оставайся ночевать.
- Нет, спасибо, я уж как-нибудь...

Света почувствовала, что решение собеседницы твердо. Честно говоря, ей и самой не больно-то хотелось, чтобы та осталась. Ненависть к Лане не утихла навсегда, в какие-то моменты она вдруг возвращалась резкими приступами, с которыми очень тяжело было бороться.

— Я довезу тебя на машине. Правда, я немножко выпила... но надеюсь, пронесет.

Пронесло. ГАИшники, похоже, мирно спали в своих постелях. Света жаждала последовать их примеру, однако сон не шел. Мысли одна тягостнее другой заставляли ворочаться с боку на бок, и самая тяжелая была такая: а не Мишка ли застрелил Витьку?

Действительно, все сходится, как в аптеке. Змея Витька шантажировал Мишку, желая лишиться любимого детища — «Интермага». Мишка нервничал, это видели все. Нервничал, но в силу своего характера не мог действовать быстро, а на протяжении десяти дней обдумывал ситуацию, постепенно приходя к решению, что от бывшего друга следует избавиться... или, хочется верить, не приходя к этому решению. Как бы там ни было, он не успел составить четкого плана, поскольку события стали развиваться быстро и непредсказуемо. Сперва Света застала мужа с любовницей, что, разумеется, выбило его из колеи, затем этот прилюдный скандал с Витькой, чуть ли ни драка. Мишка говорит Лане, что отправился на поиски квартиры, а сам рванул в Витьке выяснять отношения... с ружьем наперевес? Нет, тут несостыковка. Оружие он должен был приготовить заранее, ведь Света сидела весь вечер дома. Получается, либо Мишка уже склонялся к решению убить шантажиста и постоянно возил с собой ружье... которое, кстати, тут же наведет милицию на след... дурак он, что ли? Ура! Он не дурак, на глупости способен лишь в цейтноте, так что ружья с собою не возил, оно и впрямь находилось у Витьки. Странно... чтобы очаровать женщину, тому меньше всего на свете требовалось огнестрельное оружие, у него были в резерве куда более мощные средства. Однако факт остается фактом: Витька зачем-то позаимствовал у Мишки ружье. А может... Света замерла... может, как раз Витька задумал убийство, а Мишка действовал в пределах необходимой самообороны? Нет, вряд ли. Во-первых, Мишка признался бы в этом жене, а во-вторых, у Витьки нет мотивов. Не годится.

Ладно, Мишка заявляется к Витьке, чтобы окончательно разобраться, что к чему. Пускай даже Витька и впрямь сам вызвал его к себе по мобильному. Они выпили виски, но, увы, не помирились, а поругались куда сильнее. Может, покушение на «Интермаг» Мишка еще смог вынести, а слушать, как оскорбляют его драгоценную Ланочку, оказался не в силах. Удивительно, как ошибаешься в людях. Света была уверена, что вызывает у Витьки легкое раздражение... а после того, как в прошлую пятницу дала ему от ворот поворот, так и не легкое... но на тебе, он единственный в «Интермаге» бросился на ее защиту! Кстати, раз у Витьки серьезный роман, чего это он вдруг пристал к Свете с ухаживаниями (если попытка без долгих экивоков залезть к тебе под платье называется ухаживанием)? Хотя ясно, спяну. Света твердо знала, что не в его вкусе, в подобных вещах женщины не ошибаются. О господи! Оскорбила человека почем зря, а теперь он погиб. Правда, в долгу-то он не остался — не мешкая, заявил, что у Мишки есть любовница. Ну, заявил... не наврал же, а сказал чистую правду. Надо перестать на Витьку злиться, это непорядочно... а вот так и кажется, что он подстроил свою гибель нарочно, чтобы подставить бедного Мишку!

Света перевернула горячую подушку и принялась думать дальше. Итак, приятели поссорились, Мишке попало под руку любимое ружье, и он сгоряча выстрелил. Лагунов-то прав — с точки зрения здравого смысла, речь идет не о предумышленном убийстве (оружие не было принесено с собою), а о совершенном в состоянии аффекта. Совершил — и испугался. Мишка тугодум, а тут требовалась быстрота реакции. Вместо того, чтобы замести следы, он схватил ружье и помчался домой... то есть к Свете. Но не сказал правды, а наврал, нагло используя брошенную жену в своих целях.

«Нет, — вслух произнесла Света, — он не стал бы мне врать. А стал бы, я бы почувствовала». Однако некстати прорезавшаяся логика утверждала, что обманывать жену было Мишке не в новинку, причем она, последняя идиотка, совершенно ничего не замечала. До чего неприятно ощущать себя одураченной! Так и хочется кого-нибудь побить.

Кого-нибудь в квартире не обнаружилось. Света встала, взяла из буфета тарелку, бросила на пол. Та, холера, даже не треснула. Второй раз швырять ее было совсем уж нелепо, поэтому пришлось вытащить из холодильника салат в упаковке и съесть. Салат оказался из лучших, с сыром и грибами, и немножечко утешил. Света любила навернуть ночью чего-нибудь покалорийнее... фигура позволяла. Мишке фигура не позволяла, однако он тоже любил. Опять Мишка... все мысли сворачивают на него.

Ладно, смиримся с тем, что Мишка вполне мог наврать. Побоялся признаться в убийстве и сообщил, что обнаружил Витьку уже мертвым. Ему хотелось, чтобы жена опрометью бросилась на помощь, а так было вернее. Она и бросилась. Вернула на место нехстати унесенное ружье, убрала стаканы с виски. Кстати, зачем было Мишке утверждать, будто их убрал он? Нелепо. Хотя, предположим, он решил продемонстрировать, что не сваливает всю работу на нее, а и сам кое-что предпринял. Как бы там ни было, он сумел отправить Свету заметать следы, а сам, даже не дожидаясь ее возвращения (хотя прекрасно понимал, что жена подвергается опасности), поехал в частную гостиницу снять номер на ночь. Снял, вызвал к себе Лану, успевшую закупить нижнее белье посексуальнее (а что еще?), и они... Нет, они ничего не успели, помешал звонок Лагунова. А ведь Света, возвратившись от Витьки, тоже позвонила мужу. Точно, сперва звонил он, часов в шесть, и предлагал вернуться к совместной жизни. Потом он появился лично... это уже в восемь. А часов в девять он поговорил со Светой по телефону, потребовав, чтобы она ни в коем случае не выдавала, что они вечером виделись. Уверял, что отключает мобильник... а сам этого не сделал. Ясно, почему — ждал новостей. И они не замедлили появиться. Позвонил Сергей Иванович с сообщением, что Витька убит из Мишкиного ружья, а в кармане у него Мишкин платок. Да, и еще милиция нашла компрометирующие документы! Между прочим, кто объяснил им, что эти документы и впрямь для Мишки опасны? Не так-то просто разобраться во всяких там ведомостях и накладных. Просматривая бумаги из Витькиного стола, Света это четко поняла. Очевидно, что милицию осчастливил Лагунов — так же охотно, как назвал владельца носового платка. Ладно, об этом после.

Итак, Сергей Иванович звонит Мишке, а тот решает обезопасить себя еще с одного фланга. Раз жена плохо справилась с задачей уничтожения улики, авось любовница ловчее справится с созданием алиби. Мишка хочет поскорее убедить милицию в своей невинности, поэтому не отключает мобильник, а дает капитану Родионову себя обнаружить. Лана заявляет, что была весь вечер с Мишкой, и проблема решена.

Но не тут-то было! Родионову жаль отказываться от столь подходящего подозреваемого, он опрашивает соседей, и кто-то опознает Мишкину машину. В совокупность с кровью на ботинках — почему этот идиот не вымыл ботинки, вот Света же постирала свитер? — и с фальшивым алиби ситуация получается настолько недвусмысленной, что милиция тут же Мишку арестовывает. Убийца верно вычислен и своевременно задержан.

Что ж, особых противоречий в нарисованной картине нет. Но — противоречий нет также, если все оставить без изменения, однако предположить, что Мишка не убивал, а действительно нашел Витьку уже мертвым. Шансы тут пятьдесят на пятьдесят. Вон, и Лана того же мнения, по ней заметно... вроде и убеждена, что Мишка не виноват, однако твердой уверенности у нее нет. Ее, бедную, смущает кровь на ботинках. Свете в этом смысле легче — она знает, что муж мог побывать на месте преступления, но не совершать его. Значит, надо исходить из этого. Пятьдесят на пятьдесят... отнюдь не худший расклад. Вот если других вариантов не останется, тогда дело плохо, а пока... пока о самом грустном думать не стоит.

Решив так, Света почти успокоилась и куда менее эмоционально принялась выискивать эти самые другие варианты. Что известно про убийцу? Он застрелил Витьку — то ли продуманно, то ли в порыве гнева — и решил свалить вину на хозяина оружия, ради чего выставил на стол любимое Мишкино виски, да еще послал Мишке вызов с Витькиного мобильника. Ожидалось, что Мишка позвонит в милицию, те приедут и тут же его заподозрят. Однако Мишка поступил непредсказуемо. Он убрал виски и сбежал вместе с ружьем. Преступник с удивительной выдержкой дожидается этого момента, возвращается в Витькину квартиру, снова вынимает многострадальную бутылку и обнаруживает подарок в виде потерянного Мишкой платка. Сует платок Витьке в карман и теперь уже окончательно удаляется.

Выходит, убийца хорошо знал Мишкины вкусы — что в вопросе выпивки, что в выборе носовых платков. Поэтому странная Витькина любовница со стороны, для завоевания которой требовалось ружье (мазохистка, что ли?), отмечается. Вряд ли Витька обсуждал с нею пристрастия своих приятелей. Преступник безусловно связан с «Интермагом».

Приятнее всего было бы свалить вину на Полину. Вон, даже Лану она, оказывается, допекла! Откуда берутся такие стервы? Наверное, у нее было тяжелое детство. Психологи уверяют, наши взрослые проблемы идут оттуда. Девочка выросла в бедности, заброшенная алкоголиками-родителями, и обозлилась на весь мир. Потом ею увлекся Алеша — вот уж, кто точно мазохист! — и женился, пожертвовав, между прочим, собственным сыном (новая жена не разрешает с ним встречаться). Какие отношения у Полины и Витьки? Самые обычные. Она ему хамит, он снисходительно улыбается в ответ. Ничего похожего на любовную связь Света не замечала. Но, впрочем, связь могла быть тайной. Алеша покладистый муж, однако есть вещи, которые не стерпел бы и он. Предположим, Полина была любовницей Витьки. Между прочим, это объясняет, зачем она притащилась вчера в офис. Зашла навестить мужа, как она пыталась изобразить? Чушь! Она не из тех, кто спешит доставить супругу радость. Может, она хотела договориться с Витькой о встрече? Договорилась, приехала и...

Света аж подскочила на кухонной табуретке. Алиби! Прежде всего надо выяснить, где находилась Полина... ну, скажем, с половины седьмого, когда все покинули офис, до восьми (ведь Мишка появился у Светы примерно в восемь, а убийство произошло несколько раньше). Если Полина провела эти полтора часа, к примеру, в фитнес-центре, то надежда на ее виновность моментально испаряется. До чего же глупо было побывать сегодня у Дмитриевых и не задать столь очевидного вопроса — есть ли у них алиби на время преступления! То же относится к Лагуновым. Не исключено, все теперешние Светины умственные построения бессмысленны, поскольку подозреваемые просто физически не могли совершить убийство. Вот капитан Родионов наверняка с этого начал и избавил себя от лишней работы. Лишняя работа, как известно, любит не всех граждан, а исключительно дураков. Самокритично отнеся себя к данной категории, Света упрямо продолжила размышлять, поскольку остановиться не было сил.

Итак, Полина приезжает к любовнику, а у того неудачный день. Драка с Мишкой вряд ли входила в его планы и наверняка выбила из колеи. В подобном состоянии Витька забыл привычную осторожность и дал понять, что Полина у него на данный момент отнюдь не единственная... есть другая, ради которой он одолжил у Мишки ружье. Злобная по своей природе красотка быстро хватает подвернувшееся оружие и стреляет, а вину решает свалить на Мишку. Остальное ясно. Получается, надо выяснить две вещи — как Полина провела вечер и не спала ли она с Витькой.

Те же две вещи стоило бы узнать и про Анечку. Конечно, Света с трудом представляла себе, как Анечка стреляет... да что там, даже просто хватается ружье, в особенности быстро. Она настолько ленива... или, положим, пассивна. Света рисовала себе Анино прошлое в виде сладкой дремы персидской кошечки на роскошной подушке, предоставленной богатыми и любящими родителями. Потом подушка с очаровательной зверюшкой была передана другому владельцу, но кошечка не обратила на это особого внимания, продолжая дремать. Анечку сама Полина не умела вывести из равновесия, где тут жалкому Витьке! Совершенно невероятно. «У тебя есть другая? — флегматично повторила бы она. — Дай мне еще пирожное».

Однако тут имеются два смущающих момента. Во-первых, посещение Анечкой Витьки под явно надуманным предлогом — взять у него Мураками. А во-вторых, Аничкины... мм... увлечения? Нет, неверно. Она вовсе не увлечена мускулистым массажистом, с которым ее застучала Света. Похоже, встречаться с ним или нет, ей совершенно безразлично, однако данное безразличие вовсе не мешает изменять при случае мужу. Раз изменяет с одним, почему бы не с другим — с Витькой? Тем более, тот живет в двух шагах, не надо куда-то ехать. Пришла на свидание и убила, потому что... потому что... потому что Витька сперва накормил ее тортом, а потом ехидно сообщил о его высокой калорийности. Разумеется, Света улыбнулась собственной шутке, но более подходящего повода придумать не смогла. Ладно, оставим пока. Пускай Анечка по неизвестной причине разозлилась на Витьку, застрелила его и решила свалить вину на Мишку. Проявив несвойственный ей ум, подтасовала улики, затем вернулась домой, а потом снова заявила на квартиру убитого, где и обнаружила труп. Бред! Зачем ей лишние проблемы? Подождала бы, пока

тело найдет кто-нибудь другой. Или... или ей понадобилось что-то забрать? Вспомнила, что потеряла какую-то мелочь? Но тогда она бы воспользовалась случаем и снова поставила на стол бутылку виски, а она этого не сделала. Похоже, Анечка все-таки не при чем. Она спала с Витькой, но вряд ли его убила. И тут возникает встречный вопрос — а не ревнив ли Сергей Иванович?

Ответить было нелегко. Вроде бы незлобивый откровенный толстячок... но сегодня, например, он продемонстрировал совсем иные качества. Свету не покидало чувство, что Лагунов незаметно и очень ловко ее обыграл. Он лавировал между правдой и ложью, а вскоре и вовсе направил незваную гостью к Дмитриевым — и Света безропотно подчинилась. Сергей Иванович не хотел пускать ее к Анечке, а, пустив, старался контролировать слова жены. За кого он боялся? За нее или за себя? Вдруг это он в порыве ревности застрелил Витьку?

Света хмыкнула, представив комедийного героя в роли убийцы. Но, с другой стороны, толстые и лысые, наверное, чувствуют не слабее, чем романтические красавцы? Отелло, например, был негром... мавры ведь, кажется, негры? Странно только, чего же Лагунов не пристрелил сперва массажиста. Хотя считается, мужья узнают все последними... и жены тоже, Света сама недавно в этом убедилась. Вероятно, о массажисте Сергей Иванович не подозревал, а вот связь Анечки с Витькой каким-то образом всплыла. А если... ведь в милицию-то позвонила не Аня, а Лагунов! Если именно он нашел тело, а ее вызвал по телефону, а вовсе не наоборот? Хотя какой в этом смысл — втягивать любимую жену... маловероятно. И вообще, убив Витьку, Сергей Иванович не позволил бы Ане отправиться к тому на квартиру. Или как раз позволил — в воспитательных целях? Погляди, мол, на своего красавца!

Света окончательно запуталась и решила по совету Ланы перейти с любовного мотива на деловой. Конечно, была еще в резерве брошенная Витькой Нина Усова, однако это пока темная лошадка. Познакомиться с ней, что ли, поближе? Надо будет поискать предлог.

Итак, что там у нас с бизнесом? «Интермаг» процветает, хотя не без нарушения законов. Кто унаследует долю Витьки, который никогда не был женат? Родственники? Отец умер, мать... она замужем вторично, с Витькой почти не видится. Убила сына ради наследства? Чуть! С этой стороны все чисто.

Что касается Мишкиной доли, та, судя по всему, переходит к Свете. Шикарная идея — засадить собственного мужа в тюрьму, дабы заполучить его бизнес! Однако сама Света прекрасно знала, что она и бизнес — понятия несовместимые. Знали об этом, между прочим, и Дмитриев с Лагуновым. Они не сомневались, что Света подпишет нужную бумагу, да она и подписала бы, если б на нее не накатила ярость. Лана уверяет, Лагунов не жаждет брать на себя ответственность, скорее Дмитриев... галочку еще поставил, вот сволочь-то! Неужели задумал двойной удар? Один шеф убит, другой арестован... их мать и жена охотно избавляются от хлопот по управлению «Интермагом», передав дела милому Алеше... который, по Ланиным словам, не так уж прост. Ладно, не прост, но затеять столь страшную вещь ради какой-то дурацкой фирмы — это слишком!

Впрочем, рассудок подсказывал, что от мужчин можно всякого ожидать. Вон, даже Мишка как изменился, став бизнесменом. Захотелось Алеше повысить свой социальный статус... жена, например, заела, вот и решил ее порадовать, а что сильнее порадует Полину, чем чужое несчастье? Подумав это, Света с недоумением поняла, что ее снова сносит на личную жизнь. Убийство из ревности или любви казалось ей понятнее, чем ради денег или карьеры. Но ведь есть еще вариант — страх. Предположим, Витька собрал компромат не только на Мишку, но и на Алешу. Только зачем? С Мишкой ясно, тот соперник, а Алеша-то простой подчиненный. Ладно, это пока пропустим. Витька собрал на Дмитриева компромат... или на Лагунова... между прочим, их обоих принял в «Интермаг» Мишка, они считались именно его ставленниками, а Витька, видимо, решил перетянуть одеяло на себя и от них избавиться... но вместо этого кто-то из данной парочки избавился от него... а заодно и от благодетеля Мишки. Скорее Дмитриев, уж больно у него жена противная... нет, скорее Лагунов, не зря он навел на бедного Мишку ментов! И платок-то опознал, и наклеузначил про виски, и донес про компромат. Одно страшно... вдруг у всех есть алиби, что тогда? Света настолько не хотела обдумывать эту мысль, что моментально заснула.

Утро она провела на работе, а к концу смены ее ожидал сюрприз — в кабинет снова вошел мужчина с головными болями... Силуянов Вадим Андреевич, Света вспомнила его имя. На сей раз цветов он не принес, зато принялся мычать. Звучало это примерно так:

— Мм... Светлана Николаевна, понимаете... мм... то есть надо было вчера... мм... но тугодум я, мне все это говорят... мм... вы уж простите... мм... Вот!

И он посмотрел на собеседницу, явно ожидая ответной реакции.

Света работала не первый год и понимала, какого рода недомогания заставляют мужчин так мяться даже перед врачом. Вообще-то Силуянов не походил на импотента, с точки зрения гормональной с ним был полный порядок. Она осторожно осведомилась:

— А вы уверены, что ваши проблемы не являются чисто психологическими? У вас с нею хорошие взаимоотношения? Я имею в виду не в постели, а в обычной жизни.

— Э... э... — замялся посетитель. — С кем?

— Ну, с той женщиной, с которой у вас сексуальные проблемы, — пояснила Света, страшно не любившая ходить вокруг да около. — Простите, у нас осталось мало времени, так что давайте напрямик.

Лицо Вадима Андреевича побагровело, и Света машинально отметила, что у него типично апоплексический склад, и это, в отличие от выдуманной импотенции, действительно может оказаться опасным. Подобных людей нелегко вывести из себя, но если уж подобное случилось, возможен инсульт, ибо давление подскакивает до небес. Ну, с тонометром сейчас возиться не стоит, а пульс проверить не мешало бы.

Она привычным жестом взяла Силуянова за запястье... не меньше ста двадцати ударов в минуту, это очевидно...

— Вам надо укреплять сосуды, Вадим Андреевич. И вообще, не стоит так волноваться из-за всякой ерунды. Честное слово, в следующий раз у вас с нею все получится... поверьте мне!

И действительно получится, ведь в таких делах главное — положительный настрой.

— О господи! — вскричал вдруг собеседник таким громовым голосом, что наверняка было слышно в соседних кабинетах. — Не надо мне ничего укреплять! Все у меня в порядке, все! И сосуды, и... и остальное.

— Тогда в чем проблема? — удивилась Света. — Простите... я почему-то решила...

— Это вы простите, — прервал ее Силуянов, снова понизив голос до нормального. — Не надо было мямлить, а я... Короче, я еще вчера хотел предложить вам помощь, но с ходу не решился. Я, знаете, не умею быстро... дурацкий характер. Что я могу для вас сделать?

— А почему вы должны что-то делать? — не поняла Света.

— Я помню, какая вы были два месяца назад. Я, как вчера вас увидел... меня словно ударило. Я понимаю, есть вещи... тут никто не поможет. У вас кто-нибудь умер? Ну, тогда хотя бы... документы всякие оформить, справки... не вам же этим заниматься, вам и так плохо. Я сделаю. Скажите только, что. Я перед вами в долгу... неоплатном долгу. Честное слово, я без всяких задних мыслей... просто хочу помочь.

— Помочь, — повторила Света и заплакала. Она так устала биться одна... она не привыкла к этому, всегда ощущая рядом широкую спину мужа... этот Вадим Андреевич выглядит почти таким же надежным, за ним тоже легко спрятаться. «И в нем так же легко обмануться», — прошептал внутренний голос, однако вслушиваться в него Света не стала.

— У меня мужа арестовали, — жалобно сообщила она. — За то, что он убил одного человека. А он никого не убивал!

Возможно, она в истерике тут же выдала бы собеседнику всю правду, но в дверь постучали. Пришло время следующей смены.

— Ты что, Света? — спросила удивленная Наталья Васильевна, глянув на Светино заплаканное лицо.

Силуянов не дал ответить. Он молча взял в одну руку Светину сумку, а в другую саму Свету, и вытащил обеих в коридор.

— Где нам лучше поговорить, Светлана Николаевна? У меня или у вас?

— Нет уж, не у вас, — вырвалось у Светы. Еще не хватало ехать в дом к чужому мужику!

— Хорошо, — кивнул Вадим Андреевич. — Но еще раз даю слово — задних мыслей у меня нет. Я просто хочу помочь.

Света настолько смутилась, что снова заплакала. Ну, почему она такая непутевая! Получается, она намекнула хорошему человеку, что тот собираются ее изнасиловать... это уже называется мания величия. Тридцатипятилетних измученных баб не заманивают на квартиру столь

изошренными способами с целью сексуальных домогательств... вот будь на ее месте красавица Лана, другое дело... и слезы полились рекой, хотя, абстрактно говоря, отсутствие у собеседника задних мыслей должно было безусловно радовать.

— Давайте машину поведу я, — предложил Силуянов. — Вам лучше не надо.

Зайдя в квартиру, он присвистнул и коротко прокомментировал:

— Шикарно.

— Мой муж — предприниматель, — объяснила Света.

— И при таких доходах вы работаете?

— А надо было оставить вас с головными болями! — злобно прошипела Света, у которой в печенках сидели подобные доводы. — Все вы одинаковые, все! Да, работаю, потому что дура, понятно? Ну, так катитесь к черту!

— Я... я не хотел вас обидеть, — испугался ее вспышки Вадим Андреевич. — Я просто удивился. Наоборот, то, что вы работаете, замечательно, я очень это уважаю. И мужа вашего уважаю, раз он с вами соглашается. Так что с ним случилось? Почему его обвиняют в убийстве?

Света задумалась. Состояние, в котором она готова была выдать нежданному визитеру всю правду без утайки, давно прошло, но желание переложить на кого-нибудь ответственность не исчезло, скорее усилилось. Выплеснуть свои эмоции, пожаловаться всласть. К тому же она не очень верила в способность женщин к логическому мышлению... в собственную способность — особенно. Иначе почему она второй день ломает себе голову без малейшего результата? А Силуянов мужчина, да еще умный на вид, вдруг он действительно в силах помочь? Но Света твердо обещала Мишке, что никому не расскажет про их последнюю встречу... обещала — значит, выполнит. Небольшие купюры, они, наверное, не повредят? Кстати, о купюрах... не было ни малейшего желания откровенничать о Мишкиной измене. Брошенная женщина всегда выглядит жалкой в глазах мужчины... еще не хватало!

Тщательно подбирая слова, Света произнесла:

— Мишка владеет фирмой вдвоем с Витькой Козыревым... это его бывший одноклассник. В среду... позавчера... Аня Лагунова, жена одного из заместителей, зашла к Витьке домой и нашла его мертвым... застреленным.

— У нее был ключ?

— Нет, дверь не была заперта. Аня позвонила мужу, Сергею Ивановичу, а тот вызвал милицию. Да, я забыла, Мишка у меня охотник. У него есть ружье, официально. А он отдал его на время Витьке.

— Тот тоже охотник?

— Нет, тот бабник.

Собеседник, не выдержав, засмеялся. Сперва Света опешила, затем поняла.

— Я не имела в виду, что Витька своих женщин отстреливал, — улыбнулась она, — он обижал их другими способами. А ружье... сама удивляюсь. Он его попросил, чтобы произвести впечатление на очередную пассию.

— А вы ее знаете, эту пассию?

— Нет. Ну, бывают, наверное, странные девицы.

— То есть... я так понимаю, Козырев застрелен из ружья вашего мужа?

— Да, — хлюпнув носом, признала Света. — А в кармане у него нашли Мишкин носовой платок. И милиция говорит, они пили виски.

— Кто?

— Мишка и Витька. Мишка очень любит виски, а Витька его почти не пьет, и гости его тоже. Он держал виски специально для Мишки.

— И бутылку обнаружили на столе?

— Нет, в баре, но с краю, и она была протерта. В милиции считают, Мишка стер отпечатки и убрал бутылку.

— А где было найдено ружье? — деловито осведомился Вадим Андреевич. От его нерешительности не осталось и следа.

— Там же, у Витьки.

— А я уж боялся, у вас дома, — с облегчением вздохнул собеседник. — Это было бы совсем...

Света почувствовала прилив гордости — именно она сообразила вернуть ружье на место.

— Скажите, Светлана Николаевна, а Козырев с вашим мужем... они что, ссорились?

— Почему вы так решили? — с подозрением уточнила Света. Действительно, откуда этому типу знать?

— Потому что иначе милиция не арестовала бы его так быстро. Значит, есть мотив.

Света кивнула.

— Да, ссорились. Витька хотел стать единоличным хозяином и собирал на Мишку компромат... как оказалось. Они нашли всякие бумаги у него в столе... то есть, милиция нашла. Вот и мотив.

— Вы знаете примерное время убийства? Где тогда находился ваш муж?

— Витька ушел с работы после шести, а Аня нашла тело часов в девять. Мишка это время... ну... ездил по городу на машине, смотрел кое-какие адреса. Алиби у него нет.

Рассказ и впрямь получился с купюрами, причем небольшими назвать их было трудно. Однако Силуянов вроде бы не привередничал.

— Значит, милиция представляет дело так, — начал он. — Ваш муж решил избавиться от шантажиста и конкурента, застрелив его... Сразу вопрос — есть подтверждения тому, что ружье находилось у Козырева, или это только слова Михаила... как его отчество?

— Петрович. Не знаю.

— А вы сами видели последнее время это ружье?

Света искренне попыталась вспомнить.

— Ох, Вадим Андреевич... Оно хранилось в шкафу... я туда очень редко заглядываю. У нас такая большая квартира, а убирает домработница.

— Значит, надо спросить у нее. У вас есть ее телефон?

— Да, — кивнула обрадованная Света. — Сейчас позвоню.

Что значит мужской ум! Ей самой такая простая вещь даже в голову не приходила. Сейчас Алевтина Петровна подтвердит Мишкины слова... подтвердит? Ну, а если опровергнет, да еще в присутствии этого настырного Силуянова? Не стоило при нем звонить, надо было притвориться, будто забыла номер. Вот что бывает, когда действуешь быстрее, чем думаешь.

Домработница, по счастью, оказалась дома и без колебаний заявила, что последнее время... не меньше недели... оружие отсутствовало. Света вздохнула с облегчением.

— Хорошо, — согласился с нею Вадим Андреевич. — Итак, милиция полагает, Михаил Петрович приехал к Козыреву, они беседовали, пили виски, потом поссорились на почве компрометирующих документов, Михаилу Петровичу попало на глаза любимое ружье, и он выстрелил. В любом случае, на предумышленное убийство это не тянет.

«Он действительно умный», — не без легкого опасения констатировала Света, а вслух сказала:

— Да. Якобы он убил в состоянии аффекта. Так все считают. Но он не убивал, честное слово! Он не стал бы мне врать в таком вопросе, ни за что!

— Значит, из этого и будем исходить. Отпечатки на ружье, надо полагать, стерты, правильно? И что же получается: Михаил Петрович убивает Козырева, в ужасе протирает своим носовым платком стаканы и ружье, а потом... кладет этот платок в карман убитого? Странно еще, что не свою визитку, так было бы еще вернее. Не понимаю, почему милиция не увидела здесь противоречия. Преступник обязательно унес бы собственный платок! Разве что Козырев погиб не сразу и успел...

— Он умер мгновенно, тут сомнений нет, — заверила Света. — Я тоже считаю, платок подсунили нарочно. И платок, и виски. Нарочно, чтобы подставить Мишку, правда? Хотя Дмитриев... это другой Мишкин заместитель, кроме Лагунова... Дмитриев говорит, если бы хотели подставить Мишку, виски стояло бы на столе, а не в баре.

— Если убийца дурак, тогда да, — пожал плечами Силуянов.

— Почему если дурак?

— Потому что отпечатков Михаила Петровича на виски не было, ведь так? Получается, он протер стаканы. А теперь представьте: у человека хватает соображения протереть за собой стаканы и не хватает — убрать их со стола. Разве не бред? Умный преступник провел бы такое простое рассуждение и убрал виски обратно в бар, но так, чтобы милиции легко было это обнаружить.

Сперва Света обрадовалась. Действительно, Алеша Дмитриев не прав: оставлять на столе виски без Мишкиных отпечатков преступнику было незачем, поэтому бутылку спрятали в шкаф.

Однако тут же огорошила мысль: бутылку-то спрятал не убийца, а она, Света, собственной рукой. Это ж надо так завратиться, чтобы заморочить голову даже себе самой! А убийца как раз вытаскивал на стол виски, причем дважды. Значит, он не был умным преступником, а был глупым. Неужели Анечка?

— Кто ведет это дело? — уточнил Силуянов. — Я бы поговорил с этим человеком.

— Капитан Родионов. У Лагунова наверняка есть его телефон. Но какой смысл с ним говорить, он все равно не поверит!

— Почему? — возразил собеседник. — Я уверен, в моих рассуждениях есть логика.

— Есть, — кивнула Света. — А кто вы по профессии?

— Инженер.

— Надо же! — удивилась она. — Я думала, их давно уже не бывает.

— И куда они, по-вашему, делись?

— Полагаю, вымерли с голоду. При социализме у меня было много знакомых инженеров, а теперь все они занимаются чем-нибудь другим.

— Мне повезло, у нас всегда было хорошо с заказами, так что с голоду пока не вымер. Решено, поговорю с Родионовым, постараюсь его убедить.

«Вот упрямый!» — подумала Света, вроде бы так ловко сумевшая перевести разговор на другую тему. Встреча Вадима Андреевича с Родионовым была чревата неприятностями. Капитан запросто восполнит некоторые купюры в Светином рассказе, Вадим Андреевич обидится, что Света не была с ним откровенна, и ничего не станет для нее делать. Поэтому она неохотно произнесла:

— Есть еще всякие моменты. Позавчера... в день убийства... мы с Мишкой поссорились. Я пришла с работы и застала его с... ее зовут Лана Горностаева, она у них менеджер. Очень красивая. Мы решили разойтись, хотя у нас дети... Машка и Ванька.

При этих именах больно защемило сердце. Не потому, что Света беспокоилась за детей — сейчас у бабушки им было неплохо, а в будущее она старалась не заглядывать. Просто она давно с ними не виделась и страшно скучала. Отправила к маме в среду, а сейчас уже пятница... погодите... всего два дня? А кажется, целую вечность! Правда, Света несколько раз им звонила, ловко выбирая время, когда мамы не было дома. А однажды, выбрав время неловко, поступила совсем нехорошо — услышав мамин голос, положила трубку. Что делать, если правду говорить не хочется, а врать нет сил?

— Вы решили разойтись, — медленно повторил Силуянов, вернув Свету к действительности.

— Да. Мишка с Ланой поехали в офис и объявили всем, что женятся... а Витька сказал, что Лана красивая кукла, и Мишка на него набросился. Все это видели.

Брови собеседника образовали смешной домик, словно у мультяшного персонажа.

— Так вы с мужем расстались? — снова уточнил он.

— Ну... да. Он поехал искать квартиру, чтобы жить там с Ланой... квартиры на нашел, а снял номер в гостинице. Я это и имела в виду, когда сказала, что он смотрел кое-какие адреса.

— Погодите! — прервал Силуянов. — Муж вам изменяет, и вы собираетесь развестись. Я правильно понял?

— Да.

— Но тогда... извините, я не очень понимаю... тогда почему вы его защищаете?

— Да потому, что он не убивал, балда! — стукнула по столу кулаком возмущенная Света и, выпустив таким образом пар, ехидно добавила: — По-вашему, каждый мужчина, предпочитающий жене молодую красавицу, — преступник?

Брови Вадима Андреевича по-прежнему стояли домиком.

— Вы чего-то не договариваете, — глянув Свете прямо в глаза, заявил он.

— Да, — кивнула она. Все равно мерзкий Родионов расскажет, так уж лучше самой. — Мишкину машину видели рядом с домом Козырева, а на ботинках обнаружены следы крови. И еще! Сперва Мишка с помощью Ланы решил создать себе фальшивое алиби... якобы они ездили вместе... но милиция сумела его разоблачить.

Соединенные вместе, эти факты произвели впечатление даже на саму Свету. Нет, ни один дурак не станет в подобной ситуации ей помогать! Осознав это, она с вызовом посмотрела на собеседника. Терять, похоже, было нечего.

— Да, — протянул тот, — вы правы. Капитана Родионова переубедить удастся вряд ли, не стоит даже пытаться.

Потом вдруг засмеялся и прокомментировал:

— Фантастика! Так вы уверены, что Михаил Петрович не при чем?

— Уверена, — заявила Света, про себя закончив: «С вероятностью пятьдесят процентов».

— А вы с ним виделись после... после ссоры?

«Он подозрительно умный», — в который раз подумала Света.

— Нет, не виделись. Он только звонил часов в шесть, предлагал не разводиться ради детей. Я отказалась.

— А после шести разве нет? Я ведь стремлюсь вам помочь, Светлана Николаевна!

— Спасибо, но мы действительно не виделись.

— Значит, он вам после шести звонил?

— Нет.

Врать, так уж до конца. Но кто бы мог подумать, что Силуянов такой упрямый? Заладил, словно попугай!

— Вы сказали: «Мой муж не убивал, он не стал бы мне врать в таком вопросе». Значит, вы говорили с ним после... после того, как было совершено преступление.

— Вовсе нет. Я просто имела в виду, что очень хорошо знаю, способен Мишка на убийство или нет.

— Ладно, — вздохнул Вадим Андреевич, — как вы говорите, так пускай и будет. Я вижу единственный вариант. Михаил Петрович был вечером у Козырева. Машина, кровь — против фактов не попрешь. Дверь была открыта, он зашел и увидел тело, а рядом свое ружье. Испугался... в конце концов, быть трусом — еще не преступление.

Света вздрогнула от унижения, но возражать не стала. Какие бы пробелы ни имелись в ее логическом мышлении, называть Мишкино поведение верхом смелости она бы не рискнула.

— Будучи слабовольным и не слишком рассудительным человеком, — с легким оттенком удовлетворения продолжил Силуянов, — Михаил Петрович решил пойти по наиболее безопасному, как ему казалось, пути. Он сбежал, испачкав в крови ботинок, и с помощью любовницы подстроил себе фальшивое алиби. Не потому, что виноват, а потому что боялся, что его обвинят. Оружие, мотив, присутствие на месте преступления — все сходилось одно к одному. А ведь он еще не знал про виски!

— Почему не знал? — удивилась Света.

— Потому что вряд ли заглядывал в бар. А заглянул бы, так переставил бы виски в глубину, чтобы бутылка не навела милицию на ненужные мысли.

Света прикусила язык. Действительно, Силуянова незачем информировать, что бутылка красовалась на столе, а Света ее неловко спрятала.

— Есть еще вопрос платка, — продолжил Вадим Андреевич. — Он точно принадлежит Михаилу Петровичу?

— По крайней мере, очень похож.

— Конечно, он мог потерять платок, которым стирал свои отпечатки, но вряд ли сунул бы его убитому в карман.

— Мишка уверяет, — вспомнила Света, — что дал Витьке платок, когда они поссорились в офисе. Ну, вытереть лицо. Только я не уверена, что это правда.

Точнее, она была уверена, что это неправда. Мишка действительно потерял платок в квартире Витьки, а преступник туда вернулся и спрятал улику в Витькин карман. Но не объяснишь же это Силуянову!

— А дамочка, которая обнаружила тело... Анна Лагунова... она не могла найти платок на полу и переложить его? Или ее муж... ведь милицию вызвал он? Видите ли, Светлана Николаевна... если предположить, что вашего мужа подставили, — а мы ведь решили так? — получается, это сделал кто-то из знакомых.

Света взбодрилась. Она давно хотела навести собеседника на подобную мысль, и вот он сообразил сам. Осталось изложить ему свои подозрения по поводу двух семейных пар, Лагуновых и Дмитриевых, и добавить загадочную Нину Усову, а там пускай думает. Он умный, ему это легко.

Вадим Андреевич выслушал очень внимательно, затем взглянул на часы.

— Ну, тянуть больше не стоит. Завтра суббота, а по субботам ваш «Интермаг» наверняка закрыт. Так какой адрес?

— Адрес? — удивилась Света. — Зачем?

— Поеду туда, — не меньше удивился собеседник. — Есть много вопросов, которые можно выяснить только там.

— Так они вам и ответят! Они все хотят засадить Мишку.

— Что-нибудь придумаю, — махнул рукой Силуянов. — Вечером позвоню и расскажу вам, что получилось.

Он моментально исчез, а Света осталась в легком недоумении. Вадим Андреевич оказался куда энергичнее, чем она полагала. Вместо того, чтобы помочь умным советом, он бросился действовать... хотя люди его типа семь раз отмерят, один отрежут. Интересно, что им движет? Неужели влюбился?

Света глянула в зеркало. Удивительное дело! Еще утром она выглядела, как страшилище, а сейчас была очень даже ничего, пожалуй, даже помолодела. Щеки пылают, глаза горят. Разумеется, до Моники Белуччи далеко, однако если мужчина не очень привередлив, то... Нет, разбивать хорошему человеку сердце незачем, но стимулировать его к деятельности при помощи небольшого увлечения — почему бы нет?

Приятные мысли вызвали трудовой энтузиазм. Силуянов собирается выпытывать тайны «Интермага», а она, Света, будет валять дурака? Не годится. Она пойдет своим путем — пообщается с Анечкой. Лагунов сейчас на работе, а без присмотра его жена наверняка наболтает лишнего.

На звонок Аня ответила не сразу, хотя с мобильником не расставалась, любя его, словно живое существо. Свету это не переставало удивлять. Спору нет, удобно иметь с собой телефон, но покупать ему разнообразные футлярчики, ежедневно их меняя, — явное излишество.

— Аня? Привет, это Света. Слушай, я хотела бы встретиться лично. У тебя есть сейчас время? Ты где?

— Сережа сказал, что нет, — после паузы сообщила Анечка.

— В каком смысле — нет? — опешила Света.

— Что времени нет и не могу встретиться лично. И чтобы не говорила тебе, где я. Извини!

И она отсоединилась. «Мне коза сейчас сказала, что у нас здесь места мало, — вспомнила Света детский стишок. — Не могу я спорить с ней, у нее рога длинней». В данном конкретном случае рога длинней были не у жены, а у мужа. Ну и фрукт этот Лагунов! Милый, доброжелательный, простодушный... а сам велел Ане скрыться от Светы. Значит, есть, чего бояться! Но она, Света, тоже не лыком шита. В трубке раздавалось странное буханье... кому-то странное, а ей хорошо знакомое. Это шлепается на мат груз, висящий на тренажере. Вспомнив Анечкины занятия в тренажерном зале, Света невольно улыбнулась. Оседлав тренажер, Анечка застывала в прострации, задумчиво глядя вдаль, потом медленно совершала одно движение и снова застывала. Можно догадаться, что особого эффекта подобная физкультура не давала.

Света не ошиблась. В зале находилось двое: Полина бодро тягала вверх-вниз какую-то штуку на железном стержне, а ее подруга флегматично вертела педали. Визит, как ни странно, Аню обрадовал. Хотя ничуть не странно — он дал повод покинуть ненавистный снаряд.

— Света, а вот скажи... как можно похудеть, только чтобы не заниматься спортом? Ну, и еще есть, сколько влезет.

— Это вряд ли, — засмеялась Света. — Либо одно, либо другое.

— Диета... — мрачно произнесла Аня. — Я тут полдня ела одни чипсы... и ничего не похудела.

— А будешь есть их полгода, разнесет, как на дрожжах. Чипсы страшно калорийные и к тому же вредные.

— Да? А я люблю, особенно с пивом. Так я же знаю, как похудеть без проблем! Ты вот врач... скажи, это правда, что пятнадцать минут секса по затрате калорий типа два часа утренней пробежки? Ну, и какой дурак станет тогда бегать, да еще утром? Ой, Светка... мне же Сережа не разрешил с тобой болтать!

— А ты ему не признавайся, — искушающе предложила Света.

— Полина донесет.

— Не донесу, а честно расскажу, — вмешалась Полина. — Я никогда не обманываю мужа.

— Своего или Аниного? — съязвила Света.

Почему-то этот примитивный удар заставил Полину измениться в лице. Между тем Аня, ничего не заметив, попросила:

— Правда, Полинка, ну, не говори ты Сереже! Он расстроится. Чего тебе стоит?

— Хорошо, не скажу.

Столь непривычная покладистость озадачивала. Что-то тут нечисто!

— Девочки, — решившись, обратилась Света. — Я ведь не хочу ничего плохого, просто хочу разобраться. Помогите мне!

— Может, дать в милиции взятку? — неуверенно посоветовала Аня. — Говорят, им очень мало платят. В конце концов, Миша почти не виноват. Витя, он иногда бывает страшно вредный. Пускай Мишу выпустят!

— А кого посадят? — осведомилась Полина. — Тебя?

— Почему меня? Кого-нибудь постороннего... или никого. Останется это... нераскрытое преступление. О них все время по телеку говорят, ничего особенного.

— Тем более, у тебя наверняка есть алиби, — хитро заметила Света. — Ты где была в среду вечером?

— Дома. Играла в компьютер, потом пришел Сережа, и мы сели ужинать.

— Во сколько?

— Без четверти семь.

Свете почудилось, что ответ дан с излишней бойкостью. Похоже, та же мысль посетила и Полину, изумленно вскинув брови и заявившую:

— Вот как? Сергей Иванович прямо из офиса прикатил домой, вы поужинали и провели вечер вместе, а без пяти девять ты поняла, что не сможешь заснуть без Мураками в постели?

— Ты чего? Зачем мне книга в постели? Я хотела ее как бы читать... ну, чтобы не быть дурочкой.

И тут Света вспомнила, почему фамилия модного писателя сразу ассоциировалась у нее с Витькой. Во-первых, несколько томиков этого автора она видела на журнальном столике совсем рядом с телом, а во-вторых, на праздновании четырехлетия «Интермага» Витька процитировал стишок «Вы не будьте дураками, почитайте Мураками», что вызвало гневную реакцию Мишки — мол, нечего считать себя самым умным. Скорее всего, Аня, явившаяся к Козыреву совершенно за другим, увидела смутно знакомую фамилию на обложке и, не утруждая себя раздумьями, выдала милиции соответствующую версию. И еще. Лагунов уверял, что Анечка выгуливала Белку, а сам он готовил ужин, а она говорит, ужин уже прошел без четверти семь.

— Так во сколько вы ужинали, Аня?

— Когда Сережа пришел с работы и разогрел. А без него я ела чипсы.

— Но почему Белку выгуливала ты, а не он?

Аничкина лень была достаточно хорошо известна, чтобы вопрос показался уместным.

— Сережа очень попросил, — глядя на собеседниц широко раскрытыми наивными глазами, объяснила Анечка. — Вот я и пошла. Белке было надо.

— Это тебе было надо, а не Белке, — сухо прокомментировала Полина. — Трахнуть с Витей надо, и нечего тут заливать. Ну?

— Ну... не то, чтобы надо, — пролепетала Анечка, всегда терявшаяся перед напором. — Но, раз все равно шла мимо, почему бы нет?

— Света, ты только послушай! — возмущению Полины не было предела. — Раз шла мимо, так чего бы ей мимоходом не трахнуть, пока собачка справляет нужду. То этот жиголо-массажист... добыюсь я, чтоб его отсюда выперли, здесь приличное заведение, а не публичный дом! А теперь, оказывается, еще и Козырев! Сережа на тебя не надышится, а ты... Да я бы лучше сдохла, чем изменила мужу.

— Я знаю, — покаянно кивнула Анечка. — Ты никогда и ни с кем. Но тебе незачем, ты и так худая, а мне чего делать?

И она заплакала.

До Светы постепенно стало доходить.

— Ты имеешь в виду, — выдавила она, — что занимаешься сексом для потери калорий? Так?

— Конечно, — согласилась Анечка, — ну, не для удовольствия же, правда? Вот вы почему обе такие худые? Наверняка поэтому. Полина, ты же сама мне показывала эту статью... у меня где-то до сих пор вырезка есть... что четверть часа секса лучше утренней пробежки.

— Да, но я не подозревала, что есть дуры, которые воспримут это как руководство к действию, — сквозь зубы процедила Полина. — Между прочим, у тебя для секса имеется муж.

— Он старый, и у него не всегда получается. Вам-то хорошо, у вас молодые!

— Только попробуй подкатиться к Леше — придушу! — в ярости заорала Полина.

— Нет, нет, — испуганно пообещала Аня. — Леша, он на меня даже не смотрит.

— А Мишка смотрит? — медленно произнесла Света.

— Мишка? Не думаю, что с него много толку, он же толстый.

Света, не выдержав, расхохоталась. Ситуация была столь нелепой, что воспринимать ее всерьез было трудновато.

— И давно ты с Витькой?

— Год, наверное. Я ведь сперва не знала, что секс такое полезное средство, а потом узнала. Я, между прочим, за это время полтора кило сбросила! Полина, мы же с тобой познакомились год назад? Вы как раз с Лешей расписались, а я с Сережей на год раньше...

— Да, — угрюмо кивнула Полина. — Только не надо песен, что во всем виновата я. Ну, хоть пристрелила-то Витю не ты? Только не врать!

— Я? Зачем мне?

— Стал трахаться с другой.

— Ну и что? — изумилась Анечка. — Он в этом деле очень сильный, его на нескольких хватит. Или ты считаешь, как бы не хватит?

— Ничего я не считаю, я вообще о таком не думаю. А если твой Сережа узнал бы, что тогда?

— Ой, — вскинулась Аня, — девочки, вы не говорите ему, а? Он расстроится, а он и так чего-то нервный. Чего его зря обижать?

— погоди, — прервала Света, — ты что, надеешься, Сергей Иванович может не знать о тебе и Витьке?

— Ну, конечно. Я чего, по-твоему, ему про это говорила? Я говорила, что зашла за книжкой. Я же не дурочка.

— А он — тем более, — раздраженно вставила Полина. — Ты считаешь, он поверил в твои сказки о любви к чтению? Я-то имела в виду совсем другое. Ты боялась, что Витя выдаст тебя мужу, вот и пристрелила любовничка. Ну?

— Нет, я не пристреливала, — решительно сообщила Анечка. — Зачем Вите меня выдавать? И вообще... пускай даже выдал бы... ну, расстроился бы Сережа, но не очень сильно, правда? Он не ревнивый.

Света почти физически ощущала, как в голове быстро вертятся шестеренки. Неужели Анечка притворяется? Значит, она гениальная актриса, что весьма сомнительно. А вот ее муж притворяется наверняка. Полина права, он не поверил бы сказке о визите к Витьке за умной книжкой. Не поверил, однако вслух, похоже, об этом не сказал. Или все-таки намекнул? Надо срочно расспросить Аню, пока она не вспомнила, что муж велел молчать.

— Значит, Аня, Сергей Иванович попросил тебя прогуляться с Белкой, и ты решила заглянуть к Витьке, так? Что дальше?

— Ну, обычно я звонила Вите на трубку, а тут было неохота. Раз все равно иду, зачем еще и звонить? Думала, пускай будет типа сюрприз. Прихожу, дверь приоткрыта. Я и вошла. Было темно, поэтому включила свет. Ну, чтоб светло стало. Я сразу поняла, что Витя мертвый, — не без гордости добавила Анечка. — Кровь кругом и вообще.

— Где он был?

— За столом. Как бы сидел, но головой лежал на столе, понимаете? Я испугалась и позвонила Сереже, и он очень быстро приехал, прямо за пять минут. Там ведь очень близко. Он приехал, и все стало хорошо. Он знает, что нужно делать... в милицию позвонил и все такое.

— Значит, Витька сидел, — повторила Света. Все правильно, а Мишка почему-то утверждал, будто тот лежал на полу. На полу же... что там было, кроме кровавой лужи? Ружье и деньги... точно, несколько сто долларовых купюр. — А на пол ты посмотрела?

— Конечно. Там ружье лежало, вот я и догадалась, что Витю застрелили.

- А кроме ружья?
- Кроме? Не помню. Ничего, по-моему.
- Точно? — удивилась Света.
- А на столе? — вмешалась Полина. — Что было на столе?
- Голова Вити, — безмятежно пояснила Анечка.
- И все? Ты не врешь?
- Нет. Чего это я буду врать?

Света с удивлением повернулась к Полине. Что за странные вопросы?

— Убил твой Миша, это точно, — прокомментировала та. — Кому, кроме него, могло прийти в голову спрятать бутылку виски? Я ведь понимаю, куда ты клонишь. Мол, убил кто-то другой, а Мишу решил подставить. Но преступник выставил бы виски на стол, а не убирал в бар.

— Глупый преступник — да, а умный наоборот, — гордо парировала Света и выложила соответствующие рассуждения Силуянова, разумеется, не открывая имени автора. Похоже, на Полину подействовало, она явно задумалась.

— Итак, приехал Сергей Иванович, — вернулась к теме Света. — Что он тебе сказал?

— Сказал, что кровь уже засохла, а я вышла из дому совсем недавно, а до этого мы были вместе, поэтому у нас алиби. Потом позвонил в милицию.

«Интересно, правомочно ли алиби такого рода? — мелькнуло у Светы. — Когда муж удостоверяет невиновность жены, а жена мужа. Тут ведь соврать ничего не стоит».

— И быстро они приехали?

— Нет, Сережа куда быстрее.

— И о чем вы говорили, пока были одни?

— Ни о чем. Он сидел вот так.

Анечка обхватила голову руками в столь выразительном жесте, что у Светы защемило сердце. Похоже, Лагунов был в отчаянии. Еще бы — неожиданно догадаться, что любимая жена изменяет тебе с известным бабником. Или... возможно, он узнал об этом раньше... узнал и убил, а отчаянье вызвано тем, что труп обнаружила именно Аня, которую он не хотел втягивать?

— Что было дальше?

— Приехали менты, стали фотографировать, и нас с Сережей выгнали на кухню. Потом они зашли к нам и спросили, почему это я пришла к Вите... ну, я же не могла при Сереже сказать правду? А эта смешная фамилия Мураками почему-то взяла и соскочила с языка... но мне кажется, я здорово придумала! Все сразу поверили и не удивились.

— Ну-ну, — хмыкнула Полина. — Менты еще ладно, они тебя не знают, а вот муж наверняка удивился... он что, так тебе ни на что и не намекнул?

— На что?

— Да на твои измены, дурочка!

— Так я же объясняю — я ему ничего не рассказала.

Полина лишь пожала плечами, а Света упрямо гнула свое.

— Значит, милиционер спросил, зачем ты пришла. Что он еще спросил?

— Не знаем ли мы, чье ружье. Ну, мы ответили, вроде Мишино. Я других ружей в жизни не видела, честно, только вот у Миши. Потом он спросил, хорошие ли были отношения у Миши с Витей. Сережа рассказал, что они поссорились.

— Редкостная честность! — съязвила Полина.

— Ну, да, — обрадовалась Анечка, — Сережа честный. Это я вечно вру, а он нет.

— Еще вам показали платок, — вздохнула Света.

— Да, их удивило, что у такого стильного парня, как Витя, такой платок. Сережа сказал, платок, наверное, Мишин.

Света все больше заводилась.

— А еще виски. Только не говори, что менты догадались заглянуть в бар без помощи твоего честного Сережи, не поверю!

— В бар? — наморщила лоб Анечка. — А, ну да. Сережа сказал, если бы здесь был Миша, они бы наверняка пили виски. Менты залезли в бар и удивились, что на бутылке никаких отпечатков пальцев.

— То есть с этой инициативой Лагунов вылез сам? — с яростью воскликнула Света.

— Ну, он же не думал, что Мише это навредит, — наивно заметила Аня. — Да не злись ты, все будет хорошо. Сережа говорит, большой срок не дадут, потому что типичный аффект, а Сережа, он очень умный.

— А ты устроила истерику не ему, а бедному Леше, — ледяным тоном обратилась к Свете Полина. — Да, Леша не хочет, чтобы «Интермаг» пошел ко дну, поэтому должен контролировать его дела — не вижу, чего тут плохого. А кляузничал, как ты догадываешься, вовсе не он. Он мнит себя обязанным твоему Мише и никогда бы ему не навредил. Хотя я считаю, чушь помнить про то, что было несколько лет назад. Вот Лагунов — его тоже устроил в «Интермаг» Миша, но он на этом не заикливается. Решил его засадить и засадит. И поделом. Твой Миша убийца, это очевидно.

— Да? Кстати, а где ты была в среду после шести? — тоже ледяным тоном осведомилась Света.

— Ты думаешь, если сумеешь вытащить муженька из тюрьмы, он в благодарность к тебе вернется? — парировала Полина. — Вот уж, самолюбия не на грош! Только он все равно останется с Ланой. Вспомни, сколько тебе лет.

— А ты вспомни, где была с шести до восьми!

— Дома, разумеется, в обществе любимого мужа. Мы вместе вернулись с работы и провели вечер в семейном кругу. Тебе, боюсь, этого не понять. Встречный вопрос: а где была ты?

— Где надо, там и была! — не задумываясь, ответила Света и покинула негостеприимное место. Впрочем, любое место, где присутствовала Полина, равно или поздно становилось для нее негостеприимным. В данном случае скорее следовало удивляться, что собеседница достаточно долго вела себя вежливо. Интересно, чем это вызвано? Чувствует за собой вину?

Действительно, алиби у обеих супружеских пар слабое, так что подозревать можно всех. Уже хорошо. Полина так горячо настаивает на своей верности мужу, что просто подмывает усомниться. Неужто у нее роман с Витькой? Правда, Анечка утверждает, что Полина никогда и ни с кем, а они дружат... если подобные отношения, конечно, называются дружбой. Хорошенькая дружба, учитывая, что Полина пыталась вырвать у Ани признание в убийстве. Она ведь прямо спрашивала: «Это ты его застрелила?» Но Анечка держалась твердо. Трудно представить, что она врала, однако кто ее разберет. Сумела же она утаить, что спала с Витькой. А Лагунов какой мерзавец! Взял и по собственной инициативе выдал милиции все Мишкины тайны. Совести у некоторых нет! Значит, убийца он. Проведал про измены жены, пристрелил соперника, а свалил на бедного Мишку. Ясно, почему он указал милиционерам на виски в шкафу — сам его туда спрятал.

В этот момент Света некстати вспомнила, что виски в шкаф поставила как раз она, и горестно вздохнула. После объяснений Вадима Андреевича очевидно, какую она совершила ошибку. Останься виски на столе, и можно было бы сказать: «Если б Мишка стер отпечатки, то он спрятал бы бутылку в бар. Где один поступок, там и другой. А вот посторонний, желающий бросить на него подозрение, вытащил бы виски и стаканы, но не сумел оставить нужные отпечатки пальцев и поэтому все протер бы». Но теперь уже ничего не изменишь. Хорошо, нашелся умный человек, который обещает помочь, и жаль, что нельзя посоветоваться с ним по некоторым важным вопросам. Например, куда делись доллары, валявшиеся у Витьки под столом? Ведь что получается: убийца один раз уже возвращался на место преступления, после Мишки, но до Светы. Он подсунил Витьке в карман платок и заново выставил на стол пресловутые стаканы. Что же, он вернулся вторично, уже перед самым появлением Анечки, дабы подобрать деньги? По логике Вадима Андреевича выходит, что речь изначально идет о глупом, а не умном убийце, но любой глупости есть предел. Или Аня просто не обратила на доллары внимания? Ну, не сама же она их взяла, ей незачем, Сергей Иванович на ней не экономит. Когда, наконец, позвонит Силуянов, чтобы хоть что-то прояснить? «Интермаг» уже закрыт, да и милиция, наверное, тоже. Вадиму Андреевичу давно пора освободиться.

Силуянов позвонил около десяти.

— Я в ресторане, — радостным, но таинственным шепотом известил он. — Она ненадолго вышла, и я звоню.

— В ресторане? — повторила ошарашенная Света. Вот почему голос показался ей странным! Никогда в жизни она не заподозрила бы в Силуянове алкоголика. Как обманчива бывает внешность!

— Скажите, — продолжил неверный соратник, — вы занимались когда-нибудь балетом?

Света ожидала много, но только не этого.

— Нет, — машинально ответила она.

— А гимнастикой? — настаивал собеседник.

— В детстве, — призналась Света, все еще не в силах осмыслить ситуацию. — Была кандидатом в мастера. А что?

— Это сразу видно... по осанке и посадке головы. Ладно, она идет!

В трубке слышались гудки. Света швырнула ее на рычаг и задумалась. Похоже, теперь до самой смерти все свои проблемы придется решать в одиночестве, не надеясь на чью-либо помощь. Вот понадеялась, и что? Полный облом. С другой стороны, а почему посторонний человек обязан забивать голову ее делами? А хотя бы потому, что обещал. Она всегда ценила в Мишке основательность и обязательность — качества, похоже, утраченные им за годы в бизнесе. Ну, а Силуянов, видимо, этими качествами и вовсе никогда не обладал. Так стоит ли о подобном типе жалеть? Не станет она жалеть, пускай и не надеется!

Утром она повторила себе те же слова: «Не стану жалеть, пускай и не надеется!» Но когда раздался звонок в дверь, почему-то сразу решила — это он.

Предчувствие ее не обмануло. За дверью стоял Силуянов, и вид его заставил Свету против воли рассмеяться. Вадим Андреевич был большой-большой, высокий-высокий, но сейчас он ссутулился и даже съежился, словно стремясь занимать как можно меньше места или лучше совсем исчезнуть. Представьте слона, желающего сжаться до размеров кошки, прибавьте к этому взгляд хорошо обученной собаки, которая неожиданно наделала лужу посередине квартиры. Света не в силах была удержаться от смеха!

— Ууу... я... то есть... это... мм... — медленно и мрачно сообщил Силуянов, отнюдь не поддерживая ее настроения.

— Заходите, — пригласила она. — Чувствую, речь будет длинной и содержательной.

— Я вчера выпил, — выдал наконец собеседник.

— Я, представьте, догадалась. И часто это с вами происходит?

— Почти никогда, — горячо заверил тот. — Просто мне надо было разговорить эту девушку... Нину Усову... я не мог пить меньше, чем она, а ей коньяк, как вода. Очень крепкий организм.

— Сказывается тренировка, — пояснила Света. — Они в этом «Интермаге» вечно пьют.

— Светлана Николаевна, я, кажется, вчера нес какую-то чушь?

— Да нет, не успели. Сообщили, что находитесь в ресторане, я подумала, с женой.

— Моя бывшая жена давно замужем за другим, и я не алкоголик, — серьезно ответил Силуянов.

Оба факта Свету порадовали, и ни в одном она не усомнилась — сомневаться было не в ее характере. Вадим Андреевич, похоже, понял это и окончательно пришел в себя.

— Был я вчера в «Интермаге», — доложил он. — Сказал, что хочу с ними сотрудничать... поставлять клиентов из другого города. Меня сразу отправили к Дмитриеву, он сейчас за главного. Деловой мужик, мне он понравился.

— Значит, за главного, — нахмурилась Света. — Ну-ну.

— Да. И ему это очень по вкусу... и по способностям. Короче, он на своем месте. Инициативный, рассудительный руководитель.

— А Мишка говорил, основной его недостаток — безынициативность. Мол, поручения выполняет прекрасно, а сам что-то предложить не решается.

— Сейчас это не так.

— Дорвался, — осуждающе прокомментировала Света.

— Он выглядит очень счастливым, — неохотно добавил Силуянов. — Просто сияет.

— Ответьте мне честно, как мужчина, — обратилась Света, помолчав.

— Что? — несколько испугался ее собеседник.

— Человек способен убить ради того, чтобы стать главным? То есть не человек, а мужчина... то есть... ну, вы понимаете! Мне-то кажется, что нет, но я женщина. А мужчина может?

— Полагаю, да, но, естественно, не каждый. Вы говорите, у Дмитриева жена мегера?

— Наверное, сам он ее мегерой не считает, — рассудительно предположила Света. — Но, честное слово, она его вечно пилит!

— То есть на работе ему требуется компенсация за унижения, переживаемые дома. Хотя, кстати, я видел вчера, как он обращается с подчиненными. Ни малейшего намека на командный тон, все спокойно и деловито. Хороший мужик, и я надеюсь, он не убийца, хотя алиби у него считай нет.

— О, — оживилась Света, — это интересно. Так где он был, по его словам?

— Дома, с женой.

— По ее словам, тоже. Я вчера с ними виделась — и с Полиной, и с Аней. А как это вы решились спросить Алешу про алиби, раз выдавали себя за постороннего? Неужели он ни с того ни с сего рассказал вам об убийстве? Это на него не похоже.

— Конечно, рассказал не он. Я сперва обратился к секретарше, подарил конфеты... мол, прежде, чем заключать контракт, хочу выяснить, что и как. Написано, что фирма принадлежит Кузнецову и Козыреву, так с кем из них мне лучше поговорить и что они за люди. Девочка разговорчивая, все мне выложила. Мол, Кузнецов убил Козырева и сидит сейчас в тюрьме. Я бы такую секретаршу держать не стал.

— Почему? — не поняла Света. — Ира очень милая.

— Будь я и впрямь потенциальным поставщиком клиентов, как бы я среагировал на то, что один компаньон убит, а другой в тюрьме? Повернулся бы и ушел, разумеется. Длинные ноги у секретарши — это прекрасно, но к ним хотелось бы немного мозгов и желания отстаивать интересы фирмы.

Света изумленно подняла глаза. Какое ему дело до интересов «Интермага»?

— Я у себя руковожу отделом, — смущенно разъяснил Силуянов. — Моей секретарше сорок шесть, а не двадцать, зато она никогда не... Ладно, это неважно. Короче, Ирочка выложила мне свою версию... точнее, общую версию «Интермага». Естественно, после этого я обратился к Дмитриеву с просьбой обрисовать ситуацию. Мол, не могу заключить контракт, если у вас в фирме такая нестабильность. Он ответил, что на деятельности фирмы события скажутся скорее положительно, хотя чисто по-человечески все потрясены. Что Кузнецов последнее время был явно не в себе и совершил преступление в состоянии аффекта. Что жена Кузнецова доверила вести дела ему, Дмитриеву, мать Козырева тоже, поэтому наконец будет единоначалие, отсутствие которого мешало достигнуть истинного процветания. Зато теперь ожидаются грандиозные успехи.

— Я не доверяла ему вести дела! — прервала Света.

— Знаю. А вот мать Козырева действительно доверила, я сегодня у нее был. Так что Дмитриев лишь частично вкручивал мне мозги, причем делал это очень профессионально, а я уважаю профессионалов. Не задумываясь, подписал бы с ним контракт, даже несмотря на нынешнее положение «Интермага». Но, к сожалению, был один прокол.

— Какой?

— Рассказывая об этих событиях, Дмитриев без наводящих вопросов дважды повторил: «Мы с женой весь вечер среды провели дома вдвоем». Сомневаюсь, что это правда.

— То есть убил он? — уточнила Света, сама не понимавшая, рада или огорчена.

— Это еще не факт, однако вероятность есть. Я подумаю над тем, как можно проверить алиби Дмитриевых. В милиции этого наверняка не делали: они сразу обнаружили убийцу и не стали копать дальше. Это что касается Дмитриева. Теперь о Лагунове. Он тоже отменный специалист, этого не отнимешь. Я завел с ним речь об убийстве, и он, как и Дмитриев, поспешил сообщить, что провел вечер среды с женой. Правда, с его стороны это заявление выглядело вполне естественно.

— Почему? Чем он отличается от Дмитриева?

— Тем, что его жена обнаружила тело, а он вызвал милицию. То есть они волей-неволей оказались в глазах окружающих связаны с этим преступлением, поэтому хотят всех убедить, что это случайность и они ни в чем не виноваты. А вот Дмитриеву вроде бы незачем оправдываться. Алиби Лагуновых я тоже попытаюсь проверить... хотя шансы невелики... даже если кто-нибудь из них выходил из дому до девяти, их вряд ли заметили. Но одно про Лагунова скажу точно. Насколько Дмитриев счастлив, настолько он несчастен. Несчастен, издерган... комок нервов.

— Так ему и надо! — злорадно воскликнула Света. — Я вам про него такое сейчас скажу! Он сам, добровольно наговорил милиции на Мишку! И про платок, и про ссору, и про виски! Мне Аня рассказала, как все было!

— Ну, — осторожно возразил Силуянов, — это называется не «наговорил», а скорее «выдал». Он ведь не врал, правильно?

— Вы его еще и защищаете? — возмутилась Света.

— Просто пытаюсь получить объективную картину. Вполне возможно, Лагунов относится к крайне законопослушному типу людей и считает своим долгом говорить милиции правду. Ведь это действительно долг, не так ли? Другой вопрос, что при выборе между моралью и правом многие предпочитают мораль... особенно женщины.

«Все-таки он удивительно умный», — подумала Света, успокаиваясь.

— А он выбрал право, — продолжил Вадим Андреевич. — Но не уверен, что поступил порядочно, и терзается. Однако не исключено, что терзается совсем по другой причине — из-за угрызений совести. Но есть ли у Лагунова мотив для убийства?

— Ревность! — вскричала разгоряченная Света. Ей было страшно интересно. — Аня спала с Витькой, это точно.

— Откуда вы знаете?

— Сегодня узнала. Надавила на Аню, и она призналась.

— Любопытно. Да, ревность — серьезный мотив... как для мужчины, так и для женщины.

— Брошенная Витькой Нина Усова... вы были с нею в ресторане, — тут же вспомнила Света.

— Да. Я сказал Дмитриеву, что хочу посмотреть, как работает «Интермаг», и завел с Ниной беседу. Пригласил вечером в ресторан, она согласилась. Конечно, я пытался обсуждать с нею убийство, но, вы ведь понимаете... не скажешь же девушке: «Это вы застрелили своего любовника Козырева?» Приходилось искать обходные пути. Нина нервничает, однако ничего определенного о ней утверждать не могу. Она неглупая, симпатичная. Любит выпить... или, возможно, снимает таким образом напряженность последних дней. О Козыреве говорит крайне неохотно... повторяет то, что и остальные. О Михаиле Петровиче отзывается хорошо, о вас тоже.

— А что она говорит о Лане? — вдруг вырвалось у Светы. — Вы сами ее видели... Лану?

— Да, — медленно произнес Силуянов. — Красивая девушка. Она сейчас очень страдает, это заметно, но... красивая, очень красивая. И она бы не пошла со мною в ресторан.

— Вы ее тоже звали? — Свете стало больно.

— Нет. Не обязательно делать женщине определенные предложения, чтобы понять, что она их отвергнет. Кстати, у нее ведь тоже нет алиби. Раз Михаил Петрович искал квартиру один, то и она находилась в одиночестве.

— Вы страшно умный, — не выдержала Света. Ее давно подмывало это сообщить, она и так долго крепилась. — Мне даже в голову не приходило. Думаете, убила она?

— Я искал для нее мотив, — улыбнулся на «страшно умного» Вадим Андреевич. — Работа? Вряд ли. Ревность? Никаких намеков на то, что ее что-то связывает с Козыревым... скорее наоборот. Она всегда принимала сторону Михаила Петровича и на этой почве имела с Козыревым конфликты. Ну, не застрелила же она Козырева за то, что тот назвал ее красивой куклой?

— Вряд ли, — горько вздохнула Света. — Вы совершенно правы.

— Нина Усова относится к Лане неплохо — еще один знак того, что они не делили одного мужчину. Большинство женщин ревнивы... думаю, Нина не исключение. Если у Козырева появилась любовница на стороне, Нину не стоит исключать из числа подозреваемых. Кстати, в среду она решила прогуляться и отправилась домой пешком. Одна. Это довольно далеко, и пришла она почти в девять. Они живут вдвоем с матерью.

— Но Нина действительно была любовницей Козырева?

— Светлана Николаевна, ну, откуда мне знать?

— Простите, — устыдилась Света. — Я что-то совсем распоясалась. Знаете, есть французская поговорка... протяни женщине палец, и она вытащит скелет. Это точно.

— Я могу сделать попытку, — задумчиво пробормотал Силуянов. — Приглашу ее куда-нибудь сегодня вечером, скажу, что Ирочка рассказала про ее связь с Козыревым, и посмотрю, как Нина прореагирует. Так или иначе она должна выдать свои чувства.

— Она вам понравилась... Нина? — тихо спросила Света.

— Нет, что вы, — почти с ужасом откrestился собеседник, однако тут же поправился: — То есть в чем-то понравилась, но совсем не в том смысле... просто показалась неплохим человеком.

— А если неплохим, — так же тихо продолжила Света, — зачем ее так обидно обижать? Не надо.

— Не понял, — растерялся Силуянов. — Если она не убивала, ее никто не обидит.

— Она ведь решила, что понравилась вам, да? Раз вы пригласили в ресторан. Это всегда приятно... музыка, внимание. Ну, за один раз она, наверное, не влюбилась слишком сильно... особенно если недавно любила Витьку. Но если вы сегодня устроите ей сцену ревности... а ведь получится именно так... то вы совсем ее обнадежите. Она влюбится в вас, и вам уже нельзя будет ее бросить. Вы ведь понимаете это?

Брови собеседника снова встали домиком, как накануне, когда он узнал о Светиной ссоре с мужем.

— Да вы посмотрите на меня! — с изумлением воскликнул он. — Вы что, действительно считаете, что за пару встреч в меня можно влюбиться? Девушка с удовольствием погуляла за счет богатого дурака и погуляет еще... я же не ваш Козырев, чтобы терять из-за меня голову!

— Мне лучше знать, из-за чего теряют голову девушки, — весело парировала Света, настроение которой резко улучшилось. — Если вы не собираетесь всерьез ухаживать за Ниной, то вам не надо с нею встречаться. Лучше ее расспрошу я.

— Хорошо, — с некоторым недоумением согласился Вадим Андреевич. — Тогда давайте я в а с поведу вечером в ресторан.

— Самое то, — иронически заметила Света. — Муж на нарах, а жена в ресторане.

— Ну, тогда хотя бы просто прогуляемся. Вам нельзя сидеть в четырех стенах, надо хоть иногда отвлекаться.

Честно говоря, Свете самой страшно хотелось отвлечься, она не привыкла долго и напряженно думать на одну и ту же тему... и в ресторан хотелось, невзирая на горести мужа... но ресторан представлялся совсем уж неприличным, а погулять... прогулка — дело безобидное. Гуляют даже дети.

Они расстались до вечера, а вечером славно побродили по городу. Оба оказались неумолимыми ходоками. Вернулась домой Света в прекрасном настроении и, попрощавшись со своим спутником, бодро побежала к подъезду.

— Света! — окликнули ее из машины, припаркованной во дворе.

Она обернулась. Алеша, распахнув дверцу автомобиля, помогал выбраться жене. Следом появились Сергей Иванович с Аней.

Радости как не бывало. Света мрачно ожидала, пока к ней подойдут.

— Домой-то пригласишь? — весело осведомился Дмитриев. — Не здесь же беседовать.

— Приглашу.

Они поднялись в квартиру.

— Ну, у тебя и бардак, — прокомментировала Полина. — Я б на твоём месте сгорела со стыда.

— А Свете на её месте все равно, — улыбнулся ей муж. — Все люди разные.

Света потрясенно уставилась на супругов. Алеша возразил Полине, и та в ответ не стерла его в порошок? Чудны дела Твои, Господи.

— Как у тебя здорово, Светка, — ахнула Анечка. — Я вот тоже покупаю красивые вещи, все время покупаю, но почему-то... ну, в магазине они красивые, а дома самые обыкновенные. Почему?

— Нужно обладать вкусом, Аня, а не тащить в дом все подряд, как сорока в гнездо.

Теперь Света потрясенно уставилась на других супругов. Сергей Иванович огрызнулся на Анечку! Анечку, похоже, это тоже поразило.

— Сорока? — растерянно повторила она. — Но я же стараюсь как лучше, честное слово!

— Прости, — вздохнул Лагунов, — случайно вырвалось. Покупай, что хочешь, ты это здорово делаешь.

— Правда? — воспрянула Анечка. — Я стараюсь. Хочешь, я буду советоваться со Светой? Мне у нее нравится. Уютно так, как в сказке.

— Интересно, кто в сказках вытирает пыль? — осведомилась Полина, демонстрируя обществу испачканный палец.

Пыли и впрямь было достаточно. Домработницу Света отпустила, а самой заняться уборкой почему-то не приходило в голову.

— Не думаю, что на данный момент это самый интересный вопрос, — засмеялся Дмитриев. — Сергей Иванович, снимаю перед вами шляпу! Я бы в жизни не заподозрил, что вчерашнего посетителя послала Света. Он вел себя так компетентно — хоть сегодня же заключай контракт.

Свете стало приятно, что Силуянов такой компетентный, но неприятно, что его разоблачили.

— Я никого не посылала, — возразила она.

— Ну, конечно, — съязвила Полина. — Просто, оставшись без мужа, ты решила подцепить себе кавалера, и это совершенно случайно оказался именно тот, который приходил вчера в «Интермаг». Я лично наблюдала, как он нежно жал тебе на прощанье руку. Вот тебе и верная жена! Мы не слепые, и не надейся.

— Света, — доброжелательно обратился Алеша, — не стоит отрицать очевидное. Сергей Иванович — а у него редкое чутье на людей — еще вчера заподозрил, что этого Силуянова на самом деле интересовал не бизнес, а убийство. Могло быть два варианта — милиция и ты. Ну, кому еще это было важно? Милиция сразу казалась маловероятной... не того ранга дело, чтобы посылать замаскированных агентов. Значит, ты. Мы приехали поговорить, тебя нет... а через некоторое время вы подходите вместе. Меня не интересует характер ваших взаимоотношений, но их наличие очевидно.

— А по-моему, — вмешалась Анечка, — Света правильно сделала, что подцепила этого парня. Вы что, забыли, Миша же ушел к Лане? Не оставаться же ей одной.

— Аня, помолчи, — нервно прервал жену Лагунов. — Света, мне понятно ваше желание защитить Михаила Петровича. Мы тоже хотели бы его защитить, но уж никак не садиться вместо него. Брать на себя чужую вину... это как-то слишком. Мы делаем все возможное и даже больше. Сегодня суббота, выходной день, но адвокат продолжает работать... не будем даже говорить про то, в какую сумму это обходится фирме. Мы все действуем согласованно, одна вы вбиваете клин... и это может очень плохо сказаться на результате.

— Вам плевать на Мишку! — возмущенно заявила Света. — Вы заботитесь о себе, а не о нем.

— Света, — ласково прикоснулся к Светиному рукаву Алеша, — ты несправедлива к Сергею Ивановичу. Скажу честно, девяносто процентов усилий по выгораживанию Миши принадлежит ему и не больше десяти процентов — мне. Именно он тянет на себе дело.

— Конечно — ведь он его и создал! — вскипела Света, теряя над собой контроль. — Он убил Витьку, потом наболтал милиции про Мишку, а теперь, видите ли, его защищает! Совесть, что ли, проснулась?

— Светочка, — изумился Дмитриев, — ну, опомнись! Зачем Сергею Ивановичу убивать Витю? Что они не поделили?

Воцарилось молчание. Светина покойная бабушка говорила в подобных случаях: «Ангел пролетел». Света знала, что именно не поделили Лагунов и Козырев, точнее, кого. Но она обещала Анечке, что не выдаст, и теперь судорожно глотала ртом воздух, дабы не проговориться. Пускай проболтается Полина, чего ей стоит!

Та безмолствовала, лишь ехидно улыбалась.

— Вот видишь, — успокаивающе продолжил Алеша, — тебе нечего сказать. Дело движется, адвокат работает. Все будет хорошо.

— Свету так и тянет на больших мужчин, — обрела голос Полина, — видимо, по закону контраста. Я вообще не понимаю, зачем женщины заводят любовников, но вдвойне — зачем нужен любовник, как две капли воды похожий на собственного мужа?

— Но муж же от нее ушел, — напомнила Аня. — Вот она и выбрала вместо него другого такого же, раз ей такие нравятся.

— Муж ушел от нее в среду, а сейчас суббота. Ты всерьез полагаешь, она так быстро нашла замену? В ее возрасте, с нее внешностью...

— Света — молодая и очень привлекательная женщина, — решительным жестом остановил жену Дмитриев. — А ее личная жизнь — это ее личное дело. Зато она до конца отстаивает интересы мужа... это главное.

— Да? — спросила Полина тихим незнакомым голосом. — Ты думаешь, Леша, это главное... интересы, а не... а не...

— Я говорю не о себе, — тоже незнакомым голосом ответил Алеша, легко тронув прядь ее волос. — Ты знаешь, что для меня главное.

Света почувствовала, как краснеет, словно подсмотрела нечто интимное, не предназначенное для посторонних глаз. Хотя ничего особенного не произошло... самые обычные фразы... но что-то в интонациях, в мимике заставило защемить сердце. И в этот миг она вдруг заметила лицо Лагунова, искаженное непереносимой болью. Такое лицо может быть у выдержанного человека, которому без наркоза вскрывают нарыв.

— Простите! — вырвалось у нее. — Я делаю, что делаю, потому что... Я не знаю, почему. Я хочу, как лучше, и вы хотите, как лучше. Может, у кого и выйдет. Поставьте себя на мое место!

— Вы всегда были очень порядочным человеком, — со вздохом произнес Лагунов. — Пойдемте, ребята. Свете надо отдохнуть.

Они удалились, однако отдыха не получилось. В дверь позвонили. «Силуянов», — подумала Света. Она ошиблась — на пороге стояла Нина Усова.

— Проходите, Нина. Хотите кофе?

— Нет, спасибо. Вас, конечно, удивляет мой визит, Светлана Николаевна.

— Лучше Света.

Света исподволь разглядывала возможную любовницу и убийцу Витьки. Миленькая, но совершенно невыразительная блондиночка. «Блондинка» здесь не подходит, это слово ассоциируется с роскошным и ярким типажем, а тут светло-серые волосы, подвитые и распущенные по плечам, немного пористая кожа, мелкие почти правильные черты. Все неплохо, только нет той самой изюминки, которая делает женщину единственной и неповторимой. Витьке подобная на любовница на один зуб... надкусил и бросил. Ему подавай то, на что каждый оглянется.

— Я пришла, потому что... скажите, Света... вы действительно считаете, что Витю... Виктора Анатольевича... убил не Михаил Петрович?

— Да, — удивившись, кивнула Света. — Но в «Интермаге» со мной не согласны.

— Я знаю. Я тоже сперва не сомневалась, что это сделал он... Михаил Петрович... все говорили, и я верила... думала, это все доказано, как дважды два. Я очень переживала за это...

— Из-за Вити? — не удержавшись, спросила Света.

Нина резко глянула собеседнице в лицо, затем произнесла:

— Из-за Михаила Петровича тоже. Он очень хороший человек... добрый человек.

Света невольно заулыбалась. Несмотря ни на что, было приятно услышать, что Мишка добрый.

— Я вижу, вам кто-то уже разболтал, — со вздохом продолжила Нина, превратно трактував причину улыбки. — Ну, это ни для кого не секрет. Я так за Витей бегала, что не видел только слепой. Совсем съехала с катушек... стыдно вспоминать. Надо мной потешался весь «Интермаг». Я и сама понимала, что Витю мне не вернуть. Попалась ему случайно на глаза... за неимением лучшего... ничем особенным не отличилась, только полюбила его сильно... но его многие любили. Зачем я ему? А все равно надеялась... когда он поймет, что я люблю его так сильно, что мне плевать на все, — на все, понимаете, я все готова была стерпеть! — когда он это поймет, то не сможет не полюбить в ответ. А он смог.

— Никогда не понимала, что находят в нем женщины, — сочувственно заметила Света. — Но его действительно многие любили.

— Он похож на восточного принца из сказки, — вскинулась Нина. — У него такая улыбка... даже не знаю, как ее описать! Обаятельная. Самая обаятельная на свете. И глаза... глубокие и черные, как южная ночь. И ямочки на щеках, помните? А кожа гладкая, как у женщины, и на лице, и на теле, на гибком, сладострастном теле... только на груди густые нежные волосы, не жесткие, как у других, а прямо шелковые...

Свету стало слегка подташнивать. Нежный и шелковый мужчина... какая гадость! Точнее, мужчина должен быть нежным, но не снаружи, а внутри. А с Витькой все наоборот. С виду красавчик, а внутри безжалостный и равнодушный.

— Но я сумела его разлюбить, — подробно описав еще кое-какие детали, закончила Нина. — Все перегорело дотла.

Света позволила себе не поверить, что не помешало ей кивнуть. Губы Нины дрогнули в слабой улыбке.

— Михаил Петрович — единственный, кто жалел меня. Никогда не смеялся, а наоборот. Он пытался убедить меня, образумить... по-доброму, по-человечески... я тогда не понимала,

насколько он прав, и грубила в ответ, но он не обижался. Он говорил, что не первый раз все это видит и понимает, как мне плохо. Если бы не он, я бы, наверное, умерла. Когда никто тебя не поддерживает, никто, то не хочется жить. Михаил Петрович спас меня, и я навсегда ему благодарна.

— Спасибо вам.

— За что? — удивилась Нина. — Знаете, когда я услышала, что Михаил Петрович застрелил Витю, я не могла понять, счастлива я или несчастна. Я сама хотела его убить... мечтала об этом... стояла под его окнами и мечтала. Получалось, Михаил Петрович мне помог... убил вместо меня. И в то же время мысль, что Вити больше нет, разрывала мне сердце. Одно точно — я не хочу, чтобы Михаил Петрович пострадал невинно. Вы думаете, это сделал не он?

— Думаю.

— Я теперь тоже стала так думать.

— Теперь? — уточнила Света. — Почему?

— Да, в общем-то, чушь, — махнула рукой собеседница. — К нам вчера приходил один... ну, вроде клиента. Хотел сотрудничать. Такой, знаете, богатый бабник, — она брезгливо поморщилась.

«Ничего себе! — подумала Света. — Витька ей, понимаете ли, не бабник, а Силуянов бабник. Бывают же глупые женщины!»

— И что клиент? — поторопила она.

— Позвал меня в ресторан. Если человеку некуда девать деньги, я не возражаю. Но дело не в этом. Ему в офисе наболтали про убийство, ну, он и стал интересоваться — почему то да почему это. Люди любят сплетни. И вот он спрашивает, я отвечаю, и вдруг словно взглянула на все это его глазами... со стороны. Не так, как все в «Интермаге», а непредвзято. И поняла — ведь ничего же не доказано! Михаил Петрович не признался в убийстве, а мотив... мотив был не только у него. Меня эта мысль всю ночь мучила. Есть вещи, про которые вы не знаете... знаю только я. И я решила к вам прийти. Ради Михаила Петровича. Вдруг это ему поможет!

— Спасибо. Расскажите мне, пожалуйста.

— Когда Витя меня бросил, — через силу проговорила Нина, — я караулила его везде, где могла. Даже во дворе его дома. Пряталась под деревьями и караулила. Я знала, что у него есть другая женщина. Он сам мне сказал.

— Да?

— Он, когда хотел, мог очень сильно обидеть. Я думаю, его скорее убила женщина, чем мужчина. Если он с кем-нибудь обошелся, как со мной... я не могу даже повторить, что он мне сказал... ну, про меня и про другую... сравнивал, какая я и какая она и как он по-разному к нам относится. Ее любит без памяти, а меня презирает. Я его ненавидела, как никого в жизни, а он нарочно улыбался! Если бы у меня в тот момент было ружье, я бы точно его убила.

— Это все? — с легким разочарованием уточнила Света.

— Нет, не все. Я видела, кто заходил в его подъезд. Это Полина и Аня.

— Вместе? — пролепетала опешившая Света.

— Поочередно, — злобно ответила Нина. — Иногда одна, иногда другая. Но у Вити бывали обе. Аня реже и меньше, а Полина чаще и дольше.

— Полина... Полина — любовница Витьки? Трудно поверить.

— Тем не менее это правда. Она так кичится своей верностью мужу, в пору выдать медаль из гинекологического кабинета «Единственная на свете верная жена!» А сама, стоит мужу задержаться на работе, шлялась к Вите. А теперь предположим, она узнала, что Витя изменяет ей с Аней, что именно Аня та самая, от которой он без ума. Она бы запросто его убила, она же мегера!

— Мегера, — подтвердила Света, но тут же осеклась, вспомнив тихий, немного хриплый, вибрирующий незнакомый голос Полины, произносящий: «Ты думаешь, Леша, это главное... интересы, а не... а не...» И Алешин ответ: «Я говорю не о себе. Ты знаешь, что для меня главное». В тот момент ей почудилось, будто эти двое по-настоящему любят друг друга... любят взаимно и страстно. Но это ошибка. Полина изменяла мужу с Витькой.

— А в день убийства? — встrepенулась Света. — В этот день Полина к нему приходила?

— К сожалению, в среду я уже там не была. Я сумела перебороть себя и не пошла под Витины окна, а пошла домой. Но Полина — Витина любовница, я знаю это совершенно точно! Как вы думаете, ради чего она вечно заявлялась в «Интермаг»? Навестить мужа? Как бы не так! Договориться о встрече с любовником. Вы не представляете себе, Света, что это за гнусная, жестокая, отвратительная женщина! Я сперва не понимала, за что она меня так ненавидит. Потом поняла — когда узнала. Она ревновала... хоть ненадолго, но Витя принадлежал мне, и она не могла мне этого простить. А когда он меня бросил... никто в «Интермаге» не издевался надо мной так, как она... она хохотала мне в лицо, она...

Нина не могла больше говорить, задыхаясь от рыданий. Вообще-то лучший способ прервать истерику — дать пощечину, однако на это Света не решилась, предпочтя сбегать на кухню за водой. Понемногу Нина успокоилась, но была очень слаба. Света предложила отвезти ее домой, та охотно согласилась.

Вернувшись, Света позвонила Силуянову и доложила ему последние новости. Ей страшно хотелось перед кем-то отчитаться... а точнее — свалить на кого-нибудь ответственность. Вадим Андреевич для этого прекрасно сгодился, он внимательно выслушал, задавая иногда уместные вопросы. На сердце полегчало достаточно, чтобы Света легла спать и молниеносно заснула.

Нежданный посетитель явился, когда она завершала завтрак.

— Доброе утро, Светлана Николаевна, — мрачно произнес капитан Родионов.

— Здравствуйте, Андрей Васильевич. Хотите есть?

— Я давно позавтракал.

— А я, если получается, встаю поздно.

— Если получается, я тоже, — еще более мрачно ответил тот.

— Ох, — догадалась смущенная Света, — вам приходится работать в воскресенье? Мне вчера Сергей Иванович об этом говорил, но я как-то не сообразила. Так вам, наверное, дадут отгулы?

— Речь не обо мне, Светлана Николаевна, — вздохнул Андрей Васильевич. — Вы хотите сказать, что ничего не понимаете? Вы хотите сказать, что ничуть не задумываетесь, с чего это мы отпустили вашего мужа, да еще в выходной день?

— Куда отпустили? — изумилась Света.

— Ну, куда... на свободу, куда еще можно отпустить? Вам лучше знать, где он сейчас.

Очнулась Света на диване. Испуганный донельзя Родионов судорожно обмахивал ее газетой.

— Пп... простите, Светлана Николаевна. Этот гад что, даже вам не позвонил? Его освободили три часа назад.

— Это неправда, — тихо сказала Света, поднимаясь. — Он не мог так поступить со мной. Что угодно, но так поступить он не мог. Вы обманываете меня... нарочно, чтобы заставить что-нибудь выдать. Я вам не верю.

Капитан молча протянул мобильник. Света набрала номер.

— Да, слушаю, — послышался знакомый голос. — Это кто?

— Ты где? — спросила Света.

— А, это ты? Заинтересовалась моей судьбой? Спешу тебя расстроить — я на свободе. Впрочем, мое присутствие никогда не мешало тебе развлекаться... и мое отсутствие, оказывается, тоже. Слава богу, теперь мне до этого дела нет.

— Мишенька, — донесся голос Ланы, — не надо так. Я же говорила, Света беспокоилась о тебе. Тебе лучше мясо или курицу?

Телефон выпал из Светиных рук, Андрей Васильевич поспешно его подобрал.

— Уйдите, — потребовала она. — Уйдите быстрее! Я не хочу никого видеть.

Она не знала, что намерена делать, но была уверена, что Родионов этому помешает.

— Да я вообще здесь незаконно, — признался вдруг капитан. — Совершаю должностное преступление. Светлана Николаевна, я ведь сделал УЗИ.

Света встrepенулась. Точно, у парня нелады с щитовидкой.

— И как? — Полученный удар вверх ее в состояние шока, но профессионализм оказался сильнее. Прием ведешь вне зависимости от того, что у тебя на душе.

— Сказали, родился в рубашке. В смысле, повезло, что решил сделать УЗИ. Обычно к врачу обращаются только, когда опухоль заметна визуально, а к этому времени происходят некоторые необратимые изменения организма. А я обратился на самой ранней стадии, когда, кроме УЗИ,

ничем диагностировать невозможно. Это врач так сказала — невозможно. Вы-то диагностировали! Короче, прописали лечение... говорят, пройдет бесследно, только надо наблюдаться.

Света улыбнулась собеседнику с той нежностью, почти любовью, которую часто испытывала к успешно излеченным пациентам. Андрей Васильевич, вздрогнув, смущенно опустил глаза. Лишь тут Света вспомнила, что произошло, и сжала руками запульсировавшие виски.

— Слушайте меня внимательно, — решительно обратился Родионов. — Михаил Петрович был в среду на квартире у Козырева. Это доказано, и он сам теперь этого не отрицает. Но ситуация изменилась. Теперь это вовсе не означает, что он виновен. Он не единственный подозреваемый, ясно?

— Кто еще? — машинально уточнила Света. По большому счету, ей было безразлично, Полина, Анечка или Нина. Предательство Мишки заслонило все.

— Выслушайте меня до конца, Светлана Николаевна, а потом уже говорите. В среду на квартире Козырева были вы. Там полно ваших отпечатков... погодите, не надо спорить! Вы хотите сказать, что были там д о среды. Ваши отпечатки перекрывают другие... они оставлены последними. К тому же сосед Козырева вас опознал. Вы были там в среду, это бессмысленно отрицать. Время он точно определить не может, но помнит, что вечером. Дальше. В четверг вы отдали помыть свою машину. Мастер очень удивился, машина была еще совсем чистой. Получается, вы боялись, что мы устроим экспертизу и обнаружим следы крови. И, наконец, главное. Вы были любовницей Козырева.

— Нет! — очнулась Света. — Нет.

— Поверьте, Светлана Николаевна, я хочу вам только добра. Я не должен вам все это говорить... не имею права. Но говорю. Отрицать бессмысленно. Козырев вел нечто вроде дневника.

Света вскочила, судорожно пометалась по комнате туда обратно. Мысли разбегались.

— Погодите... у него что, в дневнике написано: «Света Кузнецова — моя любовница»?

— Ну, не совсем. Он вел записи... гм... половых актов. Активный был товарищ! И последние три недели там фигурирует «С». Он всех обозначает инициалами. Вы знаете «С» среди его знакомых?

— Может, он нежно называл свою пассию «сусликом»? — зло предположила Света. — Почему обязательно я?

— К сожалению, имеются определенные соображения. Но хорошо, есть еще надежда. Светлана Николаевна, вы разрешите заглянуть в нижний ящик вон того стола?

— Заглядывайте, — кивнула Света. — Только я не веду дневника.

Родионов приоткрыл ящик, порылся в нем и тяжело вздохнул.

— Что там? — против воли заинтересовалась Света. Она подошла, взглянула. Записка.

— Не трогайте! — остановил ее капитан. — Лучше я.

Он достал из кармана нечто вроде пинцета и осторожно вытащил записку.

— Чей почерк?

— Витьки, — пролепетала Света. Записка была короткой, она уже успела ее прочесть. «Любимый Светик! Целую тебя сверху донизу, ни кусочка не пропустив. Сегодня ничего не выйдет, он целый день на месте. Надеюсь на завтра. Твой В.»

На Свету нахлынула легкая тошнота, какую она испытывала вчера, когда Нина описывала интимные подробности Витькиного сложения. В записке был он весь, то сочетание внешней сентиментальности и внутреннего прагматизма, которое особенно ей претило.

— Это не мне, — объяснила Родионову она. — Честное слово!

— Тогда как оно попало к вам?

— Не знаю.

— Я, конечно, могу отдать на экспертизу, но почти уверен, что это рука Козырева. Вряд ли кто из фигурантов сумеет так ловко подделать почерк. И тогда... Даже если предположить, что записку вам подкинули, важно то, что Козырев ее вам когда-то написал.

— Подкинули?

— У вас тут кто-нибудь был вчера?

— Да. Дмитриевы и Лагуновы.

«И Силуянов», — подумала Света.

— Вы же понимаете, Светлана Николаевна, я не просто так полез именно в этот ящик. Сегодня был анонимный звонок. Говорили измененным голосом, мужчина или женщина, не разберешь. Мол, доказательство у Кузнецовой в нижнем ящике стола. У вас есть враги?

— Не знаю.

Свету охватило безразличие. Она поняла, что все равно ничего уже не поправишь. Ничего.

— Но даже если записка подкинута, чтобы вас подставить, вряд ли Козырев мог написать ее с этой целью. Он писал ее живой и невредимый. Трудно предположить, что он согласился умереть ради того, чтобы столь странным способом засадить вас в тюрьму.

— В тюрьму, — покорно повторила Света.

— А вы что думали? — заорал Родионов. — Думаете, надо мною нет начальства? Ладно, сегодня выходной, сегодня я протяну. Завтра утром тоже протяну... притворюсь идиотом. А потом? Даже если я порву сейчас к чертям эту записку, останется дневник. «Сегодня в семь трахал С., а в девять А. С. влюблена, как кошка, пора поставить ее на место». Какие тут, по-вашему, можно сделать выводы? Вас с Козыревым связывали невинные платонические отношения? На бумагах Козырева полно ваших отпечатков. Что еще вы могли искать у него в столе? Но вам не повезло. Дневник был не в столе, а спрятан среди книг. Между прочим, его видел этот скользкий тип, адвокат вашего муженька. Вцепился в него, как клещ! Если бы не он, мы б вообще не стали рыться в бумагах Козырева, да и отпечатки в его квартире изучать не стали бы. Этот Краузе, он свое дело знает. Хотите услышать его версию? Очень разумную, между прочим.

Света молчала.

— Да вы слушайте, слушайте, — раздраженно потребовал капитан, — от этого зависит ваша свобода. Он полагает так. В среду вечером вы отправились к Козыреву, надеясь, что, раз вы разводитесь с мужем, он теперь на вас женится. Тот отказался. В качестве замужней любовницы вы его еще устраивали, но никак не в качестве жены. С присущей ему откровенностью Козырев донес до вас эту мысль, а вы... ваша вспыльчивость всем известна. Подвернулось под руку ружье, вот вы и выстрелили. Но отвечать за содеянное не хотелось, и вы решили спихнуть вину на мужа, а заодно отомстить тому за роман с Ланой. Протерли бутылку виски и два стакана и поставили в бар с краю, чтобы при случае навести на мысль, что из них пили. Потом позвонили мужу и попросили приехать к Козыреву, сообщив, что случайно зашли в квартиру и обнаружили труп. Несмотря на ссору, муж примчался к вам на помощь. Вам это было нужно, чтобы в квартире остались следы его пребывания. Пока его не было, перерыли всю квартиру в поисках дневника. Михаил Петрович, приехав, хотел вызвать милицию, но вы ему не дали. Вы были так напуганы, что он пожалел вас и отвез домой... тем более, он поверил, будто убийство совершили не вы. Вы вырвали у него обещание никому не рассказывать, что вы были на месте преступления. Даже когда подозрение пало на него, он нес всякую чушь и все отрицал, лишь бы не навести тень на вас и не нарушить святого мужского слова. Такой уж он благородный рыцарь, готовый пострадать ради матери своих детей. Аж слеза прошибает, особенно когда Краузе подпускает дрожи в голос. Однако тут не только эмоции, тут есть и логика. Что скажете?

— Это неправда, — словно заклинание, прошептала Света. Ни на что другое не хватило сил.

— А что правда? — возмутился Родионов. — Ну, что? Случись все на день раньше, я бы отстаивал следующую версию. Михаил Петрович узнал об измене любимой жены и пристрелил Козырева из ревности, а теперь сваливает вину на вас — тоже из ревности. Однако роман с Ланой Горностаевой это опровергает. Кузнецов ясно всем объявил, что женится на ней, а вас бросает... ну, о какой ревности по отношению к вам может идти речь? Этот номер не пройдет, ясно?

— Погодите! — встrepенулась Света. — Вы говорите... Мишка что, он действительно... он говорит, что его вызвала к Витьке я? Что я, именно я нашла тело?

— П о к а он этого не говорит, по крайней мере, нам, — скривился капитан, — он же благородный рыцарь. Однако ведет себя так, что несомненно — он может покрывать только вас. Или отказывается отвечать, или врет так нелепо, что выводы напрашиваются сами. Но погодите, теперь Краузе с Горностаевой станут обрабатывать его в четыре руки, и он сделает все, чтобы себя обезопасить... а вас, соответственно, посадить. Светлана Николаевна... забудьте на минуту, кто я такой... и я забуду. Это вы убили Козырева?

— Я его не убивала, и я не была его любовницей, — с тихим изумлением произнесла Света.

— Вот этого я и боюсь! — вскипел Родионов. — Вы будете врать, отрицая очевидное, и вам не поверят в главном. Ну, зачем так упорствовать? Нет ничего криминального в том, что вы изменяли мужу. В конце концов, он вам тоже изменял.

— А я нет, — все с тем же изумлением сказала Света.

— Ну, вот что! — яростно зашипел капитан. — У вас есть сутки, чтобы собраться с мыслями. Я предупредил вас обо всех подводных камнях этого дела. Ну, зачем вы хранили эту чертову записку? Так любили этого красавчика? Ладно, держите! Считайте, что я ее не находил.

Он швырнул Свете записку и быстрыми шагами удалился, хлопнув дверью. Света записку не поднимала, ей было не до того. Она чувствовала, что сейчас умрет. Мишку выпустили на свободу, и он даже не позвонил... не сказал два слова, чтобы она перестала волноваться и мучиться... это было настолько страшно, что перспектива попасть в тюрьму как-то меркла... какая тюрьма, если она умрет гораздо раньше, умрет от разбитого сердца. Она думала, это бывает лишь в романах, но сердце билось так быстро и неровно, словно с ним и впрямь были нелады... оно заполнило грудную клетку и грозило вырваться наружу... вот когда оно вырвется, Света умрет... а что будет с Машкой и Ванькой? Их воспитает мама, ну, не Лана же? Но мама и сама не переживет этого, ей нельзя волноваться. Свете тоже нельзя волноваться, и умирать нельзя, это неправильно — умирать, надо жить, но жить невозможно... невозможно жить после всего, что случилось... может, станет легче, если что-нибудь разбить? Нет, это не то, это сейчас не спасет.

И вдруг Света поняла, что должна сделать, чтобы ей стало легче. Надо изменить мужу, немедленно! Подобная мысль пришла ей в голову впервые за долгие годы супружеской жизни, зато вспыхнула с невиданной силой. Мишка считает ее неверной женой... «мое присутствие никогда не мешало тебе развлекаться, и мое отсутствие тоже» — разве не об этом? Родионов, который хорошо к ней относится, считает ее неверной женой. Даже Витькин дневник подтверждает, что она неверная жена, даже записка в ее собственном столе. Так пускай это станет правдой, будет не так обидно!

Света с сожалением констатировала, что длинной скамейки запасных у нее нет. Существуют на свете женщины, которых мужчины безуспешно добиваются в течение многих лет, готовые прибежать по первому зову... Света к ним не относилась. В голову лезла лишь одна фамилия — Силуянов. Ну, спасибо и на том!

— Вадим Андреевич, — горячо прошептала она в трубку, — приезжайте ко мне немедленно. Пожалуйста!

— Что случилось?

— Вы приедете?

— Еду.

Света заметалась по квартире. Господи, ну, кто же так поступает! К визиту потенциального любовника надо было подготовиться заблаговременно... купить новое белье с кружевами или еще что-нибудь в этом роде... Мишка не обращал на подобную чушь внимания, а вдруг Силуянову это важно? Но бежать в магазин поздно, Вадим Андреевич уже выехал. Ладно, тогда что-нибудь посексуальнее сверху... Обтягивающее черное платье? Нет, он решит, что это траур по мужу, и испугается. Брюки и топ, чтобы продемонстрировать голый живот? Нет, все-таки брюки — мужская одежда, соблазнять удобнее женщину в юбке, не надо возиться с застежками. Черт, юбка с разрезом мятая, а гладить некогда... Нельзя встречать любовника неопрятной. О боже, а макияж! Она совсем забыла про макияж! Да еще все падает из рук, разлетаясь по квартире.

В результате звонок раздался, когда Света в ужасе обзревала кучу тряпья, вываленную из шкафа прямо на пол, и собственную ладонь, которую умудрилась густо испачкать тушью для ресниц. Силуянов трезвонил так настойчиво, что у Светы совсем сдали нервы, и она бросилась открывать, накинув на себя первый попавшийся халат.

«В конце концов, сам не красавец, — в отчаянии подумала она. — Может, он не станет привередничать?»

— Что случилось? — не поздоровавшись, спросил гость.

— Садитесь, — пригласила Света на диван и сама уселась рядом. Потом подвинулась ближе и обольстительно, призывно улыбнулась.

— Где болит? — в ужасе воскликнул Силуянов, хватая ее за руку. — Сердце? Скорую или что? Что я должен сделать?

Света прижалась головой к его груди и разрыдалась. «Я самая несчастная на свете, — горько думала она. — Я даже не умею соблазнить мужчину. Лучше бы мне умереть».

— Ну, ну, Светочка, — нежно повторял он. — Я здесь, я помогу тебе. Что случилось?

— Мишку выпустили, а он даже мне не позвонил, — провыла Света. — А меня хотят посадить в тюрьму.

— Тебя? Почему тебя?

Света, не переставая плакать, указала рукой на ковер, где валялась пресловутая записка. Пока Силуянов читал, Света наблюдала, как меняется его лицо. Оно стало жестким и чужим.

— Ясно, — произнес он. — Где они это нашли?

— У меня в столе.

— Ясно, — повторил он.

— Ничего вам не ясно! — в последнем отчаянии закричала Света. — Это неправда! Я никогда не была любовницей Витьки, никогда! Он никогда не посылал мне записок! Я не знаю, откуда взялась эта записка! Я не знаю, почему он писал в дневнике, будто спал со мной! Не знаю, не знаю, не знаю! Только это все неправда! Мне никто не верит, но я-то знаю, что это неправда! Мне ведь лучше знать, чем кому-нибудь другому?

— Ну, конечно, тебе знать лучше, — неожиданно улыбнулся Вадим Андреевич. — Раз ты говоришь, что нет, значит, так тому и быть.

— Это вы утешаете, а не верите, — с осуждением произнесла Света, понемногу переставая всхлипывать. — Мне такого не надо.

— Так ты не спала с Козыревым?

— Нет.

— И не убивала его?

— Нет.

— Я очень рад. А теперь расскажи мне всю правду.

— Узнаете, не обрадуютесь, — мрачно предупредила Света. — Я вам все время врал. Я была у Витьки в день убийства.

— Да я знаю, — спокойно кивнул Силуянов.

— Откуда?

— Вообще-то я сразу подозревал, что ты мне врешь... по крайней мере, в том, что не встречалась в тот вечер с мужем. Ведь встречалась?

— Да. Он заезжал домой.

— Ну, вот. А вчера днем я расспрашивал соседей Козырева... надеялся, они видели Лагунову, Дмитриеву или Усову. Но мне не повезло. Я встретил человека, который видел тебя. Изящная женщина с осанкой балерины — это ты, тут не перепутаешь.

— Почему ты не сказал мне сразу? — подозрительно спросила Света. — Мы же гуляли вечером... должен был сказать.

— А зачем? Раз ты молчишь, значит, не доверяешь.

— Я доверяю, — вздрогнула Света, которой в голову не приходило учиться на ошибках. — Просто я обещала никому не говорить, а теперь все тебе расскажу, как на духу.

И она рассказала.

— Я считаю, Мишка освободил меня от моего обещания, — закончила она. — Он даже не позвонил мне, когда его выпустили... а когда я ему позвонила, разговаривал со мною, как с врагом. Он считает, раньше я изменяла ему с Витькой, а теперь с тобой. Я так верила ему, а он не верит мне! Мне очень плохо, Вадим.

— И... и что ты решила? — неуверенно поинтересовался собеседник.

И тут Света вспомнила. Она как-то запятовала о своем недавнем решении, а ведь остались еще шансы его осуществить. Первая попытка не удалась... похоже, Силуянов очень робок... значит, надо действовать самой. Она взяла его руку и, чуть помедлив в размышлении, положила себе на голую шею. Мишка говорил, шея очень его возбуждает.

Брови Вадима встали домиком, а через секунду он вскочил и даже отпрянул на несколько шагов. Он смотрел на Свету, тяжело дыша и крепко сжимая одной рукой другую. Света вдруг расхохоталась.

— Смешно? — почему-то с обидой спросил он.

— Я вспомнила старый анекдот, — объяснила Света. — Приходит жена к лейтенанту и говорит: «Любимый, я изменила тебе с капитаном». К капитану тоже приходит жена и говорит: «Я изменила тебе с майором». И так далее. Жена полковника изменила с генералом, а жена генерала приходит к нему и говорит: «Пыталась изменить, все отказались». Никогда не думала, что сама доживу до такого момента. Ладно, забудь. Я прекрасно понимаю, что давно уже не самая красивая и молодая.

— Может быть, я идиот, — мрачно заметил Вадим. — Просто мне кажется, если я... если я сделаю сейчас это, ты мне никогда потом не простишь. В какой-то фантастике я читал про обычай... впад в отчаянье, мужчины и женщины шли и случайным образом выбирали себе партнеров, чтобы утешиться. Но тогда в дальнейшем ни при каких обстоятельствах эта пара не могла жить вместе. Ты сейчас в отчаянье. Я так не хочу. Но ты должна знать... — он помялся, — ты очень красивая и молодая, а этот халат — вообще черт знает что! Его нельзя носить при мужчинах, в нем совсем нет пуговиц.

— Это такой фасон, — сообщила Света, старательно запахивая халат. Ей совершенно расхотелось умирать. Изменять мужу, впрочем, тоже расхотелось, поскольку она твердо осознала, что больше не замужем. Хотелось разобраться, что же произошло, и, конечно же, не сесть в тюрьму.

— Какое счастье, что я, наконец, все тебе рассказала! — облегченно воскликнула она. — Есть куча вещей, которых я совершенно не понимаю. А ты мне теперь объяснишь.

— Хотелось бы, — без особой уверенности кивнул Силуянов. — Времени у нас всего сутки... и то потому, что твой капитан оказался благодарным человеком. Давай попытаемся осмыслить ситуацию.

— Давай.

— Прежде всего... ты по-прежнему веришь в невиновность Михаила Петровича? Если честно.

— Ох, не знаю. Я, наверное, беспросветная дура. Он меня обманывает, а я все удивляюсь и удивляюсь, хотя давно пора бы привыкнуть. Мне не верится, что он приехал ко мне, убив Витьку, а я ничего не заметила.

— Ясно. Скажи, а ты давно заглядывала в письменный стол?

— В стол? А, записка, — сообразила Света. — Я вообще-то ненаблюдательная, могла заглянуть и не обратить внимания.

— Нашлась ненаблюдательная! — засмеялся Вадим. — В поликлинике говорят: «Светлана Николаевна видит насквозь».

— Ну, работа — это совсем другое. Короче, я не знаю, когда появилась эта записка, но ведь раньше Витькиной смерти подкладывать ее не имело смысла?

— Пожалуй.

— Неужели ты думаешь, Мишка увидел у Витьки записку, схватил ее и привез домой, чтобы в дальнейшем обвинить меня в убийстве?

— Не знаю. Вопрос еще в том, что этой записке делать у Козырева. Она написана по случаю и должна быть сразу передана адресату. «Сегодня ничего не выйдет, он целый день на месте. Надеюсь на завтра». Такое глупо хранить у себя. Не успел передать? Возможно, записка написана непосредственно в среду? Вообще-то, Света — распространенное имя. В «Интермаге» есть Светы?

— Точно нет, — вспомнила Света. — Мы как-то раз это обсуждали.

— Значит, та самая любовница со стороны, ради которой Козырев позаимствовал у Михаила Петровича ружье. Предположим, ее зовут Света... случаются же совпадения. Об этой даме идет речь в дневнике, не отправленная записка к ней лежала у Козырева на столе. У этой версии есть большой недостаток.

— Какой?

— Родионов тебе симпатизирует. Неужели ты думаешь, он наобум заявил, что среди фигурантов дела нет больше Свет? Он наверняка тщательно проверил контакты Козырева.

— Да, но замужние женщины не афишируют свои связи.

— Если ее не нашел Родионов, вряд ли найдем мы, у нас возможностей куда меньше. Надо исходить из того, что рядом. Очевидно, что записку тебе подложил кто-то из тех, кто был здесь со среды. Перечисли, никого не пропуская.

— Мишка, Лана, Дмитриевы, Лагуновы и Усова, — отрапортовала Света.

— Полный комплект. Дмитриевы и Лагуновы приходили вместе... по логике вещей, вероятнее, что это сделал кто-то из них. Ты отвлеклась на кого-то одного, а другой подложил записку. При Лане или Нине ты отвлекалась?

— При Нине точно. Она стала плакать, я оставила ее в комнате и побежала за водой. При Лане... не помню. Это было так давно!

— В четверг, а сегодня воскресенье, — улыбнулся Вадим. — Но я тебя понимаю, слишком много всего произошло. Тогда посмотрим на дело иначе. Кто из них пришел не по необходимости, а под надуманным предлогом, а на деле с целью подложить записку?

— Лана пришла, чтобы посоветоваться, как спасти Мишку. Она его любит, и предлог не кажется мне надуманным. Лагуновы и Дмитриевы... они пришли, потому что ты был у них накануне, а потом они увидели нас с тобой вместе.

— Э, нет, — прервал Силуянов. — Не путай причину и следствие. Они увидели нас с тобой вместе, потому что пришли, а вовсе не наоборот. А свой приход они мотивировали тем, что хотят в очередной раз обсудить с тобой ситуацию. Если это не надуманный предлог, тогда что? То, что они застали нас вдвоем — случайность, но наводит на одну интересную мысль.

— Какую? — жадно осведомилась Света.

— Твой бывший муж, — слово «бывший» Вадим произнес легко и незаметно, — съязвил, что его отсутствие не мешает тебе развлекаться. Ты много развлекалась в последние дни?

— А то сам не знаешь!

— Вот именно. Под развлечениями он мог подразумевать только встречи со мной. Кто о них знал? Дмитриевы и Лагуновы точно, Горностаева и Усова вряд ли. Кто-то успел известить Михаила Петровича о наших встречах. Когда? Его выпустили всего несколько часов назад, а в тюрьму к нему пускали только адвоката. Кстати, с адвокатом мне надо будет обязательно побеседовать.

— Я... я теперь не могу просто взять и спросить у Мишки, кто ему наклеял записку, — подумав, сообщила Света. — Он не станет отвечать.

— Догадываюсь. Не мешало бы выяснить, кто говорил с ним сразу после освобождения.

— Лана. Они были вместе, я слышала по телефону.

— Мотив? В «Интермаге» Горностаева и Козырев принадлежат к противоположным группировкам, но мотивом для убийства это не назовешь. Горностаеву я бы пока держал в резерве. Что же касается Усовой... она приходила к тебе не просто так, а сообщить, что Лагунова и Дмитриева были любовницами Козырева. Половина этого сообщения безусловная правда... вторая половина наверняка тоже.

— Почему наверняка?

— Во-первых, Полина Дмитриева слишком подчеркивает собственную верность, а во-вторых... даже в твоём пересказе я почувствовал, как она злилась на Аню Лагунову, когда та описывала свои интимные отношения с Козыревым. Ты, например, восприняла это совершенно спокойно, а она нет. Почему?

— Потому что спала с ним Полина, а не я! — обрадовалась Света. — Так ты из-за этого мне поверил?

— Я просто поверил, — на секунду сменил тон Силуянов, но быстро вернулся к деловитости: — Получается, Усова пришла, чтобы действительно сообщить нечто важное, а не ради записки. Хотя...

— Что хотя?

Вадим нахмурился.

— Предположим, убила она. Ей ясно, что если она окажется единственной любовницей Козырева, подозрение автоматически может пасть на нее. Поэтому спокойнее довести до сведения общественности, что у Козырева имеются другие любовницы, а заодно подсунуть записку. Эта записка не дает мне покоя! Зачем она вообще нужна? Зачем нужен анонимный звонок в милицию? Мне кажется, если мы в этом разберемся, то поймем все.

— Ну, как же? — удивилась Света. — Записка сваливает на меня вину. Показывает, что убийца я, а не кто-то другой.

— Представь себе, что ее нет. Кстати, для следствия это действительно так — Родионов тебе ее подарил. И что? Он полагает, ты все равно остаешься главной подозреваемой. Есть ведь дневник Козырева, так зачем дополнительно рисковать, подбрасывая записку? Причем обрати

внимание — в милицию о ней сообщили лишь тогда, когда Михаила Петровича выпустили на свободу. Преступник перепугался. Он (или, скорее, она) знает, что при более тщательном расследовании может всплыть нечто, указывающее на него, причем дневник Козырева тут не помеха. Значит, надо сделать так, чтобы следствие твердо и бесповоротно остановилось на тебе. И он это сделал. Дневник мог описывать кого угодно, а записка обращена к тебе и найдена именно в твоём столе. Даже Родионов ей поверил, хотя дневник его до конца не убедил. Кстати, тебе нравится обращение «Светик»?

— Терпеть не могу, — искренне призналась Света. — Витька иногда меня так называл, но я просила этого не делать. Другое дело — «Светочка».

— Тогда к кому обращен этот «Светик»? Может, прозвище? Светлые волосы? Усова?

— Еще Анечка Лагунова, а вот Полина с Ланой чаще всего темненькие.

— Что значит — чаще всего? — подозрительно осведомился Вадим.

Света улыбнулась.

— Ты, надеюсь, в курсе, что некоторые женщины красят волосы? Интересно иногда появиться совсем в другом виде. Но брюнетками Полине и Лане идет больше, у них такой тип.

Вадим вздохнул.

— Я понимаю Родионова. Концы с концами никак не сходятся. Предположим, записка — фикция. Козырев написал ее специально, чтобы рассорить тебя с бывшим мужем.

— Ну, это уже полный бред.

— Почему? Ты ему отказала? Отказала. Он к этому не привык и затаил страшную злобу.

— Опомнись, Вадик, какая злоба? Он же не всерьез ко мне приставал, а так... случайно.

— Почему ты думаешь, что не всерьез?

— Я, конечно, самая красивая и молодая, — засмеялась Света, — но боюсь, лишь в твоих комплиментах.

Силуянов пожал плечами.

— К сожалению, это все равно ничего не даст. Козырев мог строить коварные планы, однако собственная смерть в них наверняка не входила. Убийца уговорил его написать компрометирующую тебя записку, а затем пристрелил? Нет, ведь Козырев не дурак, он бы все понял. Но если записка не является фиктивной, почему она не отослана? Или... или она все-таки отослана?

— Если отослана, то как оказалась у Витьки?

— Она там не оказалась. Она была отослана убийце... женщине, которую зовут твоим именем... или которую Козырев прозвал твоим именем. Возможно, ему доставляло некоторое удовольствие называть любовницу именем женщины, ему отказавшей. Вот она-то... влюбленная, как кошка, С., которую, судя по дневнику, он решил поставить на место... она застрелила его и, воспользовавшись сходством имен, подложила тебе собственную записку. Вариант бредовый, но более разумного я не вижу.

— Так ты думаешь, Светик — это не та, в которую он был безумно влюблен? — уточнила Света.

— Безумно влюблен? — хмыкнул Вадим. — Ну-ну. Сомневаюсь, что для него это вообще возможно.

— Я тоже считала, что невозможно, — кивнула Света, — но ведь Нина Усова слышала своими ушами! Витька сказал ей, что терпеть ее не может, поскольку безумно влюблен в другую. Нина считает, что это Аня... вернее, она считает, что так считает Полина.

— Света, не стоит верить всему, что тебе говорят, — мягко произнес собеседник, — будь это Усова или Козырев. Она могла наврать для каких-то своих целей, а он тем более. Ты ведь знаешь Козырева много лет. Похоже, он безумно влюблен в свой успех у женщин, а не в них самих. Захотел отвадить Нину — вот и наплел ей о страстной любви к другой. Аналогично он поступил с загадочной С. — по его собственному выражению, поставил на место. Это наводит на мысль, что Нина и С. могут оказаться одним лицом.

— Так его убила Нина?

Силуянов вцепился руками себе в волосы, отчего они нелепо встали дыбом.

— Если записка обращена к Нине, то к кому относится «Сегодня ничего не выйдет, он целый день на месте»? Наводит на мысль о муже. Ладно, здесь, боюсь, я ничего пока не придумаю, меня

заклинило. Конечно, Лагунова светленькая, ее можно называть Светиком, и у нее есть муж, но, судя по всему, она не додумалась бы подсунуть свою записку тебе.

— Она — нет, а вот Сергей Иванович... — мстительно заметила Света. — Он умный.

— Ты имеешь в виду, убила она, а подставил тебя он? Определенная логика здесь есть. Сперва он всеми силами наводил подозрения на Михаила Петровича, а теперь понял, что это бессмысленно, и перешел на тебя. Думаешь, он бы простил жене измену?

— Конечно. То, что он знает про измену, — несомненный факт. Кто угодно мог поверить Анечке, что она заявила к Витьке за книгой, только не он! И что? Ничего. Делает вид, будто все в порядке.

— Сергей Иванович действительно производит впечатление умного человека. Тем более странно с его стороны самому себе вредить.

— Почему вредить?

— Он начал с того, что подтолкнул милицию к аресту Михаила Петровича, ведь так? Все им доложил — про конфликт, ружье, платок и виски. И он же нанимает известного своей дотошливостью адвоката, который заставил милицию порыться в бумагах Козырева, тщательно изучить отпечатки пальцев в его квартире и внимательно расспросить соседей. В результате этих действий подозрение переместилось на тебя. Зачем Лагунову это нужно? Вы с ним ссорились?

— Нет, у нас всегда были хорошие отношения.

— Вот видишь. И еще. Неужели он не боялся, что в процессе расследования всплывет нечто, связанное с Анечкой? Раз он понял, что она спала с Козыревым, вполне мог заподозрить, что она и есть убийца. Вдруг соседи заявят, что видели ее не только в девять вечера, но и на пару часов раньше? Напрашивается вывод, что Лагунов уверен в невиновности жены, то есть алиби у них обоих настоящее.

— А может, алиби как раз ненастоящее, поэтому Сергею Ивановичу хочется знать, Аня застрелила Витьку или кто-нибудь другой? — предположила Света. — Вот он и нанял адвоката, который должен все выяснить. Может, ему не хочется жить с убийцей.

— Застрелила... — повторил Вадим. — Давай попробуем с этой стороны. Милиция полагает, раз твой бывший муж охотник, значит, ты умеешь стрелять. Это так?

— Ну... где нажать, знаю и в двух шагах в цель, наверное, попаду.

— А остальные? Кто-нибудь из них держал в руках ружье?

— Если ты думаешь, можно было общаться с Мишкой и не держать в руках ружья, то глубоко заблуждаешься, — заявила Света. — Он на этом помешан. Вечно таскал ружье на пикники и заставлял всех из него стрелять.

— И у всех получалось?

— Лучше всего у Полины, — вспомнила Света. — У Алеши плохо. Сергей Иванович упорно отказывался. Анечка часто тренировалась, но вечно промахивалась, Лана, как ни странно, тоже. А Нина... не помню, я не обращала на нее внимания.

— Короче, здесь тоже пусто — выстрелить мог любой. Знаешь, я понял, что еще смущает меня в этой записке. Она сама по себе мало что значит. В конце концов, любовная переписка с Козыревым еще не повод для обвинения в убийстве. А вот в совокупности с тем, что ты была в тот самый вечер в его квартире, — другое дело. Кто знал о том, что ты ездила в среду к Козыреву?

— Мишка, — уныло прошептала Света, но тут же бодрее добавила: — А если убийца подсмотрел? Раз он дождался приезда Мишки, мог дожждаться и моего приезда, правильно?

— Хорошо, давай разберемся хотя бы в этом, — вздохнул Силуянов. — Предположим, Михаил Петрович не врал. Приехав на квартиру Козырева по вызову, полученному с Козыревского сотового и, очевидно, посланного убийцей, он застал труп, лежащий на полу у стола, рядом ружье, а на столе — бутылку виски и два стакана. Вместо того, чтобы вызвать милицию, как предполагал преступник, Михаил Петрович убирает виски в бар, теряет носовой платок, которым стирал отпечатки пальцев, хватает ружье и убегает, дабы вывалить все свои проблемы на тебя.

Не без брезгливости произнес эту фразу и немного после нее помолчал, Вадим продолжил:

— Ты бросилась к Козыреву и застала совсем иную картину. Тот сидел, навалившись на стол, а виски снова стояло на столе. Так?

— Да. Я думаю, убийца дождался Мишкиного ухода, вернулся и во второй раз все подтасовал.

— Рисканно. А вдруг Михаил Петрович, сев в машину, тут же позвонил в милицию? Убийцу могли застать на месте преступления. К тому же Михаил Петрович сам создал против себя наиболее весомую улику, унеся ружье. И еще. Первый раз тело оставили лежать, а во второй посадили. Почему? Что изменилось за полчаса?

— А действительно, почему? — изумилась Света.

— Я сомневаюсь, что это сделал тот же человек, — заявил Вадим. — Логичнее предположить, что другой. Другая.

— Другая? Откуда другая?

— «Сегодня в семь трахал С., а в девять А.» — процитировал Силуянов. — Два часа — не слишком большой промежуток. Ваш Козырев, похоже, гигант секса.

— Ну, сам-то он в этом не сомневался, — кивнула Света. — Предмет его особого самодовольства... ох, что я несу! Так нельзя о мертвых, да?

— Если мы будем соблюдать политес, завтра тебя арестуют, — с тихим бешенством произнес Вадим. — Так что, будь добра, говори правду. Твой Козырев без зазрения совести вызывал на свидание двух дам подряд. Первая узнала об этом и его застрелила — скорее всего, около семи. Полвосьмого к Козыреву приезжает Михаил Петрович, вызванный убийцей. Полдевятого приезжаешь ты. А, к примеру, на восемь было назначено свидание. Ничего не подозревающая дамочка появляется у любовника, пока вы с Михаилом Петровичем обсуждаете случившееся, и обнаруживает труп с огнестрельной раной, но в милицию не звонит. Почему?

— Не хочет, чтобы муж узнал о ее измене.

— Пускай так. Но она не просто сбегает, а предварительно выставляет на стол виски и даже усаживает тело, чтобы ситуация выглядела более правдоподобной. Мол, рассорившиеся приятели пили за столом, а потом один застрелил другого. Ей хочется, чтобы в убийстве безоговорочно обвинили Михаила Петровича.

— Гадина! — вырвалось у Светы.

— А если она была уверена, что это действительно сделал он? Ведь она нашла на месте преступления его платок, который, кстати, весьма глупо сунула Козыреву в карман. Обезопасив себя таким образом, она убегает, а вскоре появляешься ты. Ну, а через полчаса после тебя приходит Аня Лагунова, решившая сделать любовнику неожиданный сюрприз.

— Да, ведь еще деньги! — напомнила Света. — Доллары, которые валялись на полу. Аня говорит, их не было. Куда они могли деться?

— Ну, тут как раз все просто, — отмахнулся Вадим. — Скорее всего, их забрала она. Ну, с меньшей вероятностью ее муж.

— Зачем? У них достаточно денег, чтобы не рисковать ради нескольких сотен.

— Я не знаю, зачем, но если ты видела эти деньги, потом появилась эта парочка, а после этого деньги исчезли, представляется очевидным, что их взял кто-то из них.

«Какой он все-таки умный!» — в очередной раз восхитилась Света, которой подобный подход к проблеме совершенно не приходил раньше в голову.

— Плохо то, что у нас очень мало времени, — сообщил между тем Силуянов. — Я вообще-то тугодум, а сейчас надо думать быстро. Необходимо расставить приоритеты.

— Что?

— Решить, что именно сейчас самое главное. Я поговорю с адвокатом... кажется, Краузе? — и с Родионовым, от них можно что-нибудь узнать. Теперь о подозреваемых. Аня Лагунова вряд ли отправилась бы к Козыреву в девять, если б уже побывала у него в семь или в восемь. Скорее всего, она тут не при чем. Ее муж? Не исключено. Убил из ревности... но тогда неясно, зачем ему нанимать для Михаила Петровича лучшего адвоката. Полина Дмитриева... Почему бы нет? Взревновала к Лагуновой и убила.

— Мне показалось, — осторожно заметила Света, — Полина была поражена, узнав, что Аня спала с Витькой.

— Могла сыграть... она, судя по всему, ловкая особа. А кто тогда вторая... если эта вторая действительно была?

— Что значит — действительно? — возмутилась Света. — Ты только что убедил меня, что без этого ничего не сходится.

— Я сказал, что это представляется логичным. Убийца побоялся бы возвращаться на место преступления и довольно долго заниматься там подтасовками, зная, что Михаил Петрович в любой момент вызовет милицию, на это скорее решился бы непричастный человек. Вторая — Нина? Тогда ей вовсе не было назначено свидание, она пришла незваная. Кстати, с ее стороны наиболее естественно, даже не будучи виноватой, испугаться и попытаться обвинить в убийстве другого. Все знали о ее взаимоотношениях с Козыревым и о ее ревности.

— Но она хорошо относится к Мишке и не стала бы его подставлять!

— Своя рубашка ближе к телу. А потом, подумав, предпочла обвинить тебя. Пришла к тебе, подкинула собственную записку. Нина светленькая, почему бы не называть ее «Светик»?

— погоди! Так кто подкинул записку — убийца или та, вторая?

— Если б я знал! Могло быть наоборот. Убийца Нина, а Полина пришла потом. Оба варианта представляются мне равновероятными. Есть еще Дмитриев и Горностаева, но тут шансы невелики. Убить из ревности Дмитриев не мог, поскольку вряд ли подозревал об измене жены. Ради карьеры? Я видел его вчера. Не поверю, что человек с убийством на совести мог быть таким счастливым. Но, пожалуй, я с ним сегодня встречу, а заодно прощупаю его жену. Сперва адвокат и милиционер, затем они, а затем Нина. Наверное, так. Вечером приеду и отчитаюсь.

— А что делать мне? — уточнила Света.

— Отдыхай, набирайся сил. Попытайся выбросить плохое из головы и не беспокоиться.

— Да я и не беспокоюсь, — уверила Света. — Я тебе все наконец рассказала, значит, ты все раскроешь, если не сегодня, тогда завтра. Ты же их умнее!

Вадим сморщился, будто от боли, и, усмехнувшись, произнес:

— По крайней мер, должен быть умнее. Выбора у меня нет.

Света не врала — она не беспокоилась. Ну, не в силах она была поверить, что ее, добропорядочную, ни в чем особенном не виновную женщину вдруг возьмут да арестуют! Причем кто — Родионов, хороший, симпатичный человек, хотя и милиционер. Так не бывает. Значит, что-то случится, что помешает подобному безобразию. Или преступница сама признается, или ее выведет на чистую воду Вадим. Интересно, это Полина или Нина? Как здорово Вадим догадался, что одна из них убила, а другая потом подтасовала улики, хотя и была не при чем. Света вспомнила, что ее поначалу тоже смущало, почему убийца не бросился удирать, а целый час торчал рядом с домом убитого, не боясь быть обнаруженным. Потом Света выкинула эту странность из головы, а теперь вот она разъяснилась. Полина узнала, что Витька изменяет ей с Анечкой, убила его и в испуге сбежала, а Нина приехала закатить Витьке скандал, нашла тело и, тоже испугавшись, решила свалить вину на Мишку. Хотя, если Полина такая ревнивая, почему она совсем недавно терпела Витькин роман с Ниной? Значит, все наоборот. Сперва появилась Нина, не выдержавшая Витькиных издевательств, и застрелила его, а потом припорхнула Полина и подтасовала улики. Она такая, ей на все плевать, лишь бы муж не заподозрил ее в измене. А кто подсунул Свете записку? Кто вообще эта странная С.? Скорее светленькая Нина, чем брюнетка Полина. Тогда о каком мужчине идет речь в записке? Получается, все-таки Полина? А вдруг Анечка? Вадим уверяет, она взяла с полу деньги. Какая чушь, ведь она отнюдь не бедствует! Но Вадим так логично рассуждает... он не может ошибиться. Значит, деньги украдены не как таковые, а в качестве улики. Может, именно из-за них Анечка и вернулась на место преступления? А что? В семь застрелила Витьку из ревности, а к девяти сообразила, что оставила у него помеченные купюры, и помчалась их забирать. Хотя откуда у Ани помеченные купюры? Она что, шпионка? Значит, на купюрах остались ее отпечатки пальцев. После убийства она прикасалась к деньгам окровавленными руками, поэтому сочла необходимым утаить доллары от милиции. Или преступник Лагунов и кровавый след принадлежит ему? Короче, эту парочку пора вывести на чистую воду!

После долгого и удивительно взбадривающего разговора с Силуяновым настрой у Светы был бойцовский, а душу переполняла жажда деятельности. Единственное, на что хватило здравого смысла — набрать номер Аниного мобильного, а не связываться сразу с Сергеем Ивановичем. Где-то в подсознании маячила мысль, что Анечка несколько более подходящий противник.

— Привет, Аня. Ты где?

— Дома.

— А Сергей Иванович?

— На работе.

— Так сегодня ж воскресенье, — удивилась Света.

— Да, — согласилась Анечка. — Но Мишу выпустили из тюрьмы, и они все совещаются.

— Ладно, пускай совещаются, мне как раз нужна ты. Скажи, Аня, когда зашла к Вите и обнаружила там... обнаружила тело, рядом на полу лежали деньги?

— Какие деньги?

— Доллары.

— Не знаю я ни про какие доллары, — после паузы сообщила Аня. — Все равно мертвому деньги не нужны.

— Так ты их взяла? — обрадовано уточнила Света. Что-то в ответе Анечки это подтверждало, и прозорливость Вадима вызвала у Светы непонятное самодовольство.

— Ничего я не брала. Это кто тебе наврал?

— Никто. Просто милиция делала у меня обыск, — понесло Свету. — И вашу квартиру тоже обыщут, очень скоро. Они знают, какие у Витьки были купюры, и хотят их найти.

Откуда милиции это знать и зачем искать купюры, не удосужилась задуматься ни одна из собеседниц. Света жадно слушала, Аня молчала.

— Ну! — в нетерпении поторопила Света.

— Извини, я очень занята.

Отбой. «Черт!» — выругалась Света вслух. Действительно, следовало звонить от подъезда Лагуновых, чтобы проследить, куда теперь понесет деньги Анечка. В том, что она решит перепрятать их вне дома, Света не сомневалась. Хотя ладно, Аня такая медлительная, а живет очень близко. Она не успеет сбежать, где ей!

Так и получилось. Света вела слезку впервые в жизни, но решила, что занятие это довольно легкое. Едешь себе за знакомой машиной, вот и все. Непонятно, почему сыщики в детективах вечно теряют объект наблюдения? Впрочем, возможно, им попадаются более беспокойные объекты. Анечка подчинялась правилам дорожного движения и не пыталась проехать на красный свет или поднырнуть под падающий шлагбаум.

Целью путешествия оказалась ничем не примечательная хрущевка, окруженная лужами. Аня вышла из автомобиля и что-то сказала подростку с дебильным лицом, сосредоточенно перерывающему мусорный бачок. Тот сиганул в подъезд. Света, наблюдавшая из своей машины, недоумевала. Она ожидала чего-то более интересного. Хотя мальчишка, наверное, — всего лишь посыльный? Сейчас он выведет истинного героя!

На крыльце показался симпатичный парень лет восемнадцати. Его портило лишь то, что он заметно прихрамывал. Анечка бросилась вперед и повисла у него на шее, он нежно прижал ее к себе.

Света оторопела. Тут уже не пахнет сексом для похудения, парочку явно связывают самые нежные чувства. Они сели вдвоем на скамейку и быстро-быстро что-то тараторят, словно не в силах наговориться всласть. Аня вытаскивает из сумочки конверт, вручает собеседнику. Он сперва сопротивляется, потом кивает и сует конверт в карман. Очередной альфонс? Что за нелепость! Почему Аня с ее несомненной привлекательностью должна платить любовнику? Хотя одет он бедно, этого не отнимешь. Не только бедно, но и как-то нелепо, будто не по росту или даже не по возрасту. Да и ведут они себя не по возрасту — держатся за руки и горячо шепчутся. Жаль, слов не слышно.

Сцена продолжалась минут пятнадцать, затем парень встал, бережно поцеловал Анечку на прощание и скрылся в подъезде. Аня сосредоточенно и грустно смотрела ему вслед. Настолько сосредоточенно, что даже не заметила, как к ней подошла Света. Света стояла и не решалась прервать молчание. Ей почему-то было неловко.

— Кто это? — выдавила, наконец, она.

Аня вздрогнула и подскочила на месте, но, узнав Свету, немного успокоилась.

— Так... один знакомый.

— Ты передала ему Витькины доллары?

— Нет, — поразмыслив, сообщила Анечка. — Я дала ему письмо от одной знакомой. В конверте.

Уверенность, что собеседница врет, лишила Свету элегического настроения.

— Ты тайком передала ему доллары, — обличающе произнесла она. — А Сергей Иванович про это знает?

— Нет, — быстро вскричала Аня, — не надо ему говорить! Светочка, ну, пожалуйста! Ну, что тебе стоит! Не говори ему, ну, будь такая добрая!

Эта торопливость, это волнение были настолько нехарактерны для флегматичной Анечки, что производили впечатление какого-то невиданного шквала эмоций. Слезы Ланы или истерика Нины действовали куда слабее. Испугавшаяся Света чуть было не кивнула в ответ. Она поняла, что не хочет выдавать Аню Сергею Ивановичу. Не хочет и не выдаст! Ну, украла девочка деньги, ну, отдала их любовнику. Разве эта информация поможет Свете избежать тюрьмы? А если не поможет, так зачем портить человеку жизнь? Из вредности? Подобный мотив был Свете чужд, вот любопытство — другое дело. Именно оно заставило соврать:

— Все зависит от того, скажешь ли ты мне сейчас правду, — и непреклонно взглянуть Анечке в глаза.

— Ну, что такое эти деньги для Витиной матери? — мрачно спросила Аня. — Пятьсот долларов — чушь. Ей достанется квартира, бизнес и все такое. Да, еще счет в банке! Много чего. Она даже и не заметит, правда? Она не знает, были эти деньги или нет. Может, Витя их истратил давно. А для моих это о-го-го! Андрюха столько получает за десять месяцев. Десять месяцев вкалывает за какие-то паршивые полтонны баксов, представляешь? А ему учиться надо. Я ему говорю, брось работу, а он говорит, что нет. Он упрямый очень.

— Пятьдесят долларов в месяц? — не поверила Света. — Я в поликлинике и то получаю больше.

— Так я ж говорю — он еще учится, — с возмущением пояснила Аня. — Они же все гады! Как увидят, парню пятнадцать, сразу рады обдурить. Понимают, как ему трудно найти работу. Ему ж надо, чтобы школу пропускать пореже. Ему учиться надо, он у нас в семье самый умный. С ногой вот проблема, зато умный очень. Он так и родился, левая нога длиннее, правая короче. Я вот думаю, это как бы лучше, чем как Антошка. Нога, это ничего, голова важнее. Ты как думаешь, Света?

— Погоди, — вздрогнула Света, — погоди! Так он тебе кто?

— Так брат же, — с изумлением, что кому-то непонятна столь элементарная вещь, произнесла Аня. — Средний. Но я его больше всех люблю, потому что умный. Я умных уважаю очень. Сережу тоже. За ум.

— Ох, — выдохнула Света, опускаясь на скамейку. Щеки заливала краска стыда. Как непорядочно, как отвратительно, как цинично — принять брата за любовника! Возмущаться Мишкой, поверившим в измену жены, а самой поступить еще хуже. Оскорбить бедную Аню, напридумывать всякой чепухи... одно счастье — не успела распутить язык и оставила гнусные подозрения при себе. Но Анечка... Света была уверена, что она из очень обеспеченной семьи, с детства защищавшей девочку от превратностей жизни, поэтому та и выросла столь инфантильной. Неужели она, Света, совершенно слепа?

— Он, конечно, прав, — задумчиво продолжила Аня, не обратив внимания на изменение в настроении собеседницы. — Если он сразу эти деньги не истратит, мать найдет их и пропьет. От нее как ни прячь, все равно находит. Я считаю, надо срочно купить одежду. Андрюха бегаёт всю зиму в этой курточке, а потом кашляет. Но если купишь пуховик, мать продаст за бесценок и пропьет. И Антошкину одежду тоже продаст, если будет хорошая, это точно. Может, им еды закупить побольше? Только без холодильника все равно еда протухнет.

— Мать... это ты про свою мать? — в ужасе уточнила Света. — Она давно пьет?

Анечкина заторможенность вдруг приобрела новый смысл. Дочь алкоголички! А бедный парень, Андрей... у него нормально с мозгами, но врожденный дефект нижних конечностей. Есть еще Антошка... не он ли рылся в мусорном бачке? На его лице явные признаки умственной отсталости. Это не лечится, это крест навсегда.

— Да всю жизнь, — махнула рукой Аня. — Вроде когда Верку рожала, пила мало. Ну, ей тогда и было-то восемнадцать. Верка у нас даже институт кончила, заочный, — похвасталась Анечка. — Муж у нее непьющий и работа хорошая. А с матерью сейчас Андрюха, Антошка и Танечка. Знаешь, — лицо Ани сморщилось, словно от боли, — я столько мать уговаривала: «Ну, сделай

аборт!» Куда ей было еще Танечку, правда? А она мне: «Не твоё дело! Родить легче». Боится она почему-то абортов. И потом, она спохватывается, когда уже все сроки прошли. Дура она.

— А отец? — с надеждой спросила Света.

— Что, она помнит, что ли? Залетит по пьяни... я же говорю, дура. Андрюха хочет Танечку в интернат пристроить... там ей лучше будет... но мать не согласна. На троих детей всякие льготы, ей это нравится. А Антошка уже, наверное, пропащий... связался со шпаной, в школу не ходит. Андрюха пытается его учить, да все без толку. Он вот сегодня жаловался... Антошка вроде старается, а никак у него не выходит с арифметикой. Дроби ему нужно складывать, учительница велит. Я помню, это сложно, но я в школе умела, а Антошка никак, хотя Андрюха так здорово объясняет, лучше любого учителя! Вот Антошка и шляется по улицам... чем в школу, где дроби, ему лучше бутылки собирать. Это еще хорошо, если бутылки, а то в автобусах по карманам шарить. Облепят какого мужика целой шайкой, один внимание отвлекает, а другой в карман лезет. Андрюха переживает страшно, а поделаться ничего не может. Хоть плачь!

— Но почему не вмешается Сергей Иванович! — воскликнула Света, глубоко убежденная, что мужчина, муж найдет выход из любого положения.

— Он говорит, я должна порвать с недостойной меня средой, — со вздохом процитировала Анечка. — Я должна расти над собой и тянуться вверх, а они тянут меня вниз. Я обещала ему, что не стану сюда ходить и звонить тоже не стану. Буду дружить с Полиной или еще с какой образованной... с тобою, с Ланой. Только я все думаю про них и думаю... особенно про Андрюху. И про Танечку тоже. Жалко мне их! Сережа говорит, посмотри на свою Верку, сестру то есть, она вышла замуж и носа домой не кажет. Это точно, но Верка, она всегда была волевая, а я безвольная. Пожалуйста, не говори ничего Сереже! Он расстроится ужасно. Он очень хочет, чтобы я стала другая, понимаешь? Умному, ему и жена нужна умная, а я неумная, да еще с такой родней. Я когда Сережу слушаю, все понимаю. Он правильно говорит, все равно моим ничем уже не поможешь. А без Сережи я перестаю понимать, что правильно, а что нет. Он очень из-за этого огорчается, смотреть невозможно!

— Но деньги! — вскричала Света. — Разве у тебя нет денег помочь семье? Мне казалось, Сергей Иванович ничего для тебя не жалеет.

— Да, но он... это называется — контролирует мои расходы. Чеки и все такое. Это правильно, а то я все растрочу. А на моих он мне денег не дает... он вообще хочет, чтобы их как бы не было, понимаешь? Мол, это моя прошлая жизнь, а теперь у меня жизнь другая. Может, и другая, но моим-то от этого не легче! Ну, я надуваю его по мелочам... не на все ведь дают чеки, правда? Но много скопить у меня никогда не получается, не знаю, почему. А тут — сразу пятьсот баксов, и ничьи. Я так обрадовалась, ты себе не представляешь! Хвать — и в сумочку. И никто меня про эти деньги не спрашивал, ни Сережа, ни милиция. Только ты спросила. Ты не выдашь милиции, что я дала их Андрюхе? У Андрюхи, представляешь, ни одного привода в милицию не было! Ни одного! И в детской комнате на учете он не стоит. Представляешь, какой он необыкновенный?

Света, для которой привод ребенка в милицию стал бы неопишуемой трагедией, молча кивнула. В голове мелькали идеи одна нелепее другой. Лишить Анину мать материнских прав? Это почти невозможно даже в отношении хронической алкоголички. Припугнуть ее? Бесполезно, она — психически неполноценный человек. Помочь деньгами? Аня наверняка основывается на немалом опыте, утверждая: отберет и пропьет. Купить детям одежду? Продаст. Нужна одежда, которую продать невозможно... поношенная, вот какая!

— Аня, — оживилась Света, — твоя Танечка, она больше или меньше моего Ваньки?

— По годам больше, а размером меньше, — подумав, ответила Аня.

— Поехали ко мне, я дам его одежду, а ты отвезешь сюда, пока Сергея Ивановича нет. Лучше что-то, чем ничего, правда? В таком возрасте что девочка, что мальчик, тряпки почти одинаковые.

— Только надо поскорее, а то Сережа вернется и про все догадается. Он умный.

Света возмущенно фыркнула. Умный, но эгоист! Сам закрывает глаза на тяжелые стороны жизни и хочет того же от жены. А она добрая, она так не может. Однако вслух высказывать своего мнения Света не стала. Последнее дело — портить отношения между супругами.

Дома она судорожно принялась вытаскивать из шкафа детские вещи и упаковывать их в большой мешок.

— Жаль, Мишка такой большой, — огорченно заметила она, опустошив отделение Ваньки и оглядывая куртку мужа. — Твой Андрей высокий, но худой. Слушай, а вот эта! Ну, будет на нем висеть, так сейчас широкое в моде. Зато теплая очень.

— Это слишком шикарно, — предупредила Анечка. — Это мать пропьет.

— А мы посадим пятно на видном месте, — в горячке предложила Света. — С пятном никто не купит.

— Ты тоже умная! — восторженно завопила Аня. — Честное слово!

Вдвоем с помощью бутылки подсолнечного масла они привели в нетоварный вид наиболее подходящие предметы Мишкиного туалета и растались, весьма довольные друг другом и собой.

«Анечка Витьку не убивала», — подумала Света, сунув в микроволновку замороженную пиццу и заваривая себе крепкий кофе. Из чего следовал подобный вывод, было не очень ясно, однако результат представлялся Свете однозначным. Вот эгоистичный Сергей Иванович — это запросто, но не его жена. Все-таки удивительно, как трудно со стороны судить о людях! Кто бы мог догадаться, что бедная Аня из неблагополучной семьи... нет, некто особо проницательный вроде Вадима, наверное, догадался бы, но никак не обыкновенный человек.

Едва Света успела вгрызться в хрустящую пиццу, на которую плюхнула сверху лишние пару кусков ветчины, из прихожей донеслось странное шуршание. Света с удивлением подняла голову. Воры? Но нет. На кухню зашел Мишка и с крайним неодобрением констатировал:

— Ешь.

— А что, голодать, что ли? — быстро проглотив, поинтересовалась Света.

— По крайней мере, хоть немного попереживать за отца своих детей, — заметил Мишка. — Или, возможно, я ошибаюсь?

— В чем?

— В том, что являюсь им отцом.

Света молча покрутила пальцем у виска. Вообще-то в ее характере было в гневе наброситься на мужа и высказать все, что накопилось, но настоящего гнева почему-то не было.

— Ну, и как они восприняли известие, что любимый папочка сидит в тюрьме? Только не уверяй, что им это безразлично, все равно не поверю. Вот твои подружки злорадствуют, тут уж не сомневаюсь, но у детей наверняка страшная моральная травма. И ты бросила их на мать в такой момент!

— Это у тебя моральная травма, — парировала Света. — Ты что, считаешь, я сообщила все Машке с Ванькой? Я, по-твоему, враг собственным детям? Они ничего не знают. Даже мама ничего не знает, я специально из-за этого с ней не виделась. И ни с одной подружкой не виделась, чтобы случайно не проболтаться.

— Прекрасно выглядишь, — словно не услышав ответа, с тою же иронией продолжил Мишка. — Прямо помолодела. Впрочем, я в курсе, что тебе не приходилось скучать.

— И кто же ввел тебя в курс? — вспомнив, что Вадим полагал это существенным, уточнила Света.

— Неважно. Достаточно посмотреть на тебя и Лану, чтобы понять, как кто ко мне относится. Она извелась за это время, а ты расцвела. Что?

— Ничего. Мишка, чего ты цепляешься? Я очень рада, что тебя выпустили, но ты мог бы мне сразу позвонить, чтобы об этом известить. Разве нельзя расстаться, но вести себя по-человечески?

— Это ты мне говоришь? — повысил голос Мишка. — Ты, которая столько лет водила меня за нос! Ты еще смеешь требовать человеческого отношения? Ты хоть соображаешь, что несешь?

— Это кто кого водил за нос? — удивляясь собственному спокойствию, спросила Света. — Разве ты рассказал мне о себе и Лане?

— Как это можно сравнивать? — разъярился Мишка. — Мужчина — это мужчина, а женщина — это женщина!

— На редкость информативное заявление.

— Не притворяйся дурочкой, ты прекрасно все понимаешь! Никому не придет в голову требовать от мужика, чтобы он шарахался от баб, это было бы смешно. А вот женщины — другое дело. Много лет притворяться, что терпеть не можешь Витьку, и все лишь для того, чтобы я не обнаружил ваши шашни — вот это действительно по-женски! Смеяться надо мною за моей спиной! Жена и друг — чудесная парочка!

— Да не спала я с твоим Витькой, — ласково объяснила Света. Она вдруг заметила, что Мишка страшно осунулся, а под глазами круги, и сердце ее дрогнуло. — Честное слово!

— Хочешь сделать из меня идиота? — фыркнул Мишка. — Я все знаю про его так называемый дневник. «Сегодня трахал С., она проявляла чудеса изобретательности». Со мною, по-моему, ты их не проявляла! Приберегала для своего красавчика?

— С. — это не я. Пожалуйста, поверь мне и не переживай.

— А почему я должен верить? Я же не требую от тебя, чтобы ты поверила, будто я не трахал Лану.

Света, не выдержав, рассмеялась.

— Мишка, ты что? Ты забыл, что я видела вас собственными глазами? Конечно, скорее она трахала тебя, чем ты ее, но в целом это процесс взаимный.

— Вот именно, взаимный. Она любит меня, любит по-настоящему, а ты? Ты обрадовалась возможности от меня избавиться. В тюрьму? Замечательно, почему бы не засадить меня в тюрьму, чтобы тебе сподручнее было развлекаться.

Лицо Мишки пошло красными пятнами, и Света отстранено констатировала, что несколько дней в заключении всерьез расшатали его нервную систему.

— Мишка, тебе надо попить успокаивающий сбор. По стакану на ночь. Сейчас в аптеках продают очень хорошие сборы.

— Зануда, — несколько тише заявил Мишка. — А ведь я борюсь за тебя до последнего. Они ждут от меня заявления, что это ты застрелила Витьку, а я молчу. Думаешь, мне легко это дается? Думаешь, мне хотелось из-за тебя лишнее время куковать на нарах?

— Из-за меня? — наконец-то разозлилась Света. — Я, как дура, помчалась к Витьке подтасовывать за тобой улики. Я врала милиционеру, потому что ты так велел. И я же еще и виновата?

— Светочка, — вдруг спросил Мишка совсем тихим голосом, беря ее за руку, — но ведь это не ты его убила? Скажи мне правду.

— Конечно, нет. Ты что, все забыл? Я поехала к Витьке, когда он был уже мертв.

— Но никто не мешал тебе побывать там раньше. Ты нарочно выгнала меня из дому, чтобы иметь возможность по свободе встретиться с Витькой. Пришла к нему и узнала, что он тебе изменяет. Тогда ты его застрелила, послала мне вызов с его мобильного и помчалась домой. Я нашел тело и бросился к тебе, а ты встретила меня, как ни в чем не бывало. Если ты могла обманывать меня много лет, так почему не обмануть и тут?

— О господи! — махнула рукой Света. — У тебя идефикс. Я не психоаналитик, но мне кажется, ты пытаешься избавиться от чувства вины, проецируя собственное поведение на меня. Я тебя не обманывала и очень рада, что ты на свободе. И рада, что ты не стал наговаривать на меня ради того, чтобы освободиться. Значит, ты сказал им правду? Что это ты вызвал меня на помощь, а не я тебя.

— Я ничего им не сказал, — смущенно пробормотал Мишка. — Я молчал, как рыба. Они сами сделали всякие выводы... милиция и этот Краузе.

— А ты не думаешь, что лучше рассказать все без утайки? — заметила Света. — Я при случае так и поступлю. Хватит вранья! Чем более правильные сведения будут у Родионова, тем лучше он во всем разберется. Мне тоже неохота ни за что ни про что попасть в тюрьму.

— Если ты не виновата, то конечно, — ласково произнес Мишка. — Значит, С. — это не ты?

— Не я. А ты не догадываешься, кто?

— В том-то и дело, что нет. Какая-то дамочка со стороны. Витька ведь последнее время со мною не откровенничал.

— Вадим предполагает, это вовсе не имя, — вспомнила Света.

— Вадим? — вздернул брови Мишка. — Кстати, я ведь зашел не выяснять отношения, а забрать кое-какие носильные вещи. Мне совершенно не в чем ходить. Надеюсь, ты не против?

— Конечно, — кивнула расстроенная Света. Дернул же ее черт упомянуть Вадима и снова вывести бедного Мишку из равновесия! Вот они, мужчины! Собирается жениться на другой, но ущемленное самолюбие так и гложет. Брошенная жена должна сидеть и лить горячие слезы, вот тогда он будет рад. А вот ей абсолютно не нужно Мишкиных слез, ей хочется, чтобы все с ним было в порядке.

Страшный грохот заставил Свету рвануться в комнату.

— Ты отдала ему мои вещи! Отдала мои вещи любовнику! Одежду! Мою одежду! За несколько дней! Ты надеялась, я не вернусь никогда! — бушевал Мишка. В руках он держал дверцу шкафа, видимо, оторванную в бешенстве. Мысль о том, что пятнадцатилетний хроменький Андрюха — ее любовник, невольно заставила Свету улыбнуться. Вот этого делать не стоило. Света изучала психологию и прекрасно знала, что флегматик, впавший в ярость, способен совершить самые ужасные вещи. Она поспешно спрятала улыбку.

Впрочем, ужасных вещей Мишка не совершал.

— Ты даже не злишься на меня, — произнес он, с недоумением глядя на дверцу в собственных руках. — Перестала.

Это была правда. Очевидно, в какой-то момент чаша Светино терпения переполнилась, и душа спокойствия ради перенесла Мишку в другую категорию людей. В категорию тех, от которых можно ожидать всякого и на кого бессмысленно тратить нервы.

Кто знает, что произошло бы дальше, но неожиданно раздался звонок. «Если это Вадим, лучше не открывать, а то Мишка совсем взбесится», — решила Света и потому не сдвинулась с места. Зато бывший муж широкими шагами направился в прихожую.

К счастью, гостем оказался не Вадим. На пороге стояли Лагунов и Дмитриев.

— Сергей Иванович, а вы колдун, — радостно заявил Дмитриев и обернулся к Мишке: — Сергей Иванович так и предполагал, что тебя надо искать здесь, а я не верил.

— Просто я знаю людей, — скромно поведал Лагунов.

— Я здесь случайно, зашел забрать кое-какие вещи, — ледяным тоном ответил Мишка.

— Главное, что ты здесь и мы сможем, наконец, все обсудить, — с тою же радостью продолжил Дмитриев. — Ты не находишь, что стиль работы «Интермага» пора менять?

Света оторопело смотрела на старого знакомого, совершенно не похожего на себя самого. И это забитый Алеша, никогда не проявляющий инициативы? Он еще вчера удивил ее, осмелившись возразить Полине, но сегодня... сегодня окончательно стало ясно, что он радикально переменился. Слова Вадима о том, что Дмитриев выглядит счастливым, подтвердились. Он лучился счастьем, ничего не боялся и был уверен, что море ему по колено. Кстати, зря. Вряд ли Мишка сейчас настроен выслушивать критику по поводу своего руководства «Интермагом».

Похоже, Лагунов придерживался того же мнения, что и Света.

— Мы счастливы, что вы, Михаил Петрович, снова с нами. А что касается остального... нет худа без добра. Виктор Анатольевич стоял на пути реформ, которые вы давно хотели провести. Теперь, когда его мнение несущественно, мы можем обсудить планы, о которых вы, конечно, с вашей деловой хваткой давно уже задумывались.

Алеша удивленно наморщил лоб, затем улыбнулся и кивнул.

— Да, я теперь единоличный хозяин «Интермага», — согласился Мишка, почему-то с торжеством оглянувшись на Свету.

Ей стало смешно. Она и не подозревала, что он так падок на самую грубую лесть. Почему она считала его умным? А вот Лагунов, столь умело управляющий окружающими, действительно умный, только ум у него самого худшего свойства. Вроде того, что был у Витьки. Он, видите ли, знает людей! Да, он их знает, но не с лучшей стороны, поскольку судит по себе. И о бедной Анечке судит по себе, заглушая самые светлые ее порывы. Как неожиданно преображаются давно знакомые люди! Или не преображаются, а открываются? Может, раньше она, Света, невнимательно смотрела?

Между тем Алеша уверенно нес какую-то ахинею про сайты, менеджмент и европейскую интеграцию, а Мишка с явным интересом слушал. Похоже, предложения были дельными, хотя смысла Света не понимала.

— Чаю заварить? — предложила она.

— Лучше поедем ко мне, — откликнулся Мишка. — Лана прекрасно разбирается в бизнесе и обладает женской интуицией, ее мнение для меня очень важно. Света, вещи я заберу в другой раз. Алеша, Сергей Иванович? Идемте.

Дмитриев охотно поспешил за шефом, а Лагунов крикнул вдогонку:

— Я сейчас! Подождите в машине.

Света смотрела на него с недоумением. Ну, и о чем этот тип собирается говорить? Надеется выпытать, где была сегодня бедная Анечка? Не на такую напал, Света не собирается ее выдавать! Она совершенно забыла, что вообще-то сама намеревалась побеседовать с Сергеем Ивановичем, дабы выведать, не он ли убийца. Анечкина тайна и желание эту тайну сохранить полностью вытеснили из головы прежние намерения.

— Вы, Светочка, считаете меня монстром, — грустно улыбнувшись, заявил Лагунов. — Черт его знает, какая мне разница, только мне почему-то это неприятно.

— С чего это мне считать вас монстром? — лицемерно осведомилась Света.

— Да я, Светочка, не слепой, а у вас все на лице написано. Вы полагаете, я веду себя жестоко и непорядочно по отношению к Аниной семье. Ведь так?

— К какой еще семье? — упрямо продолжала врать Света.

— Ане очень трудно что-нибудь от меня скрыть, — улыбнулся Сергей Иванович. — Для этого нужно быть последовательной, а она не умеет.

«Однако связь с Витькой она скрывала долго», — ехидно подумала Света.

Лагунов вздрогнул, словно прочтя ее мысли.

— Аня не умеет противостоять достаточно энергичному напору, но я должен четко представлять себе направление расспросов, — помолчав, объяснил он. — Она была сегодня у своих, отвозила им от вас вещи. Вы думаете: ну, и сволочь этот Лагунов, сам хорошо обеспечен, а семью жены готов заморить голодом!

— Да, — не выдержала Света, — я так и думаю. Я никогда от вас этого не ожидала, никогда!

Как ни странно, на Лагунова она злилась куда сильнее, чем совсем недавно на Мишку. Как ему не стыдно, он еще и похваляется собственным эгоизмом!

— Вы думаете, я не давал им деньги? Деньги, вещи, продукты... я перепробовал все. Это бессмысленно. Разве что подсунуть этой ведьме бутылку с отравленным денатуратом... только для подобного я пока еще не созрел. Света, есть положения, из которых не существует выхода. Вы знаете, что каждую минуту на Земле сотни людей умирают с голоду. И что, вы посылаете им продукты? Нет, поскольку знаете, что это ничего не изменит.

— Но, если бы эти люди были рядом, если бы я видела их, если бы они вошли в мою семью, — вскричала Света, — я бы посылала!

— Вот именно, — мрачно кивнул Сергей Иванович. — Аня рядом, она — моя семья, она — все, что у меня есть, и я не позволю, чтобы всякая сволочь испортила ей жизнь. Вы хоть представляете, из какой пропасти я ее вытащил? Вырвавшись оттуда, ни один нормальный человек не станет добровольно заглядывать обратно! Вон, возьмите ее старшую сестру. Она, кстати, абсолютно без отклонений... видимо, обошлось без пьяного зачатия. Она вырвалась и отряхнула прах со своих ног, и правильно сделала, ее никто не посмеет осудить. Утопающий стряхивает со своей шеи все, что тянет его на дно. Он понимает: другого не спасешь, а себя погубишь.

— Не понимаю, — упорствовала Света, — почему Аня погубит себя, помогая брату.

— Андрей — хороший парень, — согласился Лагунов. — Но, Света, он — часть того мира, куда я Аню никогда больше не пущу. Лягу костями, но не пущу. Она достаточно натерпелась, поверьте мне. Вы выросли в другом кругу, вы даже не представляете себе многих вещей. Анина психика надломлена, неужели вы, врач, этого не замечаете? Требуются годы и годы спокойной жизни, чтобы она хоть немного пришла в себя. А каждый раз после встреч с этим семейством она сама не своя... она возвращается к ним мыслями снова и снова, а сделать-то ничего невозможно, помочь ничем нельзя. Ей снова снятся страшные сны, она кричит ночами. Она должна забыть этих людей, полностью выкинуть их из памяти, иначе она никогда не будет счастлива! Да, это звучит жестоко, но это правда. Для меня ее счастье куда важнее того, что эти выродки получают деньги, которые пропьет мать-алкоголичка. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Кстати, это я пристроил Андрея на работу, только ни он, ни Аня этого не знают. И не должны знать! Чем скорее она их забудет, тем лучше.

— А она их не забудет, — вздохнула Света, все раздражение которой против Сергея Ивановича куда-то улетучилось. — Очень трудно вырваться из своей среды. Психологически трудно, это я по себе знаю. Я, наверное, чем-то сама похожа на Аню, и я ее понимаю.

— Скажите, Света, — неуверенно обратился вдруг Лагунов, — неужели и вы тоже... с Виктором Анатольевичем?

Света обречено махнула рукой.

— Нет, но вы ведь все равно не поверите.

— Почему? — удивился Сергей Иванович. — Как раз наоборот. Мне трудно поверить в вашу связь, это совершенно не укладывается в голове. Поверьте, Света, нанимая Краузе для спасения Михаила Петровича, я в помине не рассчитывал, что подозрение переместится на вас. Просто чувствовал себя перед Михаилом Петровичем виноватым... получилось, именно я обратил внимание милиции на некоторые факты, спровоцировавшие его арест.

— Да уж, с этим трудно спорить, — согласилась Света. — Зачем вы это сделали?

— Я был в отвратительном настроении... по некоторым причинам. Вот и сорвал зло.

«Узнал об измене Анечки», — сочувственно подумала Света.

— Но поверьте, я искренне решил, что убийца Михаил Петрович, — горячо продолжил Лагунов. — Все указывало на него... и психологически это достаточно достоверно. Но потом меня стала мучить совесть, и я нанял Краузе. Я считал, Краузе будет бить на состояние аффекта, и вдруг — достоверные свидетельства, что вы были в тот вечер у Козырева, и находка дневника с этой пресловутой С. Хотя С. — здесь возможны варианты. Моя Снегурочка, моя синичка, моя синеглазка... Виктор Анатольевич не страдал избытком вкуса.

— Никакой синички, — горестно прокомментировала Света. — «Любимый Светик, сегодня ничего не выйдет, он весь день на месте».

Едва произнесла это, она в ужасе прикусила язык. Родионов сделал вид, что не нашел роковой записки, а она, Света, взяла и проболталась. Если Лагунов это сообразит, бедного Родионова могут обвинить в сокрытии улики.

Как ни странно, собеседник вдруг развеселился.

— Светик? — уточнил он. — Прямо-таки так и написано?

— Так и написано, — подтвердила заинтригованная Света. — А что? Вы знаете, кто это?

— В «Интермаге» Светлан нет, — с явным удовольствием сообщил Сергей Иванович и задумчиво добавил: — Люди редко интересуются другими людьми и редко их слушают. Предпочитают себя, любимых. И иногда, между прочим, много на этом теряют.

— И кого нам надо было слушать? — в азарте схватила собеседника за рукав Света. — Вы знаете, кто убийца?

— Я знаю характер Виктора Анатольевича, характер Михаила Петровича и еще массу всего, на что большинство не обращает внимания. Не горюйте, Светочка, все образуется. До завтра. Наши бизнесмены заждались меня в машине, а Михаил Петрович небось сходит с ума от ревности. Не держите на него зла, ему пришлось несладко.

— А я не держу, — честно ответила Света, глядя вслед удаляющемуся гостю. Что же он имел в виду? При чем тут характер Витьки и, тем более, Мишки? Или Лагунов нарочно темнил, желая придать себе значимости, а сам ничего не знает? Все равно приятно, что он поверил в Светину невиновность. Родной муж не поверил, а Сергей Иванович поверил. Наверное, потому, что хорошо разбирается в людях. И вообще, он оказался очень приличным человеком. Аню любит и даже устроил ее брата на работу. Нет, он не убийца! Тогда кто же? Скоро придет Вадим и все объяснит.

Однако выражение лица появившегося Силуянова тут же похоронило Светины надежды.

— Что-то плохое? — сочувственно спросила она. — Ну и что! В любом случае не стоит так переживать.

— Господи, Светка, — с нежностью воскликнул Вадим, — откуда у тебя такой счастливый характер? Я психую, чувствуя, как наше время минута за минутой вылетает в трубу, а ты как будто уверена, что все будет хорошо.

— Я действительно в этом уверена, — подтвердила Света. — Наверное, потому, что я менее ответственная, чем ты. И менее умная. А почему время вылетает в трубу?

— Да потому, — вздохнул Силуянов, — что я до завтрашнего вечера должен докопаться до истины, а весь сегодняшний день потратил фактически впустую. Я точно так же не знаю, кто убийца, как это было сегодня утром. И я не представляю, какие еще шаги стоит предпринять. Все разумные методы исчерпаны. Хоть подноси подозреваемым нож к горлу и требуй ответа: «Ты или не ты?»

За иронией явно проступало отчаянье, и Света поспешно вставила:

— Давай-ка я тебе расскажу, что я сегодня разузнала. Очень интересно!

И она добросовестно отчиталась в произошедших событиях, несколько смягчив поведение Мишки. Вадим не перебивал, а по окончании поинтересовался совсем не тем, что казалось главным Свете.

— Повтори-ка, что сказал Лагунов напоследок. Ну, про то, что мы не умеем слушать друг друга.

— Так я не помню дословно. Что он знает всякое про Витьку и про Мишку. Я не знаю, почему решила, будто он про что-то догадался. Он ухмыльнулся на Светика и сказал, что в «Интермаге» Светлан нет. Я и без него это знаю! Еще сказал, что все образуется.

— У тебя есть номер его сотового?

— Да.

— Давай-ка позвоним.

Мобильный не отвечал. Телефон «Интермага» тоже, а по домашнему Анечка сообщила, что муж пока не вернулся.

— Возможно, это и неважно, — себе под нос пробормотал Вадим.

— Конечно, неважно! — подтвердила Света. — Лагуновы ни в чем не виноваты, они хорошие.

Собеседник лишь улыбнулся.

— Не согласен? — догадалась Света.

— Светочка, ты только не обижайся... Это в детстве кажется, что люди делятся на хороших и плохих. «Этот чистит валенки, моет сам галоши. Он хотя и маленький, но вполне хороший». Помнишь? А потом выясняется, что можно собственноручно мыть галоши, но при этом предавать друзей. А можно быть готовым все отдать друзьям, но совершенно не считаться с интересами посторонних. Люди — сложные существа.

— Сергей Иванович — может быть, но Анечка вовсе не сложная, — заявила Света. — В ней я уверена.

— Ты вообще уверена, что хорошо разбираешься в людях? — не без жалости произнес Силуянов.

Света расстроено опустила голову. Пожалуй, в людях она разбирается неважно. Все преподносят ей сюрпризы: Анечка, Сергей Иванович, Алеша Дмитриев и даже собственный муж.

— Это естественно, — заверил Вадим. — Ты судишь о других по себе и поэтому предполагаешь лучшее, чем есть на самом деле. А надо попытаться встать на их позицию, понимаешь? Это неверная установка: «представь себя на его месте». Ты должен представлять на данном месте не себя, а именно того человека, в котором пытаешься разобраться. Аня — существо лживое, беспринципное и глупое, разве не так?

— Не так, — возмутилась Света. — Я же все тебе про нее рассказала!

— Хорошо. Аня врет без угрызений совести и не склонна задумываться над вопросами морали, да и вообще над чем бы то ни было. Правильно?

— Да.

— Ну, более коротко это и называется лживость, беспринципность и глупость. Что не мешает ей искренне любить брата и уважать мужа. Ваш Козырев еще тот гусь! Я видел ксерокс с его дневника. Он не любил своих женщин, а упивался властью. Но над Аней у него власти не было — она воспринимала его как тренажер для похудения, а не как светоч своей жизни. Тогда он решил подойти к делу с другой стороны. Зная ее добросердечное желание скрыть от мужа измены, Козырев мог пригрозить рассказать все Лагунову. Просто для того, чтобы посмотреть, как она нервничает, ему это доставило бы удовольствие. Но он не учел ее беспринципности и глупости. Единственный способ, который Анин незатейливый мозг нашел для ликвидации угрозы — ликвидировать ее носителя. Что она и выполнила без лишних нравственных терзаний.

— Но тогда зачем она вернулась на место преступления и обнаружила тело? — грустно уточнила Света, не придумав более разумного аргумента.

— За деньгами, разумеется. Она пожалела, что сразу не сообразила их стянуть, и вернулась. Умный человек так бы не поступил, но ты же не станешь утверждать, будто она умна? Нет, я не говорю, что убила она, я просто показываю, что ситуация ничуть не упростилась. Я не вижу причины отвергнуть хоть кого-то из подозреваемых. Лагунов? Он готов устранить все, что мешает счастью драгоценной Анечки. Он любит ее без памяти. Разве это не повод для убийства?

— Но зачем в таком случае он нанял для Мишки адвоката? Для убийцы это был бы риск.

— Он сам тебе проговорился, что полагал, будто Краузе станет бить на состояние аффекта. Кто ожидал, что дело обернется совсем иначе! Должен тебе сказать, этот Краузе — специалист самого высокого класса, хоть и скользкий тип. Я рядом с ним чувствовал себя полным идиотом. Он, конечно, уделил мне не больше минуты своего драгоценного времени, однако собственную позицию разъяснил четко. Ему заплатили за то, чтобы он сделал все возможное для Михаила Петровича, и он эту задачу выполнил, а являешься ли убийцей ты, кто-то другой или даже сам Михаил Петрович, ему совершенно безразлично. Если ему заплатят за то, чтобы вытащить из сложившейся ситуации тебя, он приложит все усилия, но поскольку твои интересы, скорее всего, придут в противоречие с интересами Михаила Петровича и деньги Михаилу Петровичу придется вернуть, гонорар должен быть двойным. За уже проделанную работу и за ту, которую еще предстоит проделать. В противном случае ему невыгодно себя утруждать.

— Брр! — фыркнула Света. — Значит, хоть убийца, хоть кто, лишь бы деньги платил? Нам таких защитников не нужно.

— Возможно, как раз нужно, — мрачно возразил Вадим, — но у меня нет таких денег. Я не нищий, но его расценки мне не потянуть. И у меня нет знакомых, у которых можно занять подобную сумму. А твой «Интермаг» вряд ли заплатит, раз твои интересы противоречат интересам Михаила Петровича.

— Я не верю, что от человека, которому безразлично, убийца я или не убийца, может быть толк, — твердо заявила Света. — Забудь про этого мерзкого Краузе, расскажи лучше про Родионова. Он-то, надеюсь, вел себя по-другому?

— Андрей — прекрасный парень, — кивнул Вадим. — Он даже показал мне ксерокопии Козыревских дневников. Кстати, мои рассуждения о том, что под С. скрывается Нина или Полина, оказались чушью. В дневнике за последний месяц фигурируют А., П., Н. и С.

— Аня, Полина, Нина, — расшифровала Света. — Значит, С. не может быть одной из них.

— Есть одна маленькая зацепка. Дмитриев слышал, как Козырев просил у Михаила Петровича ружье, так что этот факт подтверждается. И мотивировка тоже подтверждается. «Да ты в двух шагах не попадешь в забор», — прокомментировал Михаил Петрович. «Да, но моя прекрасная дама этого не знает», — парировал Виктор Анатольевич.

— То есть эта дама все-таки не из «Интермага». У нас все знают, что Витька не умеет стрелять. Значит, мы ломаем головы, а его убила какая-то неизвестная С.?

— Сомневаюсь. То, что убила С. и что С. — это ты, — версия Краузе, мечтающего поскорее отработать гонорар. Но, по крайней мере, подтверждается существование любовницы, о которой нам ничего неизвестно. Почему бы ей не зваться Светиком и не иметь мужа, из-за которого отношения с Козыревым тщательно законспирированы? Настолько тщательно, что Родионов ничего пока не может обнаружить. Подъезд Козырева большой, всех входящих дам соседи, разумеется, не помнят, а у нас нет ни малейшего представления, где искать. Он мог познакомиться, к примеру, в казино или ресторане.

— Вот она его и убила, — кивнула Света, радуясь надежде спихнуть это черное дело на постороннего.

— Но откуда ей так подробно знать привычки и вкусы Михаила Петровича? Нет, Света, убил кто-то из ваших, а С., скорее всего, совершенно не при чем, обыкновенная скучающая дамочка, тайком посещающая смазливый любовника. Просто совпадение с твоим именем навело убийцу на мысль обзавестись запасным вариантом. Первоначальный и самый удобный вариант — подставить Михаила Петровича. Тут тебе и ружье, и ссора — все как на заказ. Но, роюсь в бумагах Козырева, преступник обнаруживает записку, адресованную Светику и по какой-то случайности не переданную по назначению. Он (или она) прихватывает эту записку с собой на случай, если дело с Михаилом Петровичем не выгорит. В этом случае подозрение будет брошено на тебя. Убийца подкладывает записку тебе в стол...

— Погоди! Лагуновы, Дмитриевы и Нина Усова были у меня в субботу, а Лана так и вовсе в четверг. Зачем подкладывать записку, обвиняющую меня, если все пока что уверены в виновности Мишки?

— Ну, положим, в субботу, наверное, уже не было уверенности в его виновности. Михаила Петровича освободили в воскресенье утром, но Краузе наверняка понимал ситуацию уже в

субботу и отчитался в замечательно выполненном задании. А дневник, кстати, обнаружен и вовсе в пятницу.

— Где? — полюбопытствовала Света. — Я ведь все там перерыла и ничего подобного не видела.

— Да, он лежал в шкафу среди книг. Если бы не дотошность Краузе, заставившего милицию обшарить каждый угол, дневник никто бы не нашел. Пожалуй, ваша красotka Горностаева не при чем. Она ведь после четверга к тебе не заходила?

— Нет.

— Зато в субботу тебя посещают под надуманным предлогом сразу пятеро. Кто-то из них подкладывает записку, но сообщает о ней милиции лишь после того, как Михаила Петровича отпустили на свободу, то есть в воскресенье утром. Убийца, несомненно, был в курсе всех быстро меняющихся событий. В частности, он знал, что в день убийства ты была на квартире у Козырева.

— Откуда кому-нибудь это знать? Я ездила туда тайком.

Странно посмотрев на Свету, Вадим ответил:

— Ну, например, от Краузе. Тот заставил милицию изучить отпечатки пальцев в квартире Козырева, и они обнаружили твои.

— Между прочим, у меня никто никогда не брал отпечатков, — сообразила вдруг Света.

— Зато Родионов дал тебе подержать пластиковый пакет. Что делать, работа у него такая. Краузе знал результаты исследования и наверняка сообщил о них Лагунову. Кроме того, именно Краузе нашел старичка, видевшего, как ты заходила в подъезд. Тот как раз курил на балконе и обратил внимание на изящную женщину с осанкой балерины. К сожалению, времени он точно не помнит. После семи, но до девяти. Женщина, заметившая Михаила Петровича, время назвала точнее — около половины восьмого. Это примерно совпадает со временем убийства.

— Да, — согласилась Света, — Мишка был у меня где-то в восемь, а я приехала к Витьке, наверное, полдевятого.

— Ну, вот и получается, что убийца вполне мог понимать, что подозрения перемещаются с Михаила Петровича на тебя, и решил их укрепить. В воскресенье утром, изменив голос, он позвонил в милицию и сообщил, что в твоём столе хранится улика. Он...

— Меня сбивает твое «он», — прервала Света. — Ведь, судя по всему, это Полина или Нина, то есть «она».

— Да, она, — помолчав, произнес Вадим, однако тон его Свету насторожил.

— Ты что-то знаешь, а мне не говоришь.

— Мм... нет, знать я не знаю.

Он настолько явно уходил от прямого ответа, что у Светы невольно вырвалось:

— Ну, подозреваешь, какая разница? Главное, водишь меня за нос.

Она вдруг разозлилась. Да что это такое? Кто другой, ладно, но чтобы Вадим над нею издевался — подобного она не потерпит!

— Светочка... — жалобно пролепетал он.

— Ты меня не любишь! — с искренним возмущением сообщила Света. — И не надо, и до свидания. Никто мне не нужен, никто! Справлюсь сама.

Она не задавалась вопросом, с чего бы это Вадим обязан быть с нею откровенным, а тем более любить, ее просто захлестывала обида. На глазах выступили слезы, и это расстроило еще больше. Не хватало, чтобы Силуянов решил, будто она из-за него плачет!

— Светочка... — снова пролепетал собеседник.

— Я плачу вовсе не из-за тебя, и не надеюсь, — поспешила внести ясность Света. — Просто противно, что сперва меня обманывал Мишка, а теперь ты.

— Бедная девочка, — вздохнул Вадим, осторожно прижав Свету к груди. — И когда ты оправившись после жизни с этим мерзавцем?

— Он не мерзавец, — возразила Света, настроение которой моментально повысилось. — Просто полюбил другую. Что, не имеет права?

— Просто полюбил? — вскипел Вадим, резко отстраняясь. — А сваливать свою вину на тебя он имеет право? Ты спрашиваешь, почему я не говорю про убийцу «она»? Потому что почти уверен, что это он!

— Он? В смысле, Мишка? Ты что, с ума сошел?

— Почему? У него был мотив, была возможность. Он постоянно врет, пытаюсь создать себе алиби. Тебе недостаточно? Хорошо. Тебя не удивило, что из квартиры Козырева он помчался не куда-нибудь, а именно к тебе? К тебе, которую только что бросил и должен был избегать, как огня. Казалось бы, естественнее обратиться к Лане.

— Он больше доверял мне, чем ей. В конце концов, меня он знает много лет.

— Вот именно! Зная тебя много лет, он не сомневался, что ты ринешься его выручать. А ему это и было нужно. Чтобы ты оставила свои отпечатки пальцев, а еще лучше попала на месте преступления. Он же подкинул тебе записку, которую обнаружил у своего приятеля. Или не обнаружил, а заранее стянул. Козырев вполне мог похвастаться перед ним победой над некоей Светланой, что и навело твоего Мишку на дельную мысль. Скажи, кто больше всех был заинтересован, чтобы подозрения переместились с Михаила Петровича на тебя? Он сам. Кто заранее знал, что ты побывала в день убийства у Козырева, и мог намекнуть адвокату, что именно следует искать? Кто, наконец, мог знать про дневник? Козырев с его самолюбием наверняка демонстрировал его старому другу. Кто взял с тебя обещание не говорить милиции правду — обещание, поставившее тебя в тяжелое и двусмысленное положение? Он, все он!

— Неужели он настолько меня ненавидит? — с горечью спросила Света. — Он сегодня так на меня смотрел... я даже испугалась. Представляешь, он решил, я отдала его вещи не Анинуму Андрею, а тебе. Это ж надо до такого додуматься!

— А самое печальное, — отстранено добавил Вадим, — что твоя судьба зависит от его показаний.

— Почему?

— Я обсудил все с Родионовым. Он больше всего боится, что Михаил Петрович соблаговолит, наконец, сделать официальное заявление и сообщит то, что пока что лишь читается между строк. Мол, он благородно покрывал свою жену, но теперь, мучаясь раскаянием, решил открыть правду. Ты позвонила ему из квартиры Козырева и, рыдая, попросила приехать тебе помочь, поскольку нашла труп. Он не мог отказать, тем более, не догадался сразу, что именно ты и совершила это убийство. Но чем дальше, тем больше он в этом убеждается, поэтому не в силах молчать. Покрывать убийцу он не намерен. Если он не сделает подобного заявления, Родионов готов рискнуть и не трогать тебя еще несколько дней в надежде, что обнаружатся новые данные, но после этого заявления он вынужден будет действовать. Вот так.

— Ну и замечательно, — обрадовалась Света. — Значит, в запасе еще несколько дней. Если б убийство совершил Мишка и решил свалить вину на меня, он бы давно уже сделал нужное заявление, а не сидел три дня в тюрьме. А раз он молчал тогда, тем более промолчит теперь.

— Возможно, он хотел, чтобы некоторые факты вскрылись как бы помимо него, потому и молчал поначалу. Получается, тебя вроде бы не он выдал, а милиция поймала на лжи, это выглядит куда для тебя хуже. Но даже если предположить, что убил не он... Краузе и Горностаева начнут настаивать, чтобы он обезопасил себя этим заявлением, а если к этому прибавить его злость на тебя... Вот и получается, что лучше бы вам не портить отношений. Хочется надавать гаду по морде, да нельзя.

— И слава богу! Вот только драк нам не хватало. Лучше расскажи, ты был у Дмитриевых?

— Да. У них прямо-таки медовый месяц — глаз друг с друга не сводят. Трудно поверить, что Полина Леше изменяет — хотя и дневник, и Нина Усова это подтверждают.

— С ними что-то случилось последние дни, — кивнула Света. — И Алеша, и Полина — оба преобразились.

— Леша мне очень симпатичен. Если Михаил Петрович к нему прислушается, дела «Интермага» пойдут куда лучше. Что касается убийства... мотив, к сожалению, есть, даже два. Ревность — он мог узнать об изменах жены. И работа — он никогда бы так не развернулся, если б не отсутствие обоих шефов. Один на кладбище, другой в тюрьме, а бизнес достается ему.

— Значит, Леше требовалось засадить именно Мишку, а не меня. Он бы не стал подбрасывать мне записку.

Вадим пожал плечами.

— Когда речь идет о собственной свободе, остальные соображения отступают на задний план. Осознав, что милиция ищет нового подозреваемого, он тут же его предоставил. Что касается Полины, тут все ясно. Ревность. Она узнает о загадочном Светике и в гневе убивает Козырева.

Короче, мой визит к Дмитриевым оказался совершенно безрезультатным. Он изображал готовность помочь — или действительно был готов. Она больше молчала. Но есть одна мелочь.

— Какая? — спросила заинтригованная Света.

— Когда я беседовал с Лешей в «Интермаге», он по собственной инициативе дважды повторил, что провел вечер среды дома с женой. Мол, мы мирно смотрели по видео третью часть «Властелина колец». А сегодня Полина на вопрос о вечере среды заявила, что они смотрели «Звездные войны». Муж тотчас заметил, что она перепутала, «Звездные войны» они смотрели в четверг, а не в среду.

— Может, и вправду перепутала?

— Самое то в день, когда узнаешь, что один твой шеф арестован за убийство другого — смотреть фантастику. Хотя не знаю. Мне кажется, они решили создать друг другу алиби и даже договорились, что якобы смотрели видео, но перестарались и от излишнего усердия сообщили мне название. Короче, их алиби я не верю. Что касается Нины Усовой... она не стала со мной разговаривать.

— В каком смысле?

— В самом прямом, — без особой охоты признался Вадим. — Я действительно сглупил. Мог бы догадаться, кто-нибудь обязательно донесет ей, что мы с тобой знакомы. Нас ведь видели Дмитриевы и Лагуновы. Нина набросилась на меня с упреками, что я над нею издевался, используя в своих целях. Я попытался ей что-то объяснить, но она не захотела слушать.

— Каждой было бы неприятно, — кивнула Света.

— Согласен. Но это еще не значит, что она не убийца. Вот и все, на что я оказался способен, а плана на завтра у меня пока нет. Как-то искать эту проклятую С., только не знаю, как.

— Утро вчера мудренее.

Напутствуемый этой мудрой сентенцией, Силуянов уехал, а Света решила пораньше лечь спать. Весь день она была возбуждена, а теперь просто валилась с ног. Но не тут-то было! Очередной звонок в дверь принес не кого-нибудь, а прекрасную Лану. Вот уж кого не приходилось ожидать!

Впрочем, в данный момент Лана отнюдь не казалась прекрасной. Мишка был прав, уверяя, что без него она извелась. Лицо осунулось, запавшие глаза лихорадочно блестели. «Да что ж такое? — сочувственно подумала Света. — Мишку выпустили, и она должна бы прийти в себя».

— Проходи, — пригласила она. — Что случилось?

— Я пришла просить, чтобы ты его простила, — тихо произнесла Лана и залилась слезами.

«Больно много мы что-то плачем, — расстроилась Света, подавая стакан воды. — Наверное, нервы не в порядке».

— Прости его, — повторила Лана. — Он должен вернуться.

— Кто и куда?

Лана в изумлении уставилась на собеседницу, даже прекратив на минуту рыдания.

— Миша... к тебе. Ты простишь его?

Света потрясла головой, надеясь, что это приведет мысли в порядок. Нет, не помогло.

— Мишка должен ко мне вернуться? Ты что? Он любит тебя и собирается на тебе жениться. Мы окончательно с ним расстались, но с детьми он, разумеется, может видаться, сколько захочет, пускай не волнуется.

— Он любит тебя, а не меня, — всхлипывая, выдавила Лана. — Меня никто не любит! Никто!

Эта фраза уже вызвала самую настоящую истерику. Света сбегала на кухню и накапала в стакан валерианки.

— Выпей и объясни все толком. Откуда ты взяла такую чушь?

— Чувствую. Женщина всегда чувствует, любят ее или нет, особенно если любит сама.

— Значит, Мишка тебе ничего подобного не говорил, правильно? — уточнила Света.

— Да, но это ничего не значит. Я чувствую! Я такая несчастная... несчастнее всех на свете.

— Лана, извини за идиотский вопрос, но... гм... у тебя часом не критические дни?

— Какое это может иметь отношение к...

— Очень большое. «Я несчастнее всех на свете», — типичное высказывание человека, находящегося в депрессии. Но ты по складу характера явно к ней не склонна, зато у тебя высокий

гормональный фон. Через неделю ты сама будешь удивляться, с чего вдруг ощущала себя несчастной.

Собеседница отчаянно затрясла головой.

— Нет, не может быть. Просто... просто именно сейчас, в такие дни, стало ясно, что Мише не нужно от меня ничего, кроме секса.

— Ничего подобного! Он сам недавно сказал, что очень ценит тебя... сейчас вспомню... за женскую интуицию и за то, что ты разбираешься в бизнесе. Они же все поехали к тебе.

— Кто?

— Мишка, Лагуновы и Дмитриевы. Разве нет?

— Нет. Он позвонил мне и сказал, что вернется очень поздно. Он сказал это таким тоном... будто мы живем вместе двадцать лет и я ему давно уже надоела. Он даже не объяснил мне, где он. И тогда я окончательно все поняла. Я возвращаюсь домой. Я не хочу быть ему в тягость!

— О господи! — улыбнулась Света. — В семейной жизни этаких размолвок будет тьма. То человек в хорошем настроении, то в плохом, а жить-то вместе приходится постоянно. Ты просто не привыкла. Конечно, он тебя любит, иначе не затеял бы развода.

— Он ничего и не затевал, — грустно сообщила Лана. — В качестве любовницы я была очень для него привлекательна, это да, но жениться он не собирался. Все случилось из-за того, что ты нас случайно застала.

— Из-за того, что у нас отстали стенные часы, — неожиданно вспомнила Света. — Даже странно, сколько событий из-за каких-то дурацких часов.

— Но страшно не то, что он не любит меня по-настоящему, — горячо продолжила гостья, — а то, что он любит тебя.

— Что-то незаметно.

— Он гордый, поэтому пытается от тебя скрыть, но от меня не скроешь. Он все время думает о тебе. У него вечно срывается с языка — «Светка, Светка». Он ревнует. Когда он узнал, что у тебя завелся любовник, чуть не сошел с ума.

— А кто ему доложил? — заинтересовалась Света.

— Полина. Ты же знаешь, она всегда рада испортить человеку настроение. Миша вышел на волю такой счастливый, а она позвонила и нарочно сказала. Я уверена, что нарочно! Она была не рада, что Мишу выпустили, совсем наоборот.

— Точно?

— Мне так показалось. Но дело не в этом. Ты простишь Мишу, да? Каждый мужчина иногда готов пуститься во все тяжкие, за это нельзя строго судить. Зато теперь он будет тебе самым лучшим на свете мужем, а я... кому какое до меня дело? Лишь бы он был счастлив, а мне все равно уже никогда, никогда не будет хорошо! Лучше бы мне умереть, чем так жить!

И Лана снова принялась рыдать.

— Вот что, — решила Света. — На тебе таблетки. По две штуки на ночь... ну, тут есть инструкция. Только не больше, это очень сильное средство. В таком состоянии оставаться опасно. А что касается Мишки... сейчас ты не можешь воспринимать ситуацию адекватно, но я скажу, а ты вспомни про это завтра. Мы расстались навсегда. Никогда и ни при каких обстоятельствах я больше не смогу жить с этим человеком. Я простила его... простила, как постороннего, понимаешь? Он перестал быть мне близким, и этого не переменишь. Но и я перестала быть близкой ему. Он вел себя сегодня со мной очень грубо.

— Потому что любит.

— «Бьет — значит любит»? — процитировала Света. — Меня это не устраивает. Может, переночуешь здесь? Давай я тебе постелю.

— Нет, — с ужасом выкрикнула Лана.

— Тогда куда тебя отвезти?

— Я сама... на метро.

— Тебе с таким лицом только в метро раскатывать. Так куда? Может, все-таки к Мишке?

— Нет, к маме.

Света не стала спорить. У Ланы в данный момент был не тот вид, который способен укрепить страсть мужчины. Надо же, кто б мог подумать, что девочка такая нервная? Прав Вадим, она, Света, совершенно не разбирается в людях.

На обратном пути затрезвонил мобильник. «Вадим», — дрогнуло сердце у Светы. Однако пророческие способности, подобно пронизательности, оказались не на высоте. Звонила мама.

— Что у тебя с Мишей? — строго спросила она. — Почему ты так себя ведешь?

— Как я себя веду? Ну, как?

— Не груби матери. Ты ведешь себя глупо и жестоко. Из-за каких-то дурацких подозрений ты портишь собственную семейную жизнь.

— Подозрений? — возмутилась Света. — Я застала его в постели с любовницей. Это, по-твоему, называется подозрение?

— Он мне этого не сказал, — удивилась мама. — Впрочем, все мужчины одинаковы. В таком случае ты правильно сделала, что хорошенько его помучила. Пускай неповадно будет. А теперь пора его простить. Честное слово, Светка, он раскаивается!

— Так ты что, его видела?

— Он просидел у нас весь вечер. Дети были счастливы! А ты, между прочим, за четыре дня так ни разу и не зашла. Стыдно!

— У меня, мама, такое настроение, что детям пошло бы только во вред, — объяснила Света, которой и вправду стало стыдно. — Я скоро их заберу, не волнуйся.

— Да пусть остаются, сколько хочешь. Вопрос-то не в этом.

— Мама, а Мишка ничего тебе не рассказывал? Ну, кроме как о моих ревнивых подозрениях?

— Жаловался, что ты много работаешь. Он прав, тебе надо беречь здоровье. Знаешь, Светка... да, у него есть заскоки, но он тебя по-настоящему любит. Другого такого ты не найдешь. Не забывай, ты ведь уже не юная девочка, к тому же мало кому нужны чужие дети.

«А Лана-то рыдала не зря», — с удивлением подумала Света. Она знала, что у мамы есть интуиция. Значит, Мишка оставил любовницу в одиночестве и отправился навещать детей, а заодно перетянуть на свою сторону тещу. То есть он явно не считает развод делом решенным. Но что можно поделать, если бывший муж стал чужим, а чужой человек — своим? Ничего.

Утром Свету разбудил телефонный звонок. Голос Вадима звучал взволнованно.

— Света... ты, наверное, еще не знаешь, что случилось?

— А что случилось?

— Убит Лагунов.

— Сергей Иванович? Не может быть! Убит? Именно убит?

— Более, чем, — странно ответил собеседник.

— Ты где? — уточнила Света.

— В «Интермаге».

— Я еду к тебе. Скоро буду.

Света собралась и домчалась за рекордное время. Вадим ждал у подъезда «Интермага».

— У тебя есть алиби на вчерашний вечер? — с места в карьер спросил он.

Света пожала плечами.

— Вскоре после того, как все от меня уехали, пришел ты. Во сколько это было?

— В восемь, а уехал я около девяти. После этого к тебе никто не заходил?

— Заходила Лана.

— Во сколько?

— В одиннадцать или пораньше.

— То есть часа два в твоём алиби пробел. Лана... с чего это вдруг ее принесло? Я начинаю ее подозревать. Кстати, она не явилась сегодня на работу под предлогом плохого самочувствия.

— Не под предлогом, а она действительно в жуткой депрессии, — объяснила Света. — Она решила расстаться с Мишкой, поскольку он якобы не любит ее по-настоящему, а любит меня. Вот из-за этого она ко мне и заходила.

— Ясно, — кивнул Вадим, заметно помрачнев.

— Я, естественно, сказала ей, что все это чушь и я к Мишке никогда не вернусь, — поспешила внести ясность Света. — А она рыдала, что она самая несчастная на свете — классический случай депрессии. Я дала ей успокаивающее... О, черт! Она не пришла на работу, так? Но по телефону хотя бы позвонила?

— Кажется, да, а что?

— Да дура я, вот что. Не надо было отдавать ей весь пузырек, а дать пару таблеток, и достаточно. Но я надеюсь, она не настолько переживает, чтобы покончить с собой? Дай-ка я ей позвоню.

Трубку сняла Ланина мама и сообщила, что дочка лежит больная и к телефону подойти не может.

— Больная? — обеспокоилась Света. — Какие симптомы?

— Плачет без конца и голова болит, — грустно откликнулась собеседница. — Я знаю, что у вас на работе снова несчастье, но она не может приехать. Я уж вашему милиционеру сказала, если надо, пускай приезжает сам.

Света согласилась, что это правильно, и облегченно вздохнула.

— Значит, Лана думает, Михаил Петрович не любит ее по-настоящему? — задумчиво повторил Вадим.

— Да. Не понимаю, с чего это ей взбрело в голову.

— Я-то как раз понимаю. Она — самостоятельная современная девица, привыкшая рассчитывать в жизни только на себя. Она гордится своею независимостью и активностью... а Михаилу Петровичу требуется прямо противоположное. Как бы она ни была сильно в него влюблена, характера не переделаешь.

— Ты хочешь сказать, я зависимая, старомодная и пассивная? — обиделась Света.

Вадим улыбнулся.

— Зачем впадать в крайности? — И тут же перевел разговор на другое. — Ты знаешь, я ведь приехал сюда специально, чтобы поговорить с Лагуновым. Только надо было сделать это вчера. Лагунов — мужик проницательный. Он и меня вычислил в два счета, и вообще... как он сам сказал, умеет слушать окружающих, а не только себя, любимого. Его странные намеки в разговоре с тобой... мне сразу показалось, он заподозрил, кто убийца.

— Тебе не показалось! — потрясенно воскликнула Света. — Он догадался, кто убийца, и этот убийца его убил. Какой мерзавец! Ладно, Витьку, тот сам напросился, но Сергея Ивановича... А Аня знает?

— Ей не могут дозвониться. Ни на домашний, ни на мобильный.

— Точно. Она поздно встает и отключает до утра все телефоны, а утро у нее начинается далеко за полдень. Боже мой, как же она теперь останется? Сергей Иванович так ее любил... Слушай, мне надо срочно к ней поехать.

— Зачем? — изумился Вадим.

— Как зачем? Рассказать ей, что случилось.

— Но зачем это делать тебе? — настаивал Силуянов. — У тебя что, своих проблем мало?

Света пожала плечами.

— При чем тут мои проблемы? А ты бы хотел, чтобы ей дозвонилась милиция и с ходу огорошила? Уж лучше я. Ох, как плохо!

— В любом случае тебя сейчас хочет видеть Родионов, — уклонился от ответа Вадим. — Идем!

Сотрудники «Интермага» толпились в холле, нервно переговариваясь. Среди них был и Мишка, утешал рыдающую на его плече Нину.

«Какой Вадим все-таки умный, — подумала Света. — Лана для Мишки слишком активна и независима, зато Нина — бальзам на его мужскую гордость». Как ни странно, эта мысль принесла некоторое успокоение. Было приятно знать, что бывший муж не мается в одиночестве, а... скажем так... находится под приглядом. Несмотря на Нинину кажущуюся пассивность, в ее способности приглядывать за понравившимся мужчиной сомнений у Светы не было.

— Родионов там, — сообщил Алеша. — Что за напасти, да? Просто не верится. Представляешь, Полинка собирается приехать! Я говорю: «Не надо, побереги себя», а она: «Нет, я должна оказать тебе моральную поддержку». Все-таки она удивительной души человек, правда?

Света сделала вид, будто приняла вопрос за риторический. Не сообщать же умиленному супругу, что удивительность его жены состоит совершенно не в том, что он предполагает, а прямо в противоположном. Наверняка она хочет посмотреть на все своими глазами из самого вульгарного любопытства.

— Светлана Николаевна! — радостно приветствовал вновь прибывшую Родионов. — А у меня для вас две новости — хорошая и плохая. С какой начать?

— С плохой, разумеется. Я и так вижу, что хорошая перевешивает. Хотя с трудом себе представляю, как при данных обстоятельствах это может произойти.

Капитан стер с лица улыбку.

— Да, вы правы. Я имел в виду не само преступление, а то, насколько оно касается вас. Плохая новость в том, что, скорее всего, убийца женщина.

— Почему? Как вы это определили? — удивилась Света.

— А вот смотрите. Сперва Лагунову нанесли удар тупым предметом по голове. Полагаю, вот этим, — Родионов указал на тяжелый магнит, на который складывали скрепки. — Потом убийца взял шнур и туго затянул на шее бесчувственного тела. Но и это не все! Тело отволокли в кладовку, обложили бумагами и подожгли. Впрочем, умер Лагунов не от ожогов, а от угара. В небольшом помещении кладовки бумаги медленно тлели, забирая последний кислород.

— Ох, — произнесла Света, схватившись за сердце, и села. — Вы хотите сказать, среди нас есть маньяк? Садист? Но Сергей Иванович хоть не мучился, да? Сразу потерял сознание и ничего не чувствовал? Ну, чего вы молчите?

— Так вы полагаете, это поступок маньяка?

— А неужели нормального? — мрачно осведомилась Света, у которой так и стояла перед глазами страшная картина. — Нормальный убил бы сразу... ну, если бы с первого раза не удалось, ударил второй раз в висок, чтобы уж наверняка. А этот... этот зверь... я не согласна, что это женщина! У женщин психика крепче, чем у мужчин, поверьте мне, как врачу. Женщина бы так не поступила.

— Как раз наоборот, — с удовлетворением возразил капитан. — Представьте себе убийцу Козырева, которого Лагунов вызывает на встречу в «Интермаг» и сообщает: «Я понял, что вы преступник, у меня есть доказательства, поэтому советую признаться во всем милиции». Убийца в панике хватает первый попавшийся тяжелый предмет... вот этот магнит... и бьет собеседника по голове. Но он не уверен, что убил Лагунова, что удар был достаточно силен. Кстати, удар и вправду не оказался смертельным. Что сделает мужчина? Ударит бесчувственное тело вторично, на сей раз изо всех сил, и тут уж наверняка убьет. Так?

— Так.

— Что сделали бы вы, врач? Ударили бы в висок... здесь не требуется много силы, достаточно точно выбрать место удара. В любом случае вы бы с легкостью определили, мертв Лагунов или только оглушен. Преступник этого определить не мог, ровно как и не мог ударить посильнее. Это человек физически слабый... женщина. Тогда он... она... вспоминает детективы, где женщины легко душат противника с помощью крепкого шнура, затянутого на шее. Убийца неумело — до предела неумело — затягивает шнур на шее Лагунова, но и тут не уверена, что справилась со своей задачей. Тогда она решает пойти другим путем, не требующим физической силы. С трудом дотаскивает тело до кладовки, она обкладывает его бумагами и поджигает, после чего покидает место преступления, оставив Лагунова, представьте себе, все еще живым. Поджог был тоже произведен неумело. Чудо, что бумаги не погасли. Они не горели, а тлели, и, работай в кладовке вентиляция, Лагунов бы не погиб. Вы поняли, в чем хорошая новость? Хорошая для вас... и, скажу честно, для меня.

— Поняла, — кивнула Света. — Живого от мертвого я бы уж как-нибудь отличила и куда ударить, поняла бы. Так вы меня больше не подозреваете?

— Можете считать, что нет, — гордо заявил Родионов. — Живите спокойно.

— Спасибо. А кого вы подозреваете?

Собеседник рассмеялся.

— Светлана Николаевна, вы неисправимы! Хватит с меня должностных преступлений, тайну следствия я раскрывать не собираюсь.

— Да мне и не надо, — со вздохом объяснила Света. — Просто хочу знать, что сказать бедной Ане.

— Ане? — вскинулся капитан. — Жене Лагунова?

— Ну, да. Я должна сейчас к ней поехать... рассказать, понимаете? Рано или поздно она ведь все равно узнает, что произошло.

— Она узнает об этом от меня, а не от вас, — сурово произнес Родионов. — Я сейчас завершаю работу здесь и отправляюсь к вдове. И попрошу вас пока ей не звонить, ясно? Езжайте куда угодно, только не к ней. Что, у вас своих проблем мало?

«Вот то же говорил и Вадим, — подумала Света без тени раскаяния. — Мужчины вообще гораздо умнее женщин. Наверное, именно поэтому в некоторых вещах они совершенно ничего не понимают. Аню и без того ждет страшный удар, так неужели я не должна по мере сил попробовать его смягчить?»

Впрочем, набрать Анин номер не удалось, поскольку за дверь встретил встревоженный Вадим.

— Все в порядке? — спросил он, пристально всмотревшись Свете в лицо.

— Со мной — да, — подтвердила она.

— А с кем — нет? — бестактно вмешалась Полина, одетая в короткое обтягивающее черное платье — очевидно, знак глубокого траура. Принесли ж ее черти!

— С Сергеем Ивановичем, например, — сухо ответила Света.

— Несчастный Сергей Иванович! — горячо воскликнула Полина, театрально заломив руки. — Он был такой замечательный человек! Его смерть — страшная, непоправимая утрата! Мы не смиримся с нею до конца наших дней!

Свету всегда удивляло, зачем некоторые женщины заламывают руки. Ей не верилось, что это и впрямь помогает в горе. В Полинино горе тоже не верилось. Значит, не смиримся с утратой до конца дней? И в чем же это будет выражаться? Нелепо не смиряться со случившимся фактом. Впрочем, Алеша, не замечая противоречий, смотрел на жену увлажнившимися от восторга глазами.

— Бедная девочка, — проворковал он. — Не надо так сильно переживать... хотя я понимаю, с твоей чуткой душой по-другому невозможно.

Полина нежно прильнула к мужу, не прекращая горестно стенать. Между тем слова о чуткой душе явно задела Нину. Только что казалось, она совершенно успокоилась, но теперь тоже принялась стенать и заламывать руки, правда, куда менее красиво, чем конкурентка. Очевидно, не такое уж это и простое дело, как кажется со стороны. На ее счастье, Мишка не привередничал, а, бросив самодовольный косой взгляд на Свету, вернулся к роли благородного утешителя.

Вадим явно не любил бразильских сериалов. Скривившись, словно от зубной боли, он живо вывел Свету из офиса и уточнил, едва они остались в одиночестве:

— Так ты вне подозрений?

— Да. Ужасно, конечно, что такой ценой. Мишка тоже вне подозрений. Он провел весь вечер у моей мамы, она не стала бы врать. Я рада, что он не виноват. Кстати, ты совершенно прав насчет него и Ланы, не такая уж у них и идиллия. Видел, как он обхаживает Нину?

— Это еще кто кого обхаживает, — ехидно заметил Вадим. — Ты не думаешь, что она положила на него глаз давно? Так сказать, убила одним ударом двух зайцев?

— Это как?

— Застрелила унижавшего ее Козырева и бросила подозрение на тебя, чтобы рассорить тебя с мужем.

— Но ведь сперва убийца бросил подозрение на Мишку! Если б Нина решали его заполучить, вряд ли посадила бы в тюрьму. А поссорила меня с мужем его измена, а не убийство. Нет, убила все-таки Полина. Лана говорит, Полина не была рада, что Мишку выпустили, и именно она сообщила ему, что у меня завелся... гм... в общем, ты.

Вадим хмыкнул.

— Завелся, говоришь? Звучит подозрительно. Нечто вроде тараканов. Что касается Полины... я тоже склоняюсь к ней. Она дамочка горячая. Узнала, что любовник ей изменяет, и застрелила в сердцах, решив свалить вину на Михаила Петровича. Лагунов, хорошо разбираясь в людях, в какой-то момент догадался обо всем и вызвал ее в «Интермаг» для откровенного разговора, а она его убила. Что касается дурацкой записки в твоём столе... Полина запросто могла ее подложить в субботу, когда они всей компанией под надуманным предлогом заявили к тебе в гости. Она же позвонила в милицию и измененным голосом сообщила, где именно эту записку искать. Тут есть определенная логика.

— Какая?

— Предположим, она знала, что Козырев ведет дневник, а там упоминается некая П. Пока милиция была убеждена в виновности Михаила Петровича, этот факт Полину не волновал. Она понимала, что искать и тем более внимательно изучать дневник никто не станет. Но когда виновность Михаила Петровича начинает вызывать сомнения, и особенно, когда его квартиру тщательно обыскивают, Полина пугается. Легко предположить, что дневник теперь найдут, П. свяжут с ее именем и поймут, что она любовница Козырева, ну, а любовницу такого ловеласа вполне естественно заподозрить в убийстве. Значит, надо подставить другую любовницу, на которую указывает больше улик. Тебя, поскольку твое имя начинается на С. и ты была на месте преступления. Тут-то Полина и подбрасывает тебе записку.

— Как здорово все сходится! — восхитилась Света.

— Да нет, — вздохнул Вадим, — к сожалению, не все. Например, откуда ей знать, что ты была на месте преступления?

— Подождала и увидела.

— Ждать рядом с домом, где ты только что застрелила человека, довольно странно. К тому же мы решили, что после преступника и Михаила Петровича у Козырева побывал еще некто... тот самый, который заново переставил виски и посадил труп на стул. Получается, этот некто Нина — больше некому, раз Полину мы зачислили в убийцы. Значит, было бы куда разумнее подставить Нину, а не тебя. О том, что она любовница Козырева, знал весь «Интермаг», а в твою связь с ним могли и не поверить. Зачем Полине так рисковать? Из особой ненависти к тебе? Но она куда больше ненавидела Нину и издевалась над ней, это подтверждают все. Да и здравый смысл подсказывает — ей было бы приятнее свалить вину на настоящую любовницу изменника, а не на фальшивую. И еще. Записка Светику понадобилась лишь после того, как энергичный Краузе неожиданно для всех сумел вытащить из тюрьмы Михаила Петровича. Откуда Полина могла знать, что все так обернется? Зачем она ее стащила? Что-то мне во всем этом не нравится.

— Да? — недовольно пожала плечами Света. — А кто же, по-твоему, убил?

— Есть еще Анечка, — задумчиво пробормотал Вадим.

— Ты что? — опешила Света. — Ведь вчера вечером убили Сергея Ивановича. — И глупо пояснила: — Он Анин муж.

— А по-твоему, мужей не убивают?

— По-моему, ты несешь чушь, — разозлилась Света. — Честное слово, так бы и накостыляла тебе по шее!

— Правда? — почему-то обрадовался Вадим.

Его реакция обозлила Свету еще больше. Она смотрела на собеседника, лицо которого расплывалось в невольной улыбке, и кипела, словно чайник, который давно пора снять с огня.

— Вот сейчас узнаешь, правда или нет! Аня ему, видите ли, не угодила! Я тебе еще вчера сказала — она хорошая! Ты мне, значит, не веришь, так? Я, значит, вру?

Она уже вцепилась в локти собеседника, собираясь гневно его потрясти в самом буквальном смысле этого слова, и лишь тут спохватилась. Что за несчастье иметь вспыльчивый характер, за которым вечно нужно следить! При общении с Мишкой или мамой она старалась не забывать об этом дурацком своем свойстве, а по отношению к посторонним оно обычно не проявлялось, вот бдительность и притупилась.

— Извини, — попросила прощения Света. — Я не должна была так себя вести. Не знаю, что на меня нашло.

Вместо ответа Вадим неожиданно взял и поцеловал ее в щеку, но тут же отпрянул, торопливо заговорив:

— Я не утверждаю, что Аня виновна, но исключать этого нельзя. Ты же не станешь утверждать, что она безумно влюблена в своего мужа и не видит без него жизни?

— По крайней мере, без него ей будет житья куда труднее, — подумав, заявила Света. — Он ограждает... ограждал ее от забот.

— Да, но у нее недостаточно ума, чтобы это понять. Зато она понимает, что он мешает общению с любимыми родственниками. Кстати, еще один момент. Лагунов очень хорошо обеспечил жену на случай своей смерти. Это мне сказал Алеша Дмитриев, который будет вести теперь ее дела. Бедный Сергей Иванович и об этом позаботился. Он понимал, что если оставить Анечку без присмотра, она сумеет разориться даже при самом большом доходе.

— Вот ты и попался! — с торжеством вскричала Света. — Почему убили Сергея Ивановича? Он вычислил преступника и угрожал выдать его милиции. А Аню он так любит, что ни за что бы ее не выдал, будь она хоть трижды убийцей! Ничего у тебя не сходится!

— Я и не утверждаю, что тут нет противоречий, — кивнул Вадим. — Все четыре версии представляются мне небесспорными.

— Четыре? Полина, Нина, Аня...

— Лана.

— Лана? — изумилась Света. — А при чем здесь она?

— Не вижу причины ее исключать. Может, и она была любовницей Козырева.

— Она была любовницей Мишки, — напомнила Света.

— Боюсь, одно другому не мешает.

— Мешает. Она нормальная, порядочная женщина, а не какая-то проститутка. Нет, не верю.

— Ну, могли быть и рабочие мотивы.

— Лана — рядовой сотрудник и просто по статусу не имела возможности совершить настолько серьезные махинации, чтобы ради них стоило пойти на убийство. А если она что-нибудь и совершила бы, Мишка бы помог ей замести следы. Все-таки он с нею спал.

— Не похоже, чтобы он считал своим долгом горой стоять за женщин, с которыми спал, — сухо прокомментировал Вадим и окинул Свету взглядом, от которого она вдруг покраснела, словно уличенная в адюльтере, и, разозлившись сама на себя, поспешно заявила:

— Но вчера вечером Лана приезжала ко мне и была в самой настоящей депрессии, это я точно говорю!

— Полагаю, любой человек сразу после убийства находился бы в депрессии. А вот алиби у нее нет, правильно?

— Но зачем ей сразу после убийства приезжать ко мне и рассказывать о своих чувствах к Мишке? Казалось бы, ее должны были волновать более серьезные проблемы.

— Вот именно, — согласился Силуянов. — В том-то и сложность, что нет ни одного полноценного варианта. Какой-то кусок мозаики отсутствует, понимаешь, и это не позволяет сложить правильную картинку.

— Да нам теперь и не нужно, — махнула рукой Света. — Меня не подозревают, Мишку тоже, а про остальное пускай голова болит у милиции, разве не так?

— А меня всегда мучает дело, не доведенное до конца, — вздохнул Вадим. — Тебе не хочется узнать, кто виноват?

— И что делать, — продолжила Света список исконно русских вопросов. — Нет, не хочется. Выяснится, что это кто-то из знакомых... сплошное расстройство! Лучше не знать.

— Но ведь оттого, что ты не знаешь, этот человек не перестанет быть убийцей.

Логичность данного заявления Свету поразила, однако до глубины души не дошла. Вот если виновата Полина, тогда ладно, а если Аня, Нина или Лана... они и без того несчастные, куда еще навешивать на них преступления? Ни одна из них не годится. Но кто-то ведь действительно ударил Сергея Ивановича по голове, затянул у него на шее шнур, а затем обложил бумагами и поджег. Ужасно! Может, все-таки это сделал посторонний?

— Ты права, — прервал Светины размышления Вадим. — Не морочь себе голову и прекрати расстраиваться. Давай сходим в кафе и отпразднуем твою непричастность.

— Не могу, — вздохнула Света. — Я поеду к Ане.

— Родионов же запретил.

— Он запретил мне встречаться с ней до него, а не после. Я подожду, пока он уйдет. Аню нельзя оставлять одну после такого известия. Ей нужна поддержка... ты же знаешь ее характер.

— Ты действительно веришь, что реально оказать поддержку человеку в столь страшной ситуации? — серьезно спросил Вадим.

— Может, и нереально, но пока не попробуешь, не узнаешь, — объяснила Света.

Похоже, ее довод собеседника убедил.

— Значит, я с тобой.

— Нет, тебя она будет стесняться.

— Ну, тогда будь осторожна. Не то чтобы я считал Аню убийцей, но тем не менее...

— Разумеется, — кивнула Света, не собираясь спорить — равно как, впрочем, и осторожничать. Это с Аней-то? Смешно. Она хорошая.

Милицейская машина стояла у подъезда Лагуновых, а свою Света припарковала поодаль. Вот выходит Родионов с каким-то типом... слава богу, без Ани, а то после дурацких предположений Вадима даже страшно было, что девочку арестуют. Бедная Аня, что она сейчас чувствует? Что бы чувствовала Света, если б у нее погиб кто-нибудь из родных? В голове не укладывается.

Аня не плакала. Более того, она выглядела красивой, как никогда. Глаза стали огромными, в пол-лица, и трогательно-изумленными.

— Этот человек сказал, что Сережу убили, — тихо и отстранено произнесла она вместо приветствия. — Это правда?

Свете стало не по себе. Она вдруг поняла, насколько мудр был Вадим, протестуя против нелепой идеи явиться с утешениями. Все получится наоборот. Сейчас Аня словно бы не верит в случившееся, ее психика заблокировала ужасную информацию, и это правильно, поскольку помогает выдержать стресс. Но стоит ответить: «Да, Сережа мертв», и одному богу известно, какова будет реакция. Поэтому Света молча и глупо пяtilась в сторону лифта... мол, извините, ошиблась этажом, и вообще я — это не я, а случайный прохожий. Больше всего на свете хотелось провалиться сквозь землю.

— Я думала, ты пришла мне объяснить, — все с тем же кротким недоумением продолжила Аня. — Я думала, хоть кто-нибудь меня не бросит... ты или Полина. Я не умею сама. Ты что, совсем уходишь?

— Ох, — вздохнула Света, схватившись за мигом заболевшее сердце, — я не уйду, нет. Как ты себя чувствуешь, Анечка?

— Не знаю. Этот человек хотел, чтобы я поехала смотреть мертвое тело. Я не хочу, и пускай меня не заставляют, хорошо? Я боюсь мертвых, — голос наконец выразил какие-то чувства, перестав быть отстраненным. — Я однажды видела мертвого, я больше не хочу! Он ведь не может меня заставить, этот человек?

— Пусть только попробует, — угрожающе заметила Света. — У тебя нервный шок, тебе нужен покой. Я как врач ему это скажу.

— Покой? А я совершенно спокойна, Света, честное слово. Я почему-то не расстраиваюсь вовсе... нехорошо, да? Я только не знаю... мне что теперь делать? Ты не знаешь?

— Прилечь и отдохнуть, — посоветовала Света.

— Но я не хочу. Я совсем недавно встала. Даже позавтракать не успела.

— Значит, позавтракай.

— Но я не хочу, — с искренним удивлением сообщила Аня. — Даже думать про это противно. Сразу тошнит.

— Включи компьютер и поиграй. Это отвлекает.

— Нет, не хочу. И в фитнес-центр не хочу. Что ни вспомню, ничего не хочу. Что мне делать, Света?

— Да уж не идти в фитнес-центр, — пробормотала Света, понимавшая, что подобный поступок в случае чего произвел бы на следователей самое невыгодное впечатление. Они решили бы, что Ане безразлична смерть мужа, а это не так. Или так?

— А что бы ты делала, Аня, если б не... не это известие?

— Ну, — оживилась Анечка, — я бы сперва поела. Сделала бы себе такие здоровские бутерброды в микроволновке, с ветчиной, брынзой и помидором. Меня Сережа научил. Потом поплавала бы в интернете. Там можно найти такие интересные штучки... мне вон Сережа записал на бумажке, как это делается. Потом поехала бы в фитнес-центр, чтобы похудеть. Сережа говорит, я и так самая красивая, но я-то знаю, что типа толстая. Ему бы понравилось, если б я стала еще красивее, он же не слепой. А потом вернулась бы домой и стала его ждать. Ты знаешь, день проходит так быстро... только встала, уже ложишься. Не знаю, как это другие женщины успевают работать, да еще детей имеют? Я бы не смогла. А сейчас думаю, лучше б я работала. Пошла бы на работу, вот время бы и истратилось. Может, мне в «Интермаг» поехать? Алеша умный, он меня научит.

Света нерешительно пожала плечами. С одной стороны, после отказа опознать тело посещение «Интермага» покажется чуть ли ни вызовом в адрес милиции. С другой... с другой —

Аню требуется хоть чем-нибудь занять. Жизнь ее в одночасье потеряла смысл, а искалеченная дурной наследственностью психика вряд ли сумеет легко привыкнуть к новым условиям.

Проблему решил звонок Светинового мобильного.

— Это Леша Дмитриев. Света, ты далеко? Ты не можешь срочно приехать в «Интермаг»? У нас тут сложности... с Мишей.

— Хорошо. А что случилось?

— Я не могу больше поговорить. Поторопись, ладно?

Отбой.

— Я с тобой, можно? — жалобно попросила Анечка.

— Можно.

Девочка так искренне обрадовалась, словно была ребенком, которого неожиданно освободили от необходимости стоять в углу. Но в машине лицо ее снова омрачилось.

— Света, — произнесла Аня, и в голосе ее звучал искренний ужас. — Это что, теперь так будет каждый день, да?

— Как? — не поняла Света, мысли которой успели перенестись к загадочным сложностям, связанным с бывшим мужем.

— Так, — доходчиво объяснила собеседница. — Я каждый день так не хочу... не могу.

— Любое горе постепенно смягчается.

— Горе? — удивилась Аня. — Какое горе? Мне просто ничего не хочется. Совсем ничего. Даже есть. Про что подумаю, мне сразу тошно. И в «Интермаг» твой не хочу, не надо меня туда везти. Что там делать без Сережи? Нечего.

Света вспомнила иронический тон Вадима, произносящего: «Ты же не станешь утверждать, что она безумно влюблена в своего мужа и не видит без него жизни?» Насчет безумной влюбленности судить трудно, а вот жизни без Сергея Ивановича Аня действительно не видит. Жаль, что у них нет детей... или не жаль, наследственность — суровая вещь. Даже Андрей, и тот с отклонениями, слава богу, несерьезными...

— Слушай, а ты навести Андрюшу, — осенило Свету. — Он у тебя умный, он поможет.

— Поворачивай! — вскричала Анечка, хватая спутницу за руку так сильно и неожиданно, что автомобиль чуть не врезался в поребрик, и искренне посетовала: — Чего ты мне сразу-то не сказала? Андрюха станет жить у меня, точно... и Танечку возьмем, а может, и Антошку. Быстро гони туда.

— Я не могу, мне срочно нужно в «Интермаг».

— Ничего не случится, если сперва отвезешь меня, — возмущенно отрезала Аня.

— Алеша велел поторопиться, — покачала головой Света. — Езжай на метро, до метро я тебя подброшу.

— Только о себе и думаешь, — укорила Анечка, однако вынуждена была согласиться. Света высадила ее у метро и рванула в «Интермаг».

В офисе она застала лишь Мишку с Ниной и Алешу с Полиной. Все четверо выглядели разгоряченными, особенно Мишка. На его щеках горели красные пятна, и встретил он гостью недружелюбным:

— А тебя кто сюда звал?

— Я, — тут же сообщил Алеша, не дав Свете огрызнуться. — Давайте спросим мнение Светы. Она хорошо представляет себе ситуацию.

— Спроси мнения женщины и поступи наоборот, — процедил Мишка. — Я вообще отказываюсь обсуждать эту тему в ее присутствии. Не ее это дело.

— Ну, если ты поступишь, как собираешься, — осторожно заметил Алеша, — данная тема будет обсуждаться весьма широко. Света так или иначе узнает, а заодно и все сотрудники. Тебя это порадует?

— Меня ничто уже не порадует, — отрезал Мишка.

— Не надо так, Михаил Петрович, — жалобно пролепетала Нина. — Я так хочу, чтобы вам было хорошо... я бы все за это отдала!

Мишка расправил плечи и втянул живот... вот дурак-то, прости его господи! И как Света могла с ним жить? А Нина, приободренная реакцией, продолжила:

— Вы настоящий мужчина... сейчас так мало настоящих мужчин, почти нет... Другой бы из мести позвонил в милицию и злорадствовал потом, но не вы. Вы будете переживать, я знаю. Вам тяжело нанести удар женщине, даже если она кругом перед вами виновата. Вы — рыцарь.

— Дело не в том, что она виновата передо мной, а в том, что она убийца, — ласково положив руку Нине на плечо, без прежнего энтузиазма произнес Мишка.

— Кто убийца? — вздрогнула Света.

— Лана, — охотно известила Полина. Свете показалось, она единственная из всех отнюдь не расстроена, а упивается ситуацией. Впрочем, Полина всегда была врединой, только при чем здесь Лана?

— С чего вдруг Лана убийца?

— У нее на столе Миша обнаружил интересный документ, — пытаюсь умерить злорадство в голосе, ответила собеседница. — Написанную Витиной рукой инструкцию о том, какие именно связанные с Мишей вопросы она должна выяснить. Компьютерный пароль, например, и... ну, что там еще? Я не очень разбираюсь в бизнесе.

— Теперь я понимаю, каким путем Витька раздобыл на меня компромат! — взвился Мишка. — Теперь я все понимаю! Эта стерва никогда меня не любила! Я всегда чувствовал это, а теперь убедился! Она соблазнила меня по его указанию... она вкралась ко мне в доверие, чтобы выпытать всю подноготную. Она убийца!

— Она предательница, но не убийца, — робко возразила Нина. — Зачем ей убивать союзника? Простите ее, Михаил Петрович, ей и так плохо! Она раскаивается, я уверена.

Мысли Светы разбегались. У Ланы обнаружена Витькина инструкция? Значит, она его любовница? Хотя вряд ли... скорее, она собирала на Мишку компромат ради денег. Витька заплатил ей, но мало... не зря на месте преступления валялись доллары. В гневе она швырнула их в лицо обсчитавшему ее начальнику и застрелила его. Нет, чушь! Лана выдержанная и спокойная, она не потеряла бы головы из-за подобных пустяков. Получается, она Витьку любила... уж любовь-то — не пустяк. На как тогда она могла спать с Мишкой? Как Витька ей это позволил? А Сергея Ивановича... его тоже убила Лана? Невероятно. Нина права, пускай Лана предательница, но никак не убийца!

— Ниночка, тебе с твоим характером этого не понять, — прервал молчание Мишка. — Она — хитрая и злобная авантюристка. Она ни минуты меня не любила. По наущению Витьки она решила разрушить мой бизнес и мою семью. Не знаю, что он обещал ей за это, но обещания не выполнил, и она застрелила его, свалив вину на меня. Я сразу чувствовал в ее поведении что-то нарочитое, но события завернулись так быстро, что я не успел сообразить сразу. Не понимаю, почему вам всем так хочется покрывать убийцу. Я сейчас же звоню Родионову и рассказываю про Витькину записку... и, можете не сомневаться, он-то сразу поймет, что к чему, и засадит мерзавку в тюрьму.

— А может, позвонить сперва Лане? — предложила Света. — Вдруг она все объяснит.

— Звонили, — вздохнул Дмитриев. — Никто не подходит к телефону... наверное, отключен. Я тоже считаю, прежде чем подставлять человека милиции, нужно выяснить все обстоятельства. Ну, подумайте сами! Если Лана хитрая авантюристка, неужели она оставит на собственном столе уличающую ее записку?

— Была испугана... не сообразила, — упрямо гнул свое Мишка.

— Сообразила, как свалить на тебя вину, как убить Сергея Ивановича, но не сообразила спрятать улику? Зачем она вообще вдруг вытащила эту записку на всеобщее обозрение? Давно должна была бы сжечь.

— А имя там стоит? — перебила Света. Действительно, она ведь сама не так давно попадала в схожую ситуацию. Родионов нашел дурацкое уличающее письмо в ящике ее стола.

— Нет, совершенно безликая инструкция. В том-то и дело, что определенности нет. Но милиция ухватится за удобную версию и начнет терзать несчастную Лану, которая и без того в депрессии... а заодно станет трясти нас всех. Давайте не выносить сор из избы, это никому не принесет пользы. Сперва разберемся сами, а потом уже сообщим в милицию.

— Мне лично все ясно, — холодно заметил Мишка.

— Одному тебе и ясно, — вмешалась Полина. — Ущемленное мужское самолюбие, вот как это называется. С тобою даже Нина не согласна. Нет, Леша прав. Сперва выясним сами, а потом уже будем огород городить... тебе что, Миша, хочется выглядеть перед всеми дураком? Весь

«Интермаг» будет над тобой смеяться, что ты решил засадить в тюрьму женщину за то, что ей удалось обвести тебя вокруг пальца.

Света пыталась ухватить ускользающую мысль... Второй раз записка, нелепо оставленная там, где ее легко найти, и непонятно, кому адресованная. Для случайного совпадения это слишком. Кстати, а почему ее не обнаружил Родионов? Он наверняка осматривал стол Ланы, как же иначе? Да потому, что улика появилась там позднее. Ее подсунули, подсунули Лане точно так же, как недавно Свете! Кто? Да Полина, разумеется. Она была любовницей Витьки, в порыве ревности убила его, а затем и Сергея Ивановича, который заподозрил истину. Сперва она пробовала спихнуть свою вину на Мишку, потом на Свету, а теперь на Лану. Но почему тогда Полина против звонка в милицию? Наверное, она задним числом поняла свой просчет. Как и Света, она догадалась, что Родионов знает — с утра записки на столе Ланы не было. Он сообразит, что улику подбросили, и поймет, кто именно. Преступница Полина, это очевидно. Надо же, и ни следа раскаяния! Вид у Полины на редкость довольный. Что же теперь делать? Звонить Родионову и выложить все, как есть?

Света поморщилась. Что-то крайне неприятное чудилось ей в подобном решении. Алеша разумно советует сперва разобраться самим, а потом уже вмешивать милицию. Не исключено, что Полина ни в чем не виновата, а записку подбросила, например, Нина. Или все-таки Полина?

— Полина, ты не выйдешь со мной на минуточку? — попросила Света. — У меня к тебе женский разговор.

Присутствующие несколько опешили. Света поняла, что следовало действовать потактичнее, однако было уже поздно. Полина, снисходительно передернув плечами, проследовала в кабинет.

— Ну, в чем дело? Только давай побыстрее.

Она произнесла это настолько требовательным тоном, что Света невольно почувствовала необходимость торопиться и выпалила:

— Это ты подложила на стол Ланы записку?

— Это и есть твой женский разговор? — скривилась Полина. — У тебя просто крыша поехала.

Она повернулась, чтобы выйти, и Света поспешно добавила:

— Ты ведь была Витькиной любовницей. Он написал записку с указаниями тебе, да?

Полина снова села, лицо ее перестало сиять торжеством, однако голос был по-прежнему тверд.

— Если ты завела любовника, едва муж оказался в тюрьме, это еще не значит, что все женщины — шлюхи, — сквозь зубы процедила она. — Я никогда не изменяла мужу, заруби себе это на носу.

— Полина, отрицать бесполезно, — с некоторым сочувствием объяснила Света. — Витька писал о тебе в дневнике, к тому же тебя видела Нина... видела, как ты заходила к Витьке.

— Да, я бывала пару раз у Вити дома, — помолчав, кивнула собеседница. — По делам. Это еще ничего не значит.

— У него в дневнике прямо написано, что вы... короче, все написано. Скажи лучше правду. Это ты застрелили Витьку? Больше никому.

— А почему тогда не ты? — с ненавистью спросила Полина. — Я уйду. — Но она не двигалась с места. — Я не намерена выслушивать твои оскорбления. В день убийства мы с Лешей провели весь вечер вдвоем.

— Может быть, — невинно предположила Света, — прочтя Витькин дневник, Алеша изменит свои показания? Ему как мужу будет безразлично, что там написано.

Разумеется, Света вовсе не собиралась раскрывать Алеше глаза на шашни его жены, но уж очень хотелось хотя бы на минуту сбить с нее спесь.

Результат превзошел самые смелые ожидания.

— Ты не сделаешь этого, — тихо произнесла Полина мигмом побелевшими губами.

— Почему? — лицемерно удивилась Света. — Ты ведь сейчас не хочешь сказать мне правду, а Алеша тебя заставит.

— Он не простит меня, — прошептала Полина еще тише, остановившимся взором глядя вдаль, и вдруг резким движением упала на колени.

— Ты что? — в испуге вскрикнула Света, отскочив. Уж очень все было странно.

— Я прошу тебя, — быстро и сбивчиво заговорила собеседница. — Я скажу всю правду, только не говори Леше. Пусть он считает меня кем угодно... стервой, убийцей... он простит мне это. Только не измена, да еще с этим сладким ничтожеством. Светочка, ты ведь добрая, правда? Ты не сделаешь этого... не разрушишь мою жизнь... мою и его... нашу. Светочка, милая, хорошая...

— Погоди, — почти силой подняла ее с колен Света, испуг которой все усиливался. — Так ты что, любишь Алешу? Правда любишь? Но зачем тогда Витька?

— Потому что я дура, — с непередаваемой горечью ответила Полина. — Считала себя самой умной, а на самом деле настоящая дура... хуже Аньки. Я ведь знала, что люблю Лешу... я такие бои выдержала, чтобы выйти за него...

— Бои?

— Ты хоть знаешь, из какой я семьи?

— А, — поняла Света, — у тебя, как у Ани, тяжелое детство, да? Я сразу думала, что дело в этом.

— Тяжелое? — вздернула брови Полина, даже в нынешней ситуации не утратив язвительности. — Не спорю, детство, проведенное в школе для детей дипломатических работников, является тяжелым, но никак не в Анечкином смысле.

— Твой отец что, дипломат?

— И не в первом поколении. Мама хотела, чтобы я вышла замуж в своем кругу... у нее было несколько подходящих кандидатур... а я влюбилась в Лешу. Она до сих пор не простила мне мезальянса. Папа бы простил, а она нет. Конечно, чисто формально они поддерживают с нами отношения, но не более того. В тот круг, к которому я привыкла, меня больше не пускают и не пустят, пока я с Лешей. Я для них неблагодарная дура. Но я все выдержала, потому что по-настоящему любила Лешу. Это чувство раз и навсегда, понимаешь?

— Нет, — вырвалось у Светы. — Ведь Витька... и вообще...

— Говорю же, я дура, — мрачно сообщила Полина. — Лешину доброту... его любовь ко мне, в конце концов... я стала принимать это за слабость. Мне было стыдно, что я потеряла голову из-за такого ничтожества. И чем больше я о этом думала, тем больше злилась и пилила его, а он терпел. Я думала, он терпит по безволию и тупости, а тут еще Витя подливал масла в огонь. Витя умел обращаться с женщинами, сама знаешь. И потом, хотелось поставить на место эту Нину, которая черт знает что о себе воображала. К тому же Витя обещал, никто ничего не узнает... мы, мол, будем очень осторожны. Вот я и сломалась. А, думаю, все равно. Леша оказался не тем, что мне нужно, так чего бы не развлечься?

— А в тот вечер... в тот самый... что было? — осторожно спросила Света.

— Я пришла к Вите домой, как мы условились, в восемь. Я специально забежала днем в «Интермаг», чтобы с ним условиться.

— А Леша не удивился, что ты вечером куда-то отправилась?

— Я сказала, иду прогуляться. Я не очень-то с ним церемонилась. Прихожу, а дверь открыта, и Витя лежит на полу весь в крови.

— На полу? И что ты сделала?

Это совпадало с версией Мишки. «Витька лежит на полу с дырой в груди», — вот что он говорил. А когда приехала Света, Витька почему-то сидел за столом.

— Я убедилась, что он мертв, и поняла, что его застрелили. Рядом валялся носовой платок в вульгарную клетку... такие носит только твой Миша. Я сразу все поняла. У Миши есть ружье. Он застрелил Витю, в панике потеряв платок. Это сделал именно он... мне так казалось, понимаешь? Искренне казалось. Я ведь лично видела, как они поругались, даже подрались, к тому же знала от Лешы, что у них производственный конфликт. Я хочу, чтобы ты поверила мне... я была по-настоящему убеждена, что убил Миша... любой на моем месте был бы убежден. Я собиралась вызвать милицию, а потом вдруг представила... Они спросят, зачем я пришла к Вите, поймут, что я его любовница, и заподозрят, что я его убила. Витя, он похож на того, кого убьют из ревности, а не по работе. Или пусть меня даже не заподозрят, все равно затаскают по инстанциям, заставляя повторять, что я изменяла мужу... каково будет Леше это слышать? Пускай лучше милиция сразу поймет всю правду... в смысле, правду об убийстве, а в остальное им лезть ни к чему. Зачем им я, если я не имею к преступлению ни малейшего отношения? Поэтому я поставила на стол бутылку виски и два стакана... раз Миша, убив, унес свое ружье, пусть хотя бы виски укажет милиции, кто

виноват... и еще я посадила Витю к столу, чтобы стало ясно, что они с Мишей вместе пили. Я боялась, милиция не обратит внимание на платок... им ведь неоткуда знать, что он не Витин, валяется себе тряпка и валяется... поэтому я сунула платок Вите в карман. Во всех детективах содержимое карманов убитого изучают особенно тщательно. Теперь понимаю, это была глупость с моей стороны, но я очень нервничала и плохо соображала. Больше я ничего не делала. По ковру были разбросаны доллары, я их не тронула. Я сделала все очень быстро и убежала. Я не считала, что поступаю плохо. Я помогала милиции, стараясь не навредить себе самой. Разве кто-нибудь сделал бы больше? Ты бы хотела, чтобы я разрушила собственную жизнь, признаваясь Леше в измене? Нашла дуру! Я ведь не переставала его любить, Света. Витя — временное затмение, оно ничего не значит. За последние дни я поняла это совершенно точно. Леша как раз такой, за которого я выходила замуж... решительный, умный и благородный. Благородство его так велико, что не всегда позволяет проявлять решительность и ум, чтобы не унижать других, но когда это нужно, он может все. Ты ведь видела, какой он?

Света, растерянно кивнув, спросила:

— Так записка на столе у Ланы... она адресована не тебе?

— Думай хоть иногда мозгами, — заявила Полина голосом, сразу утратившим нежность. — Какой смысл Вите требовать именно от меня, чтобы я узнавала Мишины рабочие секреты? С Мишей я общаюсь редко, в «Интермаге» бываю еще реже, к тому же ничего не понимаю в бизнесе. Лана или Нина — другое дело, у них есть кое-какие возможности, но никак не у меня. А Витя был реалистом.

— Значит, Нина, — вырвалось у Светы.

— Так ты считаешь, записку Лане подбросили, а наша красотка чиста, словно ангел во плоти? — оживилась собеседница. — А я не согласна. Уж очень резко она вдруг стала липнуть к Мише... знала его несколько лет, и вдруг ни с того ни с сего страстно влюбилась? Прости, но твой Миша не Витя, которому достаточно было поманить пальцем.

— Дело не в Мише. Может, я неправильно рассуждаю... — неуверенно произнесла Света. — С утра приходила милиция, они наверняка внимательно осматривали офис?

— Да. Леша сказал, они перерыли все столы, и в бумагах теперь не наведешь порядок и за неделю. Погоди... Перерыли столы, а инструкцию от Вити не заметили? Чуть! Слушай, а ты, оказывается, не дура. Теперь я понимаю, почему Леша не хочет звонить в милицию. Он понял все гораздо раньше нас, не то, что твой глупый Миша. — Полина окинула Свету самодовольным взглядом. — Я еще удивлялась, неужели Леша так заботится о красотке Лане? Вообще-то он никогда не смотрел на сторону, я бы заметила. А ему до Ланы дела нет, он просто-напросто не хочет, чтобы мы выглядели перед милицией идиотами. Капитан Родионов догадается, что записку подбросили после его ухода, и выведет нас на чистую воду. Нина подбросила, больше никому. Это что же получается, Леша заботится о Нине? Льстивые тихони, они как раз самые опасные.

Полина прищурилась, сжав губы в тонкую нить.

— Да о тебе твой Леша заботится! — не выдержала Света. — Он боится, что записку подложила ты, вот и пытается спустить дело на тормозах, даже меня для этого вызвал.

— Я? — повторила Полина несчастным тоном. — Почему я? Он ведь не подозревает, что я и Витя... откуда ему подозревать, Света?

— А почему тогда он обеспечил тебе фальшивое алиби? Кстати, это была чья инициатива?

— Моя, — жалобно призналась собеседница. — Я попросила его... мол, чтобы меня в милицию не таскали.

— Ну, вот, он и заподозрил, что дело нечисто. Уверенности у него, надеюсь, нет, — поспешила хоть чем-то утешить Света, — а подозрения есть. Он боится, что, если привлечь внимание милиции к подброшенной Лане записке, милиция все выяснит и превратит подозрения в уверенность. Раз есть вероятность, что виновата ты, он предпочитает ничего не предпринимать.

— Надо убедить его, что виновата Нина, — задумчиво пробормотала Полина. — Но сделать это аккуратно, не наводя на ненужные мысли. Вот тихоня-то, а? Значит, она и есть убийца. А еще глазами хлопает: «Ах, пожалейте бедную Лану!»

— Если она убийца и хочет свалить вину на Лану, то ведет себя довольно странно.

— Потому что дура, — с глубокой убежденностью констатировала Полина. — Умных женщин очень мало. Ладно, пойдем, а то Леша там с ума сходит.

Алеша и впрямь заметно нервничал, хоть и выглядел удовлетворенным — на пару с Ниной ему удалось уговорить Мишку ничего пока не предпринимать.

— Нина, давай я отвезу тебя домой, — хитро предложила Света, решив выяснить все до конца.

— Я сам ее отвезу, — тут же возразил Мишка.

— Михаил Петрович! — ахнула Нина, прижав руки к груди. — Разве можно быть таким внимательным? Мне просто неловко.

— Ничего особенного, — возразил Мишка, расправляя плечи.

«Ах, так!» — возмутилась про себя Света, а вслух произнесла, прямо глянув Нине в лицо:

— Да, мужчины часто невнимательны. Они не замечают вещей, очевидных для женщины.

Взять хотя бы эту записку...

Нина изумленно расширила глаза, а Полина со светской улыбкой проворковала:

— Света права. Мы с нею обсудили некоторые моменты и многое поняли.

— Что именно? — хмуро поинтересовался Мишка.

— У женщин свои секреты, Мишенька, — ехидно продолжила Полина. — Правда, Нина, мужчинам вредно слишком многое о нас знать? Меньше знаешь — больше любишь.

Нина явно пребывала в растерянности. Света вдруг поняла сложность ее положения. Если та поедет с Мишей, разозленная Света может выдать ему Нинины тайны, а если откажется, станет ясно, что она чего-то боится. Порочный круг!

На помощь, как ни странно, пришел Алеша.

— Миша, нам ведь надо срочно обсудить будущее «Интермага», иначе он развалится. Очень хорошо, что Нину есть, кому отвезти. Как ты считаешь, какой процент заказов мы потеряем ближайшее время и что надо предпринять, чтобы этот процент стал ниже?

Мишка, тяжело вздохнув, сел за стол и вытащил какие-то документы, а Света подхватила Нину и была такова.

В машине надрывался брошенный на сиденье мобильник.

— Вадим? Что-то случилось?

— Где ты была? — раздраженно поинтересовался собеседник. — Целый час звоню. С тобой все в порядке?

— Все нормально. Я была в «Интермаге», меня Алеша попросил приехать. Тут такие дела... короче, не телефонный разговор. Ты где?

— На работе. Ладно, все равно сегодняшний день пропавший. Езжай домой, я подъеду туда же. Буду через полчаса.

— Давай через час, — попросила Света. — Я должна отвезти Нину.

— С чего это вдруг? — подозрительно осведомился Вадим.

— Да так, — ответила Света, нажимая отбой. Все равно сейчас ничего не объяснишь, так стоит ли пытаться?

— Счастливая ты, — тихо заметила Нина. — Был один муж, теперь будет другой. Вроде ничего в тебе особенного, а везет, и все тут.

— Пока что о другом муже речи нет, — объяснила Света.

Нина встрепенулась.

— То есть... ты, значит, решила оставить Михаила Петровича при себе? Я правильно понимаю?

— О господи! Конечно, нет. Бери и пользуйся. Ты это имеешь в виду?

— Если ты решишь к нему вернуться, мои шансы нулевые, нечего даже мучиться. Так ты к нему не вернешься, правильно?

— Ни при каких обстоятельствах. Нина, что ты творишь? Витьку ты любила, любовь оправдывает многое, но теперь...

— А теперь я люблю Мишу, — с вызовом заявила Нина. — Он добрый и сильный. Я буду ему хорошей женой. Я вообще буду хорошей женой, даже самому плохому мужу! Мне все всегда говорят: «Ты создана для семейной жизни». Я не понимаю, почему они не хотят жениться! Я ведь любила их... у меня было не так много мужчин, и каждого я очень сильно любила. Готова была всем пожертвовать ради него, понимаешь? Но ни один из них не захотел на мне жениться. Почему?

— Возможно, потому что ты и без этого готова была всем ради него пожертвовать, — предположила Света. — По крайней мере, в случае Витьки это безусловно верно. Он не ценил жертв.

— Да. Витя ненавидел, когда кто-то предъявлял на него права. Это моментально выводило его из себя. Поэтому ему нравились Аня и Полина... обе по большому счету на него не претендовали. Я понимала, что нельзя демонстрировать ему свои чувства, но не могла их скрыть. А вот Миша другой, правда? Ему нравится, когда его любят. Я всегда мечтала именно о таком, как он. Так ты действительно не будешь мне мешать? Обещай!

Света уже собралась было кивнуть, как вдруг вспомнила, что собиралась обсудить совершенно иное.

— Сперва скажи мне правду... это ты подложила на Ланин стол записку?

— Нет, Полина, — быстро возразила Нина.

— Полина этого сделать не могла. Остаешься ты.

Нина упрямо молчала. Света глянула в ее жесткое, непреклонное лицо и в ужасе остановила автомобиль.

— Значит, их убила все-таки ты? — помертвевшими губами прошептала она.

До последнего момента ей чудилось, что Нина как-то все объяснит. Полина же, например, объяснила, и оказалось, она не при чем... то есть при чем, однако преступлений не совершала. А Нине, получается, нечего сказать в свое оправдание? На вид такая милая, кроткая девушка, а на самом деле... Уж лучше бы не знать правды!

— Я... я должна рассказать милиции, — с трудом выдавила Света. — Что другое, но убийство... даже два... я не могу такое скрывать.

— Убийства? — словно бы изумилась Нина. — Я никого не убивала. Это ты придумала из ревности.

— И не подкидывала записок, — повысила голос Света, возмущенная притворством. — Но я-то знаю, что ты врешь. Теперь мне не жалко выдать тебя милиции, совершенно не жалко! Мне только жалко Мишку... для него это опять будет удар. И ты еще требовала от меня каких-то обещаний... чтобы я да обещала отдать Мишку убийце? Пусть лучше остается с Ланой, она действительно его любит.

— Она его не любит! — вскипела Нина. — Я что, по-твоему, слепая? Не любит. Но разве мужчину легко в этом убедить? Я могла сто раз повторять, что Лана притворяется, Миша бы все равно не поверил. А мне против Ланы не потянуть, она красавица и виртуозка секса. Я не сделала ничего плохого! Да, инструкцию Витя написал мне, а не Лане, но сути дела это не меняет. Я убеждена, что Лана не любит Мишу, и не видела другого способа сообщить ему правду так, чтоб он по-настоящему убедился. Я сделала ему лучше, а не хуже... может, я соврала по мелочи, но по большому счету права.

— Ничего себе «права»? Решила свалить свои убийства на Лану и уверяешь, что не сделала ничего плохого? Ты хоть соображаешь, что несешь?

— А при чем тут убийства? — раздраженно воскликнула Нина. — Я что, думала, что Миша свяжет эту чертову записку с убийствами? Я просто хотела наглядно показать ему, что Лана его обманывает, вот и все. Ты сама слышала, когда он стал обвинять ее в убийствах, я категорически возражала. Пускай она моя соперница, но сажать ее ни за что ни про что в тюрьму я не хочу.

— Удивительная доброта! — съязвила Света. — А для чего ты подкинула записку мне? Тоже из гуманных соображений?

— Не тебе, а Лане, на ее стол. Я надеялась, Миша прочтет, расстроится, но вслух никому не скажет... самолюбие не позволит. А я буду рядом и его утешу. Я же не догадывалась, что его заклинит на этих дурацких убийствах и он решит обратиться в милицию.

— Да я совсем про другую записку... ту, что со Светиком. Зачем ты сунула ее ко мне в стол, отвечай!

— Не носи чуши... у тебя в офисе нет никакого стола. Тебя я вообще сбросила со счетов, раз ты завела роман с другим, ты мне не соперница.

Света нервно потерла пальцами виски и без обиняков уточнила:

— Это ты убила Сергея Ивановича и Витьку?

— Конечно, нет. О господи, чего ж я сразу не сообразила! У меня на вчерашний вечер алиби. Я была в театре. Этого тебе достаточно? Ты обещаешь не мешать мне? Я буду ему куда лучшей женой, чем Лана. Она слишком избалована мужским вниманием.

— Ничего я не обещаю, — отрезала Света, высаживая спутницу. — Надо действовать честными средствами.

— Спасибо, пробовала. Не всем же везет, как тебе... Кстати, завести любовника, пока муж в тюрьме — не верх честности.

Бросив эту парфянскую стрелу, Нина удалилась. Пару минут Света просидела, пытаясь навести порядок в собственных мыслях, но быстро осознала, что без помощи Вадима это занятие тщетное, и поспешила домой.

Вадим ждал у двери, и вид его был суров.

— Ну, и чем ты занималась это время?

— Вот ничего еще не знаешь, а осуждаешь, — попеняла Света. — А я сделала много важного и полезного. Откровенно поговорила с Анечкой, Полиной и Ниной. Правда, кто-нибудь из них запросто мог меня обмануть, но все равно я считаю, что сделала много. Я тебе все сейчас расскажу, и если что-нибудь не так, ты догадаешься и мне объяснишь.

— Не надо было оставлять тебя одну, — вздохнул Вадим, явно не собираясь хвалить за успехи. — Ты же сама сказала, что теперь, когда ни тебя, ни Михаила Петровича не подозревают, ты больше не станешь лезть в расследование. Ты хоть понимаешь, что один из этих людей... точнее, одна — уже убила двоих?

— А я и не лезла... оно само получилось. Ты не ворчи, лучше слушай.

И Света, задыхаясь от нетерпения, выдала все до мельчайшей подробности.

— Как ты думаешь, они говорили правду или ввали? — спросила она по окончании. — У меня голова идет кругом... столько всего неожиданного.

Вадим медленно пожал плечами.

— Версия Полины очень похожа на правду. Сразу проясняются некоторые вещи, которые раньше казались нелепыми. Почему Козырев сперва лежал, а потом оказался сидящим, каким образом к нему в карман попал чужой платок, почему скакала туда-сюда бутылка виски. Мне кажется, Полина действительно была у Козырева между Михаилом Петровичем и тобою... уж очень хорошо это согласуется с фактами, известными одной тебе, понимаешь? Некая дама убивает Козырева из ружья Михаила Петровича, ставит на стол виски, чтобы окончательно свалить на него вину, и сбегает, послав Михаилу Петровичу от лица Козырева приглашение. Тот приезжает, убирает виски и уносит ружье. В восемь появляется Полина. Ружья нет, зато валяется носовой платок... да, еще доллары. Тело лежит на полу. Она не ошиблась ни в одной детали. Решив обезопасить себя от возможных обвинений, Полина сажает тело к столу и, подобно своей предшественнице, ставит на стол виски.

— Странное совпадение, — удивилась Света.

— Да не очень. Обе хорошо ориентировались в ситуации. Они знали, что у Михаила Петровича как раз в тот день обострился конфликт с Козыревым, знали, что он владелец ружья. Логично было именно его сделать козлом отпущения. Они знали, что он очень любит виски... зато дамы обычно предпочитают другие напитки. Каким способом проще всего убедить милицию, что убийство совершила ни в коем случае не женщина? Указать на конкретного мужчину. Большинство людей мыслят стандартно... я имею в виду, в одинаковых обстоятельствах они и рассуждают одинаково... делают то, что напрашивается само собой.

— Значит, все-таки Нина? — неуверенно уточнила Света. — Странная она все-таки. То засадила Мишку в тюрьму, а теперь пытается выйти за него замуж. Убила двух человек, а волнуется, собираюсь ли я разводиться. Она должна волноваться по более существенному поводу, арестуют ее или нет, правильно?

Вадим молча набрал по телефону номер.

— Андрей Васильевич... Вадим Андреевич говорит. Я понимаю, это не положено, но, может быть, вы пойдете навстречу? Усова уверяет, у нее на вчерашний вечер алиби. А, вот как? Спасибо. Да, конечно, до шести подъеду. Похоже, мне будет, что рассказать.

— У нее настоящее алиби? — жадно поинтересовалась Света, едва Вадим положил трубку. — Может, очередное вранье?

— Более, чем настоящее. Она с двумя приятельницами ходила в театр, а перед этим в кафе. Сидели все трое рядом, так что сомнений нет. Лагунова Нина не убивала... а значит, и Козырева вряд ли.

— Но записку на стол Ланы подкинула точно она, — с недоумением напомнила Света. — Она призналась. А кто подбросил записку мне? Тоже она или кто-то другой?

— Наша преступница, похоже, не отличается оригинальностью мышления, — задумчиво произнес Вадим. — Вот смотри. Ей понадобилось указать милиции на Михаила Петровича — и она, мысля подобно Полине, выставила на стол виски. А, подбрасывая тебе записку, она вполне могла мыслить подобно Нине. Это многое меняет.

— Что именно? Я не понимаю.

— Нина ведь не имела ни малейшего желания обвинять Лану в убийстве, так? Она преследовала цель убедить Михаила Петровича, будто Лана действовала по указке Козырева. Обвинение в убийстве при этом Нина совершенно не принимала в расчет. Возможно, преступница преследовала схожую цель... не посадить тебя в тюрьму, а лишь уверить милицию, что вы с Козыревым были любовниками.

— Зачем? Если я не убийца, какое милиции дело, спала я с Витькой или нет? Вадим, ты нарочно темнишь. Скажи честно, кого имеешь в виду, и не морочь мне голову рассуждениями.

— Боюсь, в своих рассуждениях я совершал большую ошибку, — ответил Вадим, нахмурясь. — Мне казалось, преступница вела себя разумно и хладнокровно... а, скорее всего, все было наоборот.

— Так ты опять про Аню! — взвилась сообразившая, наконец, Света. — Да, она не такая умная, как некоторые, но она же в этом не виновата! Никого она не убивала, понял? Тем более, Сергея Ивановича. Она любит его, понятно? Он был смыслом ее жизни, понятно? Она любит его, а он любил ее, и он бы никогда не выдал ее милиции, будь на ней хоть сто убийств! Он бы помог ей избежать наказания, вот и все. Много ты понимаешь в любви, ты, сухарь!

— Света, Света, — улыбнулся Вадим. — Успокойся. Я достаточно понимаю в любви, чтобы согласиться: Ане не имело ни малейшего смысла убивать Лагунова, она и так вила из него веревки. Я имел в виду совсем другую.

— Кого? Мы же всех уже перебрали, — все еще возмущенно заявила Света.

— Ну, если все версии, кроме одной, отпадают, значит, остается именно эта одна, какой бы парадоксальной она ни казалась. Метод исключения.

Вадим откровенно дразнил, и это почему-то Свету успокоило.

— Ладно, — махнула рукой она, — попробуем. Аню исключаем — она не убила бы мужа. Нину исключаем — у нее алиби. Лану исключаем — записка с инструкцией принадлежит не ей, а Нине. Полину исключаем — ее показания согласуются с моими. Мужчин исключаем — мужчина сумел бы убить Лагунова, посильнее ударив по голове. Никого не остается.

— Я вижу в твоих рассуждениях небольшой логический пробел.

— Ну, так объясни, раз ты такой умный, — потребовала Света.

— Хорошо. Так из каких соображений ты исключила Лану?

— Как из каких? Я же все тебе рассказала. Мы сперва решили, что убийца она, а потом оказалось, что записка не ее, а Нинина.

— Ну и что? Почему тот факт, что Нина шпионила в пользу любовника, доказывает, что Лана не убийца? — пожал плечами Вадим.

Света задумалась.

— Пускай не доказывает, но... я не понимаю, зачем ей убивать Витьку? У нее нет мотива.

— Возможно, Михаил Петрович не погрешил против истины, уверяя, что Лана никогда его не любила и он это чувствовал. Что в ее поведении было нечто странное. Возможно, и Ниной двигала не только злоба, когда она утверждала то же самое. Кстати, Полина говорила тебе сегодня, что не верит во внезапную страсть Ланы к Михаилу Петровичу.

— Но я своими глазами видела, как она переживает! Она приезжала ко мне вчера, так на ней лица не было, можешь мне поверить.

— Естественно, раз она только что убила Лагунова.

— Если она только что убила Лагунова, что ей было делать у меня? — ехидно осведомилась Света.

— Откуда мне знать? Я ведь не утверждаю, что до конца понимаю ее мотивы... я только вижу, что, кроме Ланы, убить больше никому.

— Но в четверг, когда Мишку арестовали, она по-настоящему плакала!

— Опять-таки, если она в среду убила Козырева, к четвергу вряд ли успела бы привести нервы в порядок, вот и плакала. Света, повтори-ка мне историю про часы. Я в свое время не придал ей значения, а, наверное, зря.

— Какие еще часы? — изумилась Света.

— Которые на час отстали. Ты еще из-за этого застала мужа с Ланой.

— А, ты об этом. Тут нечего повторять, ты сам все сказал. Я пришла полчетвертого, а Мишка считал, что еще полтретьего.

— А раньше эти часы отставали?

— Нет, никогда.

Вадим удовлетворенно кивнул.

— Их перевела Лана. Ей хотелось, чтобы ты вернулась и все увидела. Зная твой вспыльчивый нрав, она могла не сомневаться, что ты выгонишь мужа из дома. Похоже, ей это и было нужно.

— Ты сам себе противоречишь, — возразила Света. — То Лана, видите ли, не любила Мишку, а то специально подстроила так, чтобы мы с ним разошлись. Зачем?

— Скорее всего, по просьбе Козырева. Она наверняка была его сообщницей... нет, все-таки любовницей, иначе откуда ей взять нежную записку, которую она подложила тебе в стол?

— Лану зовут не Светиком, — напомнила Света.

— Светлана... Лана, — медленно произнес Вадим. — Ее полное имя часом не Светлана, а?

— Нет, — злорадно сообщила Света. — Я видела ее паспорт. Лана Горностаева, и никаких Светлан.

— Да, — согласился Вадим, — Родионов бы это имя не пропустил, ты права. И все-таки что-то здесь есть. Лана-Светлана, и загадочное С. в дневнике... Перспективное направление. Почему я был так слеп? Хотя ясно, почему. Я сразу решил, что записку тебе подложила не Лана, поскольку она была у тебя не в субботу, как остальные, а в четверг, понимаешь?

— Нет. Чем четверг хуже субботы?

— Тем, что в четверг милиция безусловно и непреложно полагала, что убийство совершил Михаил Петрович. Преступница должна была радоваться, что так ловко свалила на него вину — а она вместо этого является к тебе и подбрасывает записку, которая указывает на тебя, а не на него. Глупо портить самой себе игру, правда? А вот к субботе ситуация изменилась. Стало ясно, что подозрения переносятся с Михаила Петровича на тебя... вот тут-то и было бы кстати укрепить их при помощи записки. Но я рассуждал как мужчина, а не как женщина. Женщина могла придавать записке совсем другой смысл... я осознал это лишь тогда, когда подобным образом поступила Нина. Записка указывала, что С. в дневнике — это ты. Значит, другую кандидатуру на эту букву искать бы никто не стал. Кстати, у Михаила Петровича появлялся дополнительный мотив для убийства — ревность. Выходит, Лана вполне могла подбросить тебе записку в четверг.

Света мрачно молчала, не умея возразить. В рассуждениях Вадима был определенный смысл, но вывод ей не нравился. Лана, такая несчастная, оказалась убийцей? Быть того не может! Надо спросить у нее, и она все объяснит.

Вадим сурово посмотрел на собеседницу.

— Твои мысли иногда просто написаны у тебя на лбу. К Лане ты не поедешь, поняла? Даже если мне придется позаимствовать у Родионова наручники и приковать тебя к батарее.

— Но вдруг она не виновата? — пролепетала смущенная Света.

— Тогда ей ничего не грозит. Родионов — мужик умный и порядочный. Вообще-то он просил меня до шести к нему заехать... — Вадим вздохнул.

— Конечно, езжай.

— Вот что, поедем вместе. Так будет спокойнее.

— Я и без того еле на ногах держусь после этих событий, — пожаловалась Света, — а ты еще на допрос тащишь. Я так мечтала лечь в постель!

— Если б я был уверен, что ты ляжешь в постель, а не помчишься встречаться с Ланой... — пробормотал Вадим, бросая на собеседницу встревоженный взгляд. Она и впрямь выглядела страшно усталой.

— Даю честное слово, что лягу в постель и не стану встречаться с Ланой, — твердо заявила Света. — Если я тебя обману, не верь мне больше никогда. Езжай, серьезно. Я же вижу, вы с Родионовым здорово спелись.

— Он очень нам помог, и я чувствую себя обязанным, — признался Вадим. — Было бы непорядочно не поделиться с ним сведениями, которые мы обнаружили.

— Ну, конечно.

— Светка, ты не собираешься меня надуть? Я ведь проверю.

— Глупо надуть человека, с которым связываешь такие большие планы, — улыбнулась Света. — Вот тебе ключи, можешь запереть меня снаружи. Это тебя успокоит?

— Пожалуй, — тоже улыбнулся Вадим. — Ладно, отдыхай. Через пару часов позвоню.

Света пристроилась на диване, с удовольствием откинувшись на подушку. Ну и глупые эти мужчины! Зачем мчаться к Лане, если есть телефон? Про телефон ведь речи не было, правда?

К счастью или к несчастью, Лана отозвалась. Голос ее заметно дрожал, и у Светы защемило от жалости сердце.

— Лана, тут такие дела, что тебе лучше знать, — произнесла она. — Тебя могут обвинить в этих убийствах.

— Зачем? — без выражения спросила Лана. — Зачем мне убивать Козырева?

— Якобы ты была его любовницей... он зашифровал тебя в дневнике буквой С. Лана-Светлана. Якобы ты и есть Светик из записки. Чушь, конечно, но я решила предупредить.

— Спасибо, — все так же без выражения поблагодарила собеседница. — В пятнадцать лет я мечтала стать манекенщицей. Светлана казалось мне недостаточно изысканно. Получая паспорт, я взяла имя Лана. У милиции наверняка есть возможность это узнать, раз подобная мысль пришла им в голову. Да я и не скрывала. Думаю, многие слышали, просто забыли. А Сергей Иванович помнил. Он вообще помнил все, что связано с людьми. Очень был внимательный и хороший человек. Очень.

Света молчала, в оцепенении глядя в трубку. Потом выдавила:

— Я не поняла... ты была любовницей Витьки?

— Я безумно и страстно его любила, — отстранено, словно о погоде на завтра, сообщила Лана. — Любила, как никогда и никого. Он умел этого добиться. Мы встречались тайно, он настаивал на этом. Он не любил меня, теперь я это понимаю. Он хотел использовать меня, чтобы свалить Мишу. Он Мишу ненавидел.

— За что? — не выдержала Света.

— За то, что они вынуждены были работать вместе. Вите надоело с ним считаться, а разделить бизнес оказалось невозможно. Витя терпел Мишу слишком много лет, он устал. Тем более, Миша стал обузой для бизнеса, его методы устарели. Оставалось добиться, чтобы он ушел, оставив все Вите. Но добровольно он бы этого не сделал... он считал бизнес своим, поскольку сам когда-то его создал. А то, что обстоятельства изменились, Миша упрямо не принимал в расчет. Единственным способом удалить его, было получить на него компромат. Нина не справилась... где ей, она слишком проста! А я знала, что справлюсь. Правда, для этого нужно было с Мишей спать, но Витя уверял, что это ничего. Что любовь — это одно, а физиология — совсем другое. Главное, что я люблю его, а не Мишу. А когда Витя станет единоличным хозяином «Интермага», мы поженимся. Я была достаточно глупа, чтобы верить.

— Но тогда зачем ты перевела часы, чтобы я застала вас с Мишкой? Ты же не хотела за него замуж!

— Я делала, что велел Витя. Он считал, без твоей поддержки Миша легко сломается... что Мишу поддерживает счастливый брак, понимаешь? Сперва Витя пытался соблазнить тебя, но не получилось. Тогда он велел мне соблазнить Мишу. Мне казалось, если слушаться Витю беспрекословно, он будет меня любить. Но он никогда не любил меня, я поняла это очень скоро.

Казалось, Лану мало трогает то, о чем она говорит. Ее спрашивают, она отвечает.

— Так это ты его убила?

— Да. Меня страшно мучило, что я должна буду провести целую ночь вместе с Мишей, притворяясь, будто люблю его. Не знаю, как ты выдерживала его темперамент, примитивный и однообразный... меня иногда просто тошнило. Я сказала, что хочу пробежаться по магазинам, купить себе кое-какие вещи, а сама бросилась к Вите. После встречи с ним я бы все перенесла,

понимаешь? Терпела бы целую ночь, вспоминала Витю и улыбалась. Но Витя... он встретил меня совсем не так.

— Ты была ему больше не нужна, — вырвалось у охваченной ужасом Светы.

— Если бы только это! — воскликнула Лана, и в голосе ее прорвались искренние чувства. — Он сказал, что я хуже Нины. Что он презирает таких, как я, которые не могут спать с мужчиной, не покушаясь на его свободу. Что он с трудом терпел меня, пока ему требовались мои услуги, а теперь, когда я сделала все, что нужно, он выскажет, наконец-то, всю правду. У него есть другие женщины, они ему по-настоящему нравятся, он их уважает, потому что они понимают — секс лишь приятная часть жизни, и не более того. Одна из них вот-вот должна прийти, так что мне пора выметаться. А я пытаюсь с помощью секса заполучить мужчину в безраздельное пользование, потому что я — примитивная вульгарная самка, с которой ему даже спать противно. Кто я такая, чтобы являться к нему без приглашения и претендовать на его внимание? Лучше он заплатит мне деньгами за проделанную работу и больше ничего не будет должен. А вообще-то советует обеими руками держаться за Мишу... конечно, любит Миша тебя, но настолько боится свободы, что женится на ком угодно, лишь бы не быть одному.

Несколько секунд длилась пауза, потом, вернувшись к безразличному тону, Лана добавила:

— Когда он протянул мне эти доллары, у меня внутри словно что-то сломалось. Я схватила ружье и выстрелила. Вот и все.

— Но зачем он взял у Мишки ружье? Хотя ты, наверное, не знаешь...

— Знаю. Витя был осторожным человеком. Собираясь вступить с Мишей в конфликт, он предпочитал, чтобы тот не имел на руках оружия. Мало ли что... потеряет контроль над собой и выстрелит. Зачем Вите рисковать? Вот он и выдумал какую-то историю, чтобы на время получить ружье себе. Это его и погубило. Предусмотрительность иногда бывает во вред. — Похоже, Лана усмехнулась.

— О господи, — вздохнула Света. — Ты, наверное, страшно испугалась случившегося и в панике убежала?

— Нет, Света. На меня снизошло удивительное спокойствие. Витя, окровавленный, лежал на полу, рядом валялись доллары, а я спокойно размышляла, поймет ли милиция, что убийца я. Ведь наши с Витей отношения держались в глубокой тайне... сама понимаешь, иначе я не сумела бы войти в доверие к Мише. И так, меня нет причины подозревать — если только не обнаружат Витин дневник. Витя признался мне как-то, что ведет дневник и я у него называюсь С. Он и в записках никогда не обращался ко мне «Лана»... боялся, что записка попадет в чужие руки и наша тайна откроется. Он называл меня Светиком. Я стала искать дневник, но не нашла, зато нашла бумаги, компрометирующие Мишу... те самые, которые я помогла собрать. Тогда я подумала: «Какой естественный мотив... и ружье тоже принадлежит Мише. Милиция просто обязана его заподозрить, но пускай они сделают это побыстрее. Если его сегодня арестуют, мне не придется с ним спать». И я достала из бара бутылку виски и стаканы... ну, чтобы картина стала совершенно ясной. И послала Мише вызов с Витино сотового, а сама уехала.

— И тебе было его не жалко? — тихо спросила Света.

— Кого? Витю или Мишу? Впрочем, все равно. Мне никого было не жалко, только себя. Я стала думать, как сделать, чтобы никто ни о чем не догадался. Я должна вести себя так, словно безумно люблю Мишу, но в то же время постараться бросить на него как можно больше подозрений. Мне кажется, я сумела. Его арестовали, и я вздохнула, наконец, спокойно. Пока он был рядом, я боялась, он почувствует неладное. Но тут же возникли новые проблемы. Сергей Иванович нанял адвоката, который потребовал, чтобы в квартире Вити провели тщательный обыск. Я страшно перепугалась. Найдут дневник, поймут, что там идет речь обо мне, и посадят меня в тюрьму. А я не хочу в тюрьму, лучше умереть. Но я вдруг сообразила: С. вовсе не обязательно свяжут со мной. Ты ведь как раз Света. Пускай решат, что С. — это ты. Я не хотела тебе ничего плохого, честное слово! Какая тебе разница, будут ли тебя считать Витиной любовницей? С Мишей вы все равно расстались. Я приехала к тебе в четверг и, когда ты вышла за валидолом, подбросила записку в ящик твоего стола. Я знала от Миши, что ты редко заглядываешь в этот ящик. Я думала, в крайнем случае сумею заставить милицию найти эту записку, и они не станут искать других С., раз есть ты. Вот все, чего я в тот момент хотела. Но, когда Мишу выпустили, у меня не оставалось другого

выхода, кроме как бросить подозрение в убийстве на тебя. Я не виновата, что так получилось. Просто больше было не на кого.

— И ты измененным голосом позвонила в милицию, — укоряюще прокомментировала Света.

— Да, но это не помогло. Меня так терзала мысль, почему они не нашли записку, что я специально пришла к тебе вчера вечером, после... после «Интермага». Я заглянула в стол, но записки там не было. Ты что, нашла ее раньше милиции?

— Нашла и порвала, — заявила Света, не желавшая подводить Родионова.

— Не повезло. Мне вообще не повезло. Сергей Иванович знал, что я была Светой, и догадался, что в дневнике речь идет обо мне. Хуже того! Он наблюдательный, он чувствовал, что у нас с Витей роман, а Мишу я не люблю. Он догадался обо всем.

— И ты его убила, — мрачно заметила Света, жалость которой к собеседнице тут же улетучилась. Бедный Сергей Иванович! Уж он-то был хороший человек.

— Бедный Сергей Иванович, — словно прочла ее мысли Лана. — Он был очень хороший... добрый. Вместо того, чтобы позвонить в милицию, он решил дать мне шанс оправдаться... вызвал меня в «Интермаг», все рассказал, и я... я ударила его по голове. Я была как в бреду, Света, поверь! Все эти дни я была не в себе, и, когда он отвернулся, словно что-то заставило меня его ударить.

— А потом заставило задушить и поджечь, — жестко произнесла Света. — Надеюсь, ты не ждешь, что я тебя пожалею?

— Нет, конечно. Я и сама себя сейчас не жалею. Я не пытаюсь снять с себя вину, я просто объясняю. Поверишь ли, я мечтала о том, чтобы он остался жив. Я ведь не была уверена, что он умер. Пусть бы он выжил, а там будь что будет! Я ждала утра с надеждой... но надежда не оправдалась. Я весь день лежу и плачу... плачу, потому что мне его жалко... а теперь получается, он погиб зря, меня все равно арестуют. Лучше бы я его не убивала!

— Но ты его убила... как ты могла, Лана?

— А может, это был шок? Состояние аффекта?

— Не надейся, — отрезала Света. — Я как врач говорю, снять таким образом ответственность ты с себя не сможешь, не то у тебя состояние.

— Спасибо, — вдруг поблагодарила Лана. — Спасибо, что позвонила мне... предупредила. Ты очень мне помогла. Мне так хотелось выговориться... мне даже легче стало немного. Только ты не рассказывай никому все это, хорошо? Обещаешь?

— Нет.

— До свидания. Прощай. — Собеседница словно не услышала ответа.

— Прощай, — сказала Света гудкам в трубке.

Голова трещала от перенапряжения, мозги отказывались усваивать невероятную информацию. «Закрою-ка на минутку глаза, а потом сосредоточусь», — решила Света.

Разбудил ее звонок в дверь.

— Кто? — сонно спросила она.

— Я, Вадим. С тобой все в порядке?

Света отперла.

— Просто, что так поздно, — извинился гость. — Но я много раз звонил по телефону, ты не поднимала трубку, и я...

— Ты знаешь, я полностью отрубилась и ничего не слышала. Ого, уже двенадцать!

— Ты действительно за эти дни слишком устала, — сочувственно произнес Вадим. — Но от моих новостей лучше не станет. Все равно узнаешь, так лучше от меня.

— Что случилось? — прошептала Света, холодея от дурного предчувствия.

— Ты знаешь, настоящее имя Ланы — Светлана. Она его поменяла при получении паспорта. Были и другие моменты... Короче, когда милиция к ней приехала, помочь уже ничем было нельзя. Она отравилась... выпила целый пузырек таблеток... тех самых, которые дала ей ты. Оставила записку... мол, ее замучила совесть после двух убийств. Вот так.

— Вот так, — повторила Света, хватаясь за сердце. — Господи, какая же я дура! Я должна была... но я же не думала... а должна была думать, должна!

— Я так и знал, что ты расстроишься, — кивнул Вадим, прижимая Свету к себе. — Но это же случайность... ты не виновата. Ты дала ей успокаивающие таблетки, каждый врач так поступил бы

на твоём месте. Откуда тебе знать, что она захочет покончить с собой? Да и вообще, не было бы таблеток, она бы нашла другой способ... повесилась, например, или вскрыла вены.

— По крайней мере, она умерла без мучений, — медленно произнесла Света, не замечая, что из глаз катятся слезы. — Просто уснула. Господи, почему я не поехала к ней домой, почему?

— Потому что дала мне слово, — объяснил Вадим. — Ты не виновата... ну, не плачь, пожалуйста, не надо.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Света, крепко прижимаясь к его груди. — Все так ужасно... я виновата... виновата по-настоящему.

— Тебе очень плохо, да? — спросил Вадим, мягко отстраняя ее, чтобы заглянуть в лицо.

— Да, но я не в отчаянии, честное слово! — неожиданно для себя самой вскричала Света. — Наоборот... совсем наоборот!

Он улыбнулся и еще крепче прижал ее к груди.